М. Ю. Люстров

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В XVII–XVIII вв.

От автора

О популярности шведской литературы в России русские авторы конца XIX – начала XX в. писали как о естественной и обоснованной. В предисловии к русскому изданию «Истории скандинавской литературы» 1894 г. Ф. В. Горна К. Бальмонт отмечал, что «есть нечто, тесно сближающее нас с нашими северными собратьями. И русским, и скандинавам в одинаковой степени свойственны те черты, которые делают нашу литературу популярной в Скандинавии, а скандинавскую – в России. Эти черты: широкий размах мысли и чувства, неутолимая жажда героизма, идеалистическая мечтательность, глубокая грусть и горький юмор» [1]. В свою очередь отсутствие (в том числе и в России) сведений о шведской литературе в первой половине XIX в. расценивалось современниками как странное и труднообъяснимое: «Как для древних Север оставался постоянно загадкою, являясь в глазах их страною вечного мрака и снегов, так и в новейшее время по какой-то странной игре случая духовная жизнь трех государств Скандинавских также мало известна, скрываясь за литературной производительностью других народов. Быть может, причина такого равнодушия к Скандинавской литературе заключается в самом географическом положении страны» [2] («Отношение шведской литературы»).

Русские авторы XVIII в. о литературе Швеции говорили мало, сочинения писателей «соседственного» государства переводили нечасто, и при этом, в отличие от авторов XIX в., на этот факт не указывали и о естественном для россиян стремлении познакомиться со шведской литературой не задумывались. Кажется, в XVII–XVIII вв. в России не замечали самого ее существования. В резуль-

тате в современных историко-литературных исследованиях этому периоду отводится роль не заслуживающей особого внимания «предыстории» русско-шведских литературных взаимоотношений: в прелиминарных главах монографий, посвященных русско-шведским литературным контактам рубежа XIX–XX вв., дается краткий обзор произведений русской литературы XVIII в., так или иначе связанных со «шведской» темой, и переводных сочинений по истории древнескандинавской литературы [3]. Если же автор-историк отмечает, что «вторая половина XVIII в. явилась... начальным периодом в истории русско-шведских литературных связей» [4], то приведенный материал скорее опровергает, чем подтверждает этот вывод.

Всестороннее исследование русско-шведских литературных отношений в XVIII в. было проведено в книгах Д. М. Шарыпкина «Русская литература в скандинавских странах» (Л., 1975) и особенно «Скандинавская литература в России» (Л., 1980), однако, как выяснилось, многие факты остались за рамками этого «сжатого очерка» [5].

Наша задача состояла не только в том, чтобы ввести в научный оборот неизвестные или малоизвестные русские и шведские тексты и таким образом расширить раздел «Русско-шведские литературные связи в XVII– XVIII вв.» книг Д. М. Шарыпкина, но и дать ответы на вопросы, не затронутые в этом исследовании или нуждающиеся в дополнительном изучении: существовал ли во второй половине XVII – XVIII в. механизм литературного взаимоотношения двух соседних и, как правило, враждебных друг другу стран; насколько широк круг переведенных в России шведских и соответственно в Швеции – русских литературных сочинений, и чем обусловливался выбор предназначенных для перевода произведений; встречаются ли в литературах обеих стран сходные, не связанные напрямую с процессом общеевропейского литературного развития явления; каким образом в литературах России и Швеции находили отражение факты истории шведско-русских политических взаимоотношений; и, наконец, какие черты «соседственного» народа обращали на себя особое внимание русских и шведских авторов?

При работе над темой привлекались произведения знаменитых шведских и русских писателей и авторов, чье творчество малоизвестно и за границей, и у себя на родине. Огромное количество русских и шведских панегириков (подчас анонимных), не только изданных, но и рукописных, позволяет уловить общее на-

строение «писательской массы» и выявить незаметные на первый взгляд точки соприкосновения русской и шведской литератур во второй половине XVII – XVIII в. Таким образом, была предпринята попытка дать всесторонний анализ русско-шведских литературных взаимоотношений в XVII–XVIII вв. и пополнить ряд книг, посвященных литературным связям России и Швеции с другими европейскими странами[6].

Исследование проводилось в Москве, Упсале, Санкт-Петербурге и Стокгольме при финансовой поддержке Шведского Института.

Выражаю глубокую благодарность за помощь и ценные советы А. С. Демину, Улле Биргегорд, Маркусу Левитту, Хансу Хеландеру, И. Ю. Виницкому, А. А. Кобринскому.

I. Литературные контакты

В XVII – первой половине XVIII столетия о литературе «соседственного государства» и в Швеции, и в России знали крайне мало; больше того, в представлении шведского автора начала XVII в. одним из доказательств варварства русских являлось отсутствие у них литературы[7]. Вместе с тем военные, политические, культурные взаимоотношения России и Швеции в конце XVII – первой четверти XVIII в. вызывали к жизни некоторые специфические литературные явления, вне всякого сомнения, подтверждающие существование в это время шведско-русских литературных связей. Так, на рубеже XVII–XVIII вв. возникла «шведская поэзия на русском языке».

В настоящее время известны стихотворные произведения знаменитого шведского лингвиста, автора словаря «Lexicon Slavonicum» Й. Г. Спарвенфельда, написанные им в 1684, 1697 и 1704 гг., а также обнаруженное нами в библиотеке университета Упсалы напечатанное в 1715 г. стихотворение некоего E. L.

Последнее сочинение входит в состав издания, посвященного бракосочетанию принца Гессен-Гассельского Фридриха и сестры Карла XII, шведской принцессы (с 1718 по 1720 гг. королевы) Ульрики Элеоноры и включающего три стихотворения одного автора. Открывает сборник «Радостная песня» по случаю «высокорадостного бракосочетания», за ней следует «Нижайшее пожелание счастья, кратко с русского переведенное на шведский», представленное русским оригиналом и шведским переводом.

Стихотворение на русском языке, подобно напечатанным русским текстам Спарвенфельда, набрано латиницей:

W` wysokom sem supruzestwe
Z` Nebesa zelajem
Wam wsaeko blagopoluczie
I` was obych blazajem
Wo serdse Dobrodjeteli
Jaco Bizer sijaut
Wysokie Roditeli
Tu slavu umnozajut
I jako welikoduschie
WAM obym jest sobstwenno
My wsi zdes suszié
Prosim unizenno
Wysokoi waschei milosti
Da by sochranili
Nas ot wsaekoi propasti
I my b` pokoino zili[8].

Примерно половина стихов этого текста написана 3-стопным ямбом с дактилическими и женскими окончаниями, и, таким образом, стихотворение E. L. относится к разряду «первых силлабо-тонических экспериментов» авторов-европейцев, писавших по-русски: переводчика «Артаксерксова действа», Й. Г. Спарвенфельда, Э. Глюка и И. В. Пауса[9]. При этом русское стихотворение шведского автора принадлежит шведской поэтической традиции: перекрестная рифма встречается в шведских, но не в русских стихотворениях XVII – начала XVIII в.[10], а название панегирика «Нижайшее пожелание счастья» («En underdånig Lyck-önskan») как перевод с русского не представлено и является типичным для произведений шведской панегирической поэзии XVII – начала XVIII в. (например, «Нижайшее пожелание счастья великодержавнейшему Королю и Господину Карлу Двенадцатому» (1698) К. Г. Шеблада (Siöblad), или «Пожелание счастья» (1713 г.) Ю. Руниуса).

В свою очередь шведский «краткий перевод» представляет собой семистишие (aabccbb), написан правильным 4-стопным хореем и, таким образом, связан со стихотворением на русском языке лишь общей темой[11]. В русском подстрочном переводе шведский «краткий перевод» выглядит следующим образом:

Высокая Пара, украшенная всеми Добродетелями,
Мы Вам желаем много Счастья
От ласкового Неба
И чтобы нежность, которая Вас питает,
Могла постоянно светить нам,
Чтобы мы могли в добром мире
Восхвалять Вас все время.

В русско-шведском панегирике «пожелание счастья» новобрачным исходит от неких «нас», которые в русском стихотворении представлены как подданные шведской короны: «мы все здесь сущие». Поскольку оригиналом объявлен русский, а не шведский текст, можно предположить, что автор «En underdånig Lyckönskan» подразумевал русскоговорящее население Швеции. Однако к середине первого десятилетия XVIII в. Швеция уже не владела территориями, населенными русскими, и попытка создания сочинения, подобного изданной в 1697 г. «Плачевной речи» на погребение короля Карла XI Й. Г. Спарвенфельда, выглядела бы неуместной. В самом стихотворении какие-либо указания на этот счет отсутствуют, но, скорее всего, издание русского стихотворного поздравления (представляющего собой «шведское стихотворение на русском языке») объясняется лишь знакомством автора с этим иностранным языком.

В Швеции начала XVIII в. было не так много людей, способных сочинить стихотворение на русском языке, и их имена хорошо известны. По всей видимости, автором поздравления 1715 г. был Энок Лиллиемарк (1660–1736), участник шведского посольства в Москве в 1684 г., в конце XVII в. переводчик губернатора Ингерманландии, а в 1701–1703 гг. – личный переводчик Карла XII [12]. В 1705 г. Лиллиемарк вместе с Юханом Шмедеманом (Schmedeman) занимался дешифровкой писем русских военнопленных (эту службу Лиллиемарк описывает в своих записках 1730 г. [13]) и, в отличие от Спарвенфельда, не смог (или не пожелал) построить с ними отношения: в тех же записках говорится, что от русских он «получал большие дары, состоящие, по большей части, из дерзких слов и покушений на жизнь» [14]; в свою очередь Лиллиемарку принадлежит «Краткий анализ русских интриг по поводу различных трактатов» (1708). К моменту издания стихотворений, в 1715 г., Лиллиемарк с русскими уже не общался, служил в Государственном архиве, и, таким образом, его панегирик является стихотворным подношением верноподданного чиновника.

В отличие от стихотворения Лиллиемарка, русскоязычные сочинения Спарвенфельда исследуются давно [15]. Известно, что русским языком он интересовался больше, нежели всеми другими известными ему иностранными (в том числе и африканскими) языками: фрагменты на русском языке встречаются в сочинениях и переводах Спарвенфельда, прямого отношения к России не имеющих. Так, перевод книги испанского дипломата Диего Сааведры Фахардо «Corona Gothica», посвященной «вестготским королям», начинается с выдержки из Послания апостола Павла Римлянам (гл. 1, ст. 14) на греческом языке и ее «славянороссийского» перевода: «Еллныем же и варварем мудым же и неразумителным должен есмь» [16] (на 5-м листе эта цитата приводится на латинском языке). Правда, обычно появление русских переводов библейских фрагментов в текстах Спарвенфельда обосновано: например, перевод стиха 15 главы 21 Евангелия от Луки («As bo vam usta davat i Mudrost is wischnijch poslati // Budu, dawams`che nikto, nje Mogby protiw ghlagholati») предваряет стихотворное предисловие на русском языке к трактату Н. Бергиуса «Опыт о гражданском состоянии и религии московитов» (Стокгольм, 1704).

В свою очередь издание стихотворений Спарвенфельда на русском языке мотивировано их включением, в отличие от стихотворения Лиллиемарка, в состав сочинений, так или иначе связанных с русской темой (будь то трактат Н. Бергиуса или адресованная русскоязычному населению Швеции «Плачевная речь» на погребение шведского короля Карла XI (1697), которую, как известно, завершает стихотворение «Им же восточное солнце сияет...»). Исключением является стихотворение 1684 г. «Прежде неже что и речеши кому...», являющееся ученическим упражнением изучающего русский язык иностранца [17] и издания не предполагающее.

Это стихотворение создано по образцу русских силлабических виршей и написано чрезвычайно распространенным в русском виршеписании второй половины XVII в. 11-сложником. Следующее известное стихотворение Спарвенфельда, вышедшее в 1697 г., является, по мнению Т. Быковой, неудачной попыткой создания силлабо-тонического стихотворения [18], а изданное в 1704 г. стихотворное предисловие к трактату Бергиуса написано правильным 4-стопным дактилем [19], который, в данном случае, возник на основе того же силлабического 11-сложника. Точно так же 4-стопным дактилем написаны встречающиеся в русских силлабических 11-сложных виршах XVII в. силлабо-тонические вкрапления: «Отроча юный, от детства учися, // Письмена знати и разум потщися, // Не возленися тру-

дов положити...», или «Царь наш Феодор от царя рожденный, // Множеством царских доброт украшенный, // Нуждная юным веле вместити, // Како всем веру достоит хранити... Верни и блази, и мудри творятся» (предисловие к «Букварю языка славенска» (М., 1679) Симеона Полоцкого), или «Вскую языцы велми ся шаташа, // Людие тщетным ум свой прилагаша» («Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого)[20].

Неизвестно, существует ли аналогичное стихотворное упражнение изучавшего русский язык Лиллиемарка, однако очевидно, что его панегирическое сочинение 1715 г. с русскими силлабическими 11- или 13-сложниками не связано. Конечно, в шведской поэзии 4-стопный дактиль стихотворений Спарвенфельда был известен хорошо: в стиховедческий трактат А. Никандера «Неоспоримые замечания о шведском поэтическом искусстве» (Стокгольм, 1737) включен раздел, специально посвященный дактилю, а описанный в этой главе стих, состоящий из трех дактилей и замыкающего хорея, точно соответствует ритмическому рисунку стихотворений Спарвенфельда[21]. Однако в шведской поэзии начала XVIII в. этот размер использовался мало (не случайно в послесловии к «Собранию шведских стихотворений» (Стокгольм, 1751–1753; об этой книге ниже) А. Сальштедта отмечается, что «дактилические стопы... очень редки в нашем языке»[22]). В шведской поэзии этого времени преобладали 4-стопные ямб и хорей, а также 6-стопный ямб, реже встречается 3-стопный ямб (один из примеров – стихотворение Лиллиемарка на русском языке), 7-стопный ямб, 8-стопный ямб, 6-стопный хорей[23]. По всей видимости, в своей стихотворной практике Спарвенфельд исходил, в первую очередь, из русской, а не шведской традиции виршеписания.

* * *

Стихотворные произведения шведских авторов рубежа XVII– XVIII вв. входили в состав изданий, адресованных шведскому или русскому читателю. При этом большая часть текстов, издававшихся в Швеции на русском языке в XVII – начале XVIII в., предназначалась все-таки для русскоязычной аудитории: успешные войны с Россией приводили к активизации шведской миссионерской и пропагандистской деятельности. Потребность издавать книги на русском языке возникла в Швеции уже в первом десятилетии XVII в., во время правления короля Густава II Адольфа.

Так, в 1614 г. в Нарве вышла книга на шведском языке, называвшаяся, в переводе Д. Цветаева, «Краткое изложение и наставление о нашей христианской вере и богослужении в Швеции. Здесь также изложены кратко и опровергнуты грубейшие заблуждения, какие есть в религии русских. Написано для русских священников и всего прихода в Ивангороде, а также и для других той же веры» (книга была переиздана в 1640 г.)[24]. Авторами этого сочинения являлись известные шведские проповедники И. Рудбек и И. Пальме, имевшие опыт ведения дискуссий с православными священниками: по словам Цветаева, «Краткое изложение» появилось после того, как «Густав Адольф велел своим придворным проповедникам Рудбеку и Пальме побеседовать в Ивангороде с русскими священниками о вероисповеданиях»[25] (этот факт отмечен в предисловии к изданию «Краткого изложения»).

Как и в других аналогичных изданиях, посвященных православной религии и Русской Церкви (в 1675 г. вышла и была переиздана в 1710 г. книга пасторов И. Швабе и И. Герхарда «Цурковь Московская»[26], в 1704 г. вышел и был переиздан в 1709 г. трактат пастора Бергиуса «Опыт о гражданском состоянии и религии московитов»), непосредственными адресатами «Краткого изложения» должны были стать шведы, в данном случае готовящиеся к полемике с русскими священниками. Неслучайно некоторые разделы этого сочинения имеют названия: «Заблуждения русских о...» или «Ответ на некоторые их заявления или возражения, как то...»[27]. Однако, как следует из предисловия к «Краткому изложению», «бедный и слепой народ» русские могут «получить Божью милость благодаря помощи» короля Густава Адольфа, и, по замыслу шведского правительства, с этой книгой должен был ознакомиться и русский читатель. Считается, что русский перевод этого сочинения «предполагалось распространить среди населения оккупированных шведами российских территорий»[28], а, по утверждению Цветаева, эта книга *была издана* на русском и шведском языках[29]. Действительно, в предисловии к изданию 1614 г. содержится указ короля об издании русского текста, но о существовании «Краткого изложения» на русском языке никаких сведений нет. В «Bibliotheca Rudbeckiana» (1918) (где описаны книги XVII–XX вв., в работе над которыми принимали участие представители фамилии Рудбеков) Ю. Рудбека выражено сомнение в исполнении этого распоряжения Густава Адольфа[30].

При этом не вполне ясно, как проблема издания «Краткого изложения» на русском языке могла решиться технически: в 1614 г. в Швеции не было русской типографии[31].

Известно, что типография со шрифтом-кириллицей была открыта в Стокгольме в 1625 г. голландским издателем Петером ван Селавом. По словам А. Кана, «в царствование Густава II Адольфа в 20-е гг. XVII в. шведские власти уже располагали и рукописными пособиями по русскому языку, и словарями. Именно тогда в Стокгольме была открыта типография со шрифтом-кириллицей и напечатаны с миссионерской целью лютеранские катехизисы» [32]. Точнее, «Катехизис, си есть греческое слово, а по руски именуется крестьянское учение перечнем, что человеку подобает прежде всего учитися и ведать о спасении души своей» (Стокгольм, 1628). Книгоиздательская деятельность Селава была замечена в Москве, и появление катехизиса Лютера на русском языке вызвало гневную филиппику со стороны российских церковных властей; при этом акцент делался на недопустимости «засорять» кириллицу враждебными православию писаниями. Так, в предисловии патриарха Адриана к «Православному исповеданию веры» (М., 1696) сказано: «Мартина убо Лютера ученицы изобретши писмена словенороссийская точная, чистая и преведше на славенский чистый диалект своих им лживых догматов доводы и типом издавше изнесоша на свет свой яда полный не цвет обнюхающыя услаждающий, но терн озязающыя убодающий две книжичицы» [33].

В России эту книгу воспринимали как вредную и опасную на протяжении всего XVII в. Так, автор известного антилютеранского сочинения «Изложение на люторы» и участник полемики с лютеранскими пасторами в 1644–1645 гг. Иван Наседка в своей челобитной патриарху Филарету писал: «...от юности Лютори и Кальвини учат книгу у себя, глаголемую катихизис, иже на православную нашу веру христианскую... отнюд православным не подобает ни зрети в ню, ниже мало что слышати от нея: есть бо прелести исполнена великия» [34]. Точно так же в малоизвестном антипротестантском сочинении XVII в. (переведенном в Швеции на шведский язык) говорится: «проклинаю учение первое малым детем их книгу, глаголемую Катихисин Мартинон, написаную четверо частную, иже по прелести люторстей и калвинстей нарицаемая оглашения, ея же вси паче уст христовых от юности учат на развращение правоверным и на росказание десятословия, еже люди ввести в жидовство» [35].

Позднее стокгольмская типография Селава была продана в Амстердам, и лишь в начале XVIII в. для издания русско-латинских словарей Спарвенфельда была предпринята попытка приобрести шрифт-кириллицу у И. Копиевского, но сделка не состоялась [36].

Острая потребность в русской типографии возникла в Швеции в начале Северной войны: издание текстов на русском языке могло бы обеспечить победу в пропагандистской войне с Россией. Однако долгое время такой типографии шведы не имели.

Лишь в 1708 г., после того как мастер, печатавший русские книги в Амстердаме, направлялся вместе с типографией в Россию и в Данциге был задержан шведами, шведская сторона получила возможность издавать русские тексты, набранные кириллицей [37]. В том же 1708 г. появилось так называемое «подметное воззвание Левенгаупа», в котором, в частности, говорилось, что «многие своему государству доброжелателные российские подданные не только лишились своего имения, но и жестоким да россыским образом в конечное разорение и к тому доведены, чтоб и живот им не мил был, а некоторая часть в немилостию и в ссылку послана» [38].

Такие обвинения вызывали незамедлительную реакцию со стороны российского монарха: Карл, «...издавая к вернейшим нашим поданным Малороссийскаго народа прелестные свои письма в образ пашквилев, в которых не устыжается Нашу высокую особу и славу безчестными клеветы и фальшивостьми ругати и, во-первых, нарекати, будто мы, Великий Государь, сию войну на него без причин праведных начали и немилосердно поданных его мучить указали, которое все на нас явственная ложь есть» [39], или «нам в сих числах донесен выданный за подписью и печатью короля шведского от 16 декабря месяца прошлого 1708 года безстыдный универсал на малороссийском языке, который наполнен грубой лаи, касающейся высокой персоны нашей и ради нескладной, явной всем и простым, а не то умным людям лжи, самохвальства и киченья его удобнее может студным и возмутительным пасквилем, нежели королевским универсалом назван быти» [40].

По мнению российской стороны, опасность подобных воззваний заключалась не столько в их содержании, сколько во внешнем сходстве этих изданий с книгами, печатавшимися в России. Шведские листы могли легко выдаваться за «свои» и, таким образом, обмануть читателя: «...буде какие письма где явятся, напечатанные славянскими словами и складом славянским же к возмущению народа или хотя под каким ни есть местным образом, приводя к тому ж, чтоб тем народ обманом привести в возмущение и таким письмам отнюдь не верить и у себя не держать, хотя будет и то в них написано, будто они на Москве печатаны...» [41]. Надо сказать, что издание листовок на русском языке вменялось Карлу в вину на протяжении всего XVIII столетия. Так, в «Кратком описании славных и

достопамятных дел императора Петра Великого... представленном разговорами в царстве мертвых ... с шведским королем Карлом XII» (СПб., 1788) П. Крекшина «Король сказал: ...напечатав в Гданске многия книги на Славенском языке, в них многую разнь и премену в закон ввел и чрез то желал весь Российский народ подвергнуть противу тебя к бунту»[42].

Вместе с тем, некоторые тексты на русском языке были изданы в Швеции на рубеже XVII–XVIII вв., до появления новой русской типографии. К числу таких книг принадлежит хранящийся в упсальской библиотеке катехизис Лютера («Катехизис Лютера. Вечерние и утренние молитвы и церковное учение по-русски и шведски»), вышедший в 1701 г. в Нарве.

Как и стихотворения Лиллиемарка и Спарвенфельда, русский текст катехизиса 1701 г. набран латиницей, правда, готическим шрифтом. При этом титульный лист издания напечатан на шведском языке, каждая левая страница разворота набрана на русском, правая – на шведском языках. В русском тексте, в отличие от изданий Спарвенфельда и Лиллиемарка, использованы буквы шведского алфавита. По предположению А. Нюхольма, катехизис 1701 г. предназначался для лютеранских пасторов, ведущих миссионерскую деятельность среди православного населения принадлежащих Швеции областей. По замыслу издателя катехизиса, не владеющие русским языком миссионеры должны были читать русскоязычной аудитории катехизис на русском языке. Русский текст был транскрибирован так, чтобы этот процесс не вызывал затруднений, а издание шведского оригинала позволяло пастору, произносящему слова чужого языка, сверяться со знакомым текстом[43].

При этом напечатанные в катехизисе Лютера молитвословные тексты должны были как можно меньше отличаться от знакомых православной аудитории молитв. Так, центральная часть нарвского катехизиса – молитва «Отче наш» во всех изданных в России книгах имеет одинаковый вид (с очень незначительными расхождениями, как показано в книге Нюхольма)[44], в свою очередь шведский текст в первом шведском лютеранском катехизисе 1567 г., в книге Рудбека и Пальмы 1614 (или 1640) г. и в том же нарвском катехизисе 1701 г. имеет некоторые отличия: например, «ditt namn», «ditt rike», «din vilja» (твое имя, твое царство, твоя воля) в катехизисе 1567 г. и в издании 1614 г. и «namn ditt», «rike ditt», «vilja din» (имя твое, царство твое, воля твоя) в нарвском катехизисе. Точно так же («имя твое», «царствие твое», «воля твоя») читается эта молитва во всех русских изданиях.

Однако, по мнению Нюхольма, большинство русских слов, напечатанных в катехизисе 1701 г., были транскрибированы неправильно и, таким образом, полноценное общение шведского пастора с русской аудитории было едва ли возможно. При этом, по словам Бергиуса, сами миссионеры не были способны к такого рода деятельности. В том числе и по этим причинам попытка шведского правительства распространить лютеранство среди православного населения принадлежащих Швеции территорий в начале Северной войны успехом не увенчалась: в отмеченном Нюхольмом письме Бергиуса от 18 октября 1701 г., в частности, констатируется, что, несмотря на все старания шведского правительства, большая часть простых русских желает принадлежать к Православной Церкви, хотя они не знают этого учения, и к тому же не понимают ни слова из языка, на котором ведется богослужение[45].

Как известно, в Швеции на рубеже XVII–XVIII вв. на русском языке латиницей были изданы «Речь плачевная» и предисловие к трактату Бергиуса «О гражданском состоянии и религии московитов» Спарвенфельда. Как и катехизис 1701 г., последнее сочинение Спарвенфельда издано на двух языках. При этом и в стихотворном предисловии Спарвенфельда к трактату Н. Бергиуса (который, будучи суперинтендантом, имел прямое отношение к изданию нарвского катехизиса – по крайней мере, в «Биографическом лексиконе» Г. Гезелиуса (Gezelius) об этой книге говорится в статье, посвященной Бергиусу[46]), и в катехизисе 1701 г. разноязычные тексты располагались одинаково: на левой странице разворота печатались набранные латиницей русские тексты, на правой – их латинский (у Спарвенфельда) или шведский (в катехизисе) перевод. По замыслу составителя издания, чтение должно было начинаться с русского текста.

Вне всякого сомнения, для не владеющего русским языком шведа читать русский текст, набранный знакомой латиницей, было проще, чем текст, набранный кириллицей. Чтение кириллических книг требовало специальных знаний, которыми большинство пасторов не владело: не случайно в типографии Селава выходили пособия, обучающие шведов чтению русских книг, напечатанных кириллицей. Так, изданный в типографии Селава «Alfabetum Rutenorum» («Русский алфавит») начинается с русского алфавита с комментариями на шведском языке, затем (по образцу русских букварей) напечатаны все возможные слоги и лишь потом – набранные кириллицей молитвы. В отличие от словарей Спарвенфельда, при издании предисловия к трактату Бергиуса, ка-

техизиса 1701 г. и того же стихотворения Лиллиемарка латиница не заменяла кириллицу, а была единственно приемлемым для издания таких книг шрифтом. При этом само появление подобных текстов было вызвано отсутствием в Швеции типографии со шрифтом-кириллицей и, как результат, отсутствием возможности напрямую общаться с православным русскоязычным населением (хотя, как показывает пример издания «Плачевной речи» Спарвенфельда, такие попытки предпринимались).

Появление нарвского катехизиса 1701 г. стало результатом только русско-шведских политических, военных, культурных и т. п. отношений. Вместе с тем, нарвский катехизис был издан практически одновременно с книгой «Отче наш на 100 языках» (Лондон, 1700), призванной подтвердить единство христианского мира, произносящего на разных языках главную христианскую молитву. Естественно, в лондонском издании напечатаны и шведский, и русский тексты этой молитвы. Можно предположить, что узко миссионерская, вызванная шведскими победами в Северной войне цель издания нарвского катехизиса совпадала (возможно, случайно) с более широкой целью всеобщего христианского объединения. Частью этого процесса являлось и издание в 1705 г. в Москве Псалтири по-русски и по-грузински, «имеретинским диалектом и письмены»[47].

* * *

В отличие от катехизиса 1628 г., издание катехизиса 1701 г. не вызвало в Москве никакой реакции, по всей видимости, из-за ее «нечитабельности». А между тем в первой четверти XVIII в. лютеранские молитвы не только бытовали, но и переводились в России. Примером такого рода является сборник лютеранских молитв, завершающий книгу переведенных в России в 1718 г. воинских артикулов Карла XI 1683 г. (которые в свою очередь восходят к воинским артикулам 1621–1632 гг. Густава II Адольфа[48]).

Состав входящих в нарвский катехизис и книгу артикулов лютеранских молитв схож с молитвами из катехизиса 1628 г., хотя некоторые «военные» молитвы стали известны русскому читателю лишь из перевода 1718 г.: кроме утренней и вечерней молитв, в сборник 1718 г. входили молитвы «высокого лица командующаго над войском», офицера, «рядового салдата» и «молитва, когда полевый бой или иные страшные случаи бывают»[49].

По мысли составителя «военного» молитвословного раздела, каждый из участников сражения имел свою, приличную его званию, молитву: командующий должен осознавать ответственность за все происходящее на поле боя, в том числе и за жизнь вверенных ему солдат, и потому обязан просить у Бога «мудрость и разум увидеть, еже мне и моим вредно или полезно может быти и их не без нужды иногда непотребно в беду не весть, Господи, кровь может проливатися, рассуждая, что и они человецы, яко аз и что Спаситель Иисус их так драгоценно, яко меня искупил, и мне за их жизнь и кровь некогда ответ дати» [50]. Офицер должен просить «в брани смерти не боятися и страху ради перепятия чинить службу мне поврученную верно отправить, но наипаче почитати короля моего и отчества благосостояние неже своея жизни» [51]. Солдат же обязан просить «благодать жалованием моим удоволится и никогда ближнему моему не сотворити, еже я не хощу да ближный мой мне паки сотворил», а также «началству моему верным и послушным быти» [52].

Завершающая сборник молитва («Когда полевый бой или иные страшные случаи бывают») выделяется на фоне остальных составляющих этот раздел книги молитвословий особым эмоциональным настроем; ее должен возносить воин, находящийся на поле сражения: «Ты ведаеши, какий страшный час ныне настоит и может быть, что я токмо пядию от смерти разстояния имам» [53] (эпитет «страшный» встречается здесь неоднократно). Известно, что эта молитва была *специально* написана для подобных случаев, читалась вместе с 96 псалмом и, по словам П. Энглунда, «была центральной частью в очень важной психологической подготовке» перед сражением [54]. В Швеции молитва солдат, читавшаяся перед сражением, вышла отдельным изданием в 1675 г. и несколько раз переиздавалась.

При этом утренняя и вечерняя молитвы в стокгольмском лютеранском катехизисе 1628 г. и в книге артикулов отличаются принципиально: в сборнике 1718 г. эти молитвы возносит постоянно подвергающийся смертельной опасности солдат и угрожающий ему враг – неприятель, ночное нападение которого представляется молящемуся особенно опасным («Ах, Владыко, аще мы спим, ты бдишь; хотя темнота помешает увидети неприятеля нашего намерение» [55]). Вероятно, по этой же причине среди молитв к артикулам отсутствуют напечатанные в катехизисе 1628 г. «мирные» молитвы «пред кушаньем» и «после кушанья».

Можно предположить, что перевод этих текстов на русский язык был возможен в силу их «военной», а не вероисповедной направленности; они рассматривались как неотъемлемая часть воин-

скихартикулов. Точнотакжепереведенноев России «Основательное наставление, как минеральной воде на Медеви в Остроготии налучшее быть употребленной...» (шведский оригинал издан в Стокгольме в 1702 г.) заканчивается «молитвой по врачевании» [56].

Другой причиной появления лютеранских молитв в России может быть намерение переводчика представить *весь* оригинал, не изымая из него отдельные фрагменты, в том числе и молитвы. Не случайно на титульном листе русской рукописной книги читается не имеющая никакого отношения к русскому переводу надпись: «Свышеимянованным королевскаго величества милостивым привилегием никому здесь в государстве и в принадлежащих землях изнова печатать или из инаго места привесть и продати при отнимании книг. Писаны от Гендриха Китсера в Стеколне».

И наконец, перевод «лютеранских» сочинений – типичное для Петровской эпохи явление. Так, например, во «Введении в гисторию Европейскую» С. Пуфендорфа о Реформации говорится: «В то время чистейшаго благочестия свет в Швеции начал сияти» [57]. При этом некоторые «лютеранские» книги первой четверти XVIII в. впоследствии объявлялись еретическими, и их распространение запрещалось (такая судьба постигла изданную в 1711 г. в переводе Иоанна Максимовича книгу И. Гергарда «Богомыслие» [58]).

* * *

Среди выходивших в России и в Швеции в первой половине XVIII столетия сочинений шведских и соответственно русских авторов преобладали нелитературные произведения утилитарного характера, эстетическая ценность которых переводчиков не интересовала. В это время переводились или писались (и печатались) на языке «соседственного» народа воинские артикулы и книги по военному делу (русский перевод шведского «Учения драгунского» – РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. № 1), духовные грамоты (шведский перевод духовной грамоты Екатерины I – РГАДА. Ф. 2. № 22), манифесты, адресованные народу страны-соперницы (печатный манифест Петра I на шведском языке – РГАДА. Ф. 20. № 33), и т. п.

Вместе с тем, среди переводов русских текстов, выполненных в Швеции, фигурируют не только политические документы или законодательные акты, но и произведения ораторского искусства. Эти сочинения могли принадлежать известным авторам, являться классическим образцом жанра, и, таким образом, их перевод знакомил шведского читателя с творчеством наиболее талантливых

писателей соседней страны. Так, в 1725 г. в Швеции был издан перевод «Слова на погребение Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества» Феофана Прокоповича. Надо сказать, что в первой трети XVIII в. Феофан был известен шведскому читателю: в том же 1725 г. был напечатан перевод его обличения Феодосия Яновского, а в вышедшей в Стокгольме в 1730 г. книге Ф. И. Страленберга, посвященной истории и географии России, кроме прочего, содержался отзыв о Феофане: «Архиепископ псковский, который переводил и сам сочинил несколько отличных произведений»[59].

Шведское издание речи Феофана появилось в тот момент, когда отношения между недавно воевавшими странами стали вполне добрососедскими, и, судя по некоторым откликам, смерть Петра вызывала в Швеции сожаление: так, «лидер голштинской партии И. Цедергельм в письме А. И. Остерману признавался, что весть о кончине Петра I "мне не меньше болезненна была", чем известие о смерти Карла XII»; и в этом же письме Цедергельм писал о Петре I: «великий воин паде, какого Россия никогда не имела... Не могу я своего и других сожаления о том довольно изъяснить»; далее Цедергельм подтверждал свою приверженность союзу с Россией и обещал сохранить верность «данного слова и (от) дружбы не отступать»[60].

Вместе с тем, способ оформления издания шведского перевода «Слова на погребение» позволяет предположить, что мнение шведов о российском императоре и его деяниях отличалось от точки зрения Феофана (и Цедергельма) и, несмотря на окончание Северной войны и заключенный русско-шведский военный союз, отношение шведов к Петру осталось недоброжелательным. Издание перевода речи Феофана сопровождается изображением склонившейся над могильным камнем фигуры (выражающей скорее задумчивость, чем скорбь) и подписью на немецком языке: es ist alles eitel («все суета»). Эта барочная сентенция становилась, таким образом, своеобразным комментарием к тексту: перечисленные деяния Петра лишь подтверждали бренность и тщету всего земного[61].

В Швеции «Слово на погребение» входило в состав различных конволютов и оказывалось в контексте аналогичных, по мнению составителя сборника, сочинений. Так, перевод этого произведения Феофана помещался среди изданий надгробных слов шведским королям: в одном из таких сборников (самые поздние входящие в него издания относятся к середине 1740-х гг.) «Слово» Феофана соседствует, например, с описанием похоронной процессии Карла XII (Стокгольм, 1719). Однако среди включенных в этот

конволют шведских текстов нет ни одного, оформленного так же, как «Слово» Феофана: в шведских изданиях, посвященных смерти монархов, встречаются «траурные знаки», кресты и черепа, но никакими подписями эти изображения не сопровождаются, а в издании «Процессии» какие-либо значимые графические комментарии отсутствуют. Отсутствуют они и в изданиях, не входящих в состав этого конволюта: например, в стихотворении О. Рудбека-сына «Печальная эпическая песнь» (Упсала, 1719), посвященном гибели Карла XII, или в «Мыслях о погребении короля Адольфа Фридриха» (Стокгольм, 1771). Правда, шведские сочинения, посвященные смерти королевы Ульрики Элеоноры, изображениями сопровождаются, а под одним из них читается подпись «Nemo Hic exipitur» («никто не исключение»), но эта сентенция связана с авторскими рассуждениями о добродетелях Ульрики Элеоноры и к ее заслугам перед Швецией никакого отношения не имеет. Картинка, использованная в шведском издании перевода «Слова» Феофана Прокоповича, встречается в шведских печатных «словах на погребение», а в издании речи профессора элоквенции упсальского университета Й. А. Бельмануса (Bellmannus) на смерть графа К. К. Вреде (Uppsala, 1701) имеет ту же подпись «Все суета» (правда, не на немецком, а на шведском языке), однако в этом сочинении, как и в других изданиях, оформленных таким образом, о государственной деятельности покойного речь не идет.

Другой шведский конволют, включавший «Слово на погребение» Феофана, появился накануне русско-шведской войны 1741–1743 гг. и был составлен из шведских и немецких сочинений, в основном «русской» тематики, а также переводов русских документов первой половины XVIII в. Создание этого конволюта являлось частью предвоенной пропагандистской кампании, а собранные в нем документы должны были дискредитировать Россию и создать шведское общественное мнение. Так, вошедшая в этот сборник опубликованная на шведском и немецком языках духовная грамота Екатерины I после своего издания в 1727 г. вызвала протест со стороны Российского правительства: бумага была объявлена подложной, и шведскому королю предъявлен иск[62], а шведский перевод обвинительного заключения по делу Феодосия Яновского информировал шведского читателя о непорядках в Русской Церкви. Характерно, что другие переведенные и изданные в Швеции в 1725 г. русские тексты – «Описание свадьбы между ... принцессой Анной Петровной и ... герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Фридрихом» и «Описание коронования ее

императорского величества Екатерины Алексеевны, которое с величайшей торжественностью праздновалось в столичном городе Москве 7 мая 1724 года» в пропагандистской войне использоваться не могли и в этот конволют не вошли.

В свою очередь шведские сочинения, посвященные гибели Карла XII, в России не переводились и не издавались. Объясняется это, по всей видимости, формально продолжавшейся после смерти Карла шведско-русской войной и обязательным присутствием в шведских текстах описаний нарвского разгрома русской армии (как, например, в «Печальной эпической песни» Рудбека-сына).

Благожелательные отзывы о погибшем шведском короле встречаются в русских переводах европейских панегириков Петру I, хотя и здесь Карл XII лишь упоминается. Так, в рукописном стихотворении «В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в день 28 сентября 1708 года» говорится, что душа Карла ходит по берегу, «где Карон без разбору велит ожидать переправы», и «пресветлейшая душа героя (или воина) по неволе в совершенном покое» [63].

Русских авторов гибель «проигравшего» Карла XII интересовала значительно меньше. В «Слове похвальном о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими» (СПб., 1720) Феофан Прокопович вспоминает о смерти Карла, естественно, в связи с военными неудачами шведов: «И что велми дивно: сами неприятели тесноту свою истинною понужденни засвидетельствовали, когда на монетах недавно в память падшаго короля своего изданных лва вервием обвязаннаго напечатали» [64].

* * *

Как и в начале столетия, во второй половине XVIII в. в России со шведского переводились, в основном, сочинения прикладного характера: «Описание о заведении смоляных и угольных печей» (СПб., 1778) Функа или «Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней» Розена фон Розенштейна (М., 1794) [65]. В это же время в России были переведены труды шведских историков, лингвистов и антиквариев, а также некоторые древние скандинавские тексты. Произведения художественной литературы интересовали русских переводчиков очень мало, правда, в некоторых переведенных с «древнего готского языка»

шведских сочинениях граница между историческим источником и литературным произведением отсутствует в принципе.

В XVIII в. на русский язык были переведены (но не изданы) «Выписки касательно России; вторый том Далиновой Истории Государства Шведскаго» (РО РНБ. Эрм. № 326), «Выписки касательно Российской Истории из древних рунических книг, из Шведской истории Далина, також и Легербринга и из Датской истории Маллета» (РО РНБ. Эрм. № 325), «Выписка из введения в Готфския древности, а особливо о преимуществах Готфскаго языка и Исторических сведений, сочиненная Юлием Ериком Биорнером в Штокгольме 1738 года» (РО РНБ. Эрм. № 296), «Предисловие о началах и Преселениях Скандо-Готфских народов, взятое из книги под заглавием "Критические и философские рассуждения о правописании Шведо-Готфскаго и простонароднаго языков, также и о соответствии букв их с Еврейскими, Греческими и Римскими", напечатано в Штокгольме 1742» (того же Бьернера; РО РНБ. Эрм. № 309), «Достопамятности нескольких Рунических камней» (РО РНБ. Эрм. № 290).

Кроме того, в России появились переводы издававшихся в Швеции в XVII в. исландских саг[66], а также сопровождавших их комментариев шведских ученых. К числу этих переводов принадлежит «Повесть Герварская или о походах на древнем готфском языке, печатано в Упсале 1672 г.» (знаменитая «Hervarar Saga»; РО РНБ. Эрм. № 308), «Повесть о Геральде и Бозе, на Шведском языке изданная Профессором Олаем Валерием и напечатана при Упсальской академии в 1666 году» (РО РНБ. Эрм. № 307), «Выписка из Примечаний На Историю Готриция и Ролфа, зделанных Олавом Верелием к Истории Готриция и Ролфа, царей Вестро-готфских, описанной древним Готфским языком, которую Олав Варелий, древностей Государственный Профессор, издал из древнейшего Манускрипта и объяснил как новым приложением, так и примечаниями своими, а Иван Шефер снабдил оную Политическими примечаниями. Напечатано в Упсале 1664» (РО РНБ. Эрм. № 298), изданное в Стокгольме в 1762 г. «Повествование о странствующем Ингеваре и его сыне – с старого Исландского языка переведенное и изследование по поводу сего повествования древности Рунических на камнях начертаний» (РО РНБ. Эрм. № 297), а также «История о Гиалмаре, Царе Биармландском и Тулемарском, вновь выбранная из рунического Манускрипта» (РО РНБ. Эрм. № 301). Год и место издания последней книги не указаны, однако на титульном листе одного из хранящихся в библиотеке университета Упсалы экземпляров

имеется карандашная приписка: «Johanhjowirlidén Stockholm 1764». Вне всякого сомнения, здесь написано имя знаменитого шведского издателя, автора пятитомной «Catalogus disputationum in academiis et gymnasiis» (Uppsala, 1778–1780), Юхана Хенрика Лидена (Johan Henrik Lidén; 1741–1793). Правда, книга под таким названием им никогда не издавалась: «Historia Hialmari regis Biarmlandiae» выходила в Швеции в 1700, 1703, 1710 и 1721 гг. В свою очередь русские переводы были выполнены в последней четверти XVIII в.: большая часть перечисленных шведских изданий находится среди книжных даров, поднесенных Густавом III Екатерине II[67]. Возможно, само появление русских переводов саг, комментариев к ним и шведских исследований XVIII в. было связано с занятиями российской императрицы древней русской историей.

В России эти произведения стали известны в научном кругу значительно раньше конца XVIII столетия и использовались при создании трудов по русской истории. В частности, В. Н. Татищеву был хорошо знаком содержащийся в них материал, а с автором некоторых из перечисленных ученых сочинений, секретарем коллегии древностей Э. Бьернером он встречался во время своего пребывания в Швеции в 1724–1726 гг. и, как известно, вступил с ним в научную полемику[68]. Работая над «Историей Российской», Татищев нуждался именно в этих шведских изданиях: «...весьма нужно для лапландцев описания шведских авторов, яко Рудбека и Шефера, *или нет ли финляндской гистории на латинском или шведском языках*, оные на мой щет выписав, прислать также и шведских древних гисторей о бярмах, городариках, колмогардах, вятах прилежно выбрать, которые к изъяснению русской древности весьма нужно»[69].

В «Истории Российской» упоминаются некоторые из названных шведских книг XVII в.: «На камне, изданном от Генрика Куриона в гробовых камнях ис карт Лаврентия Бурея (означено): Сигвирд и Ингварь, и Ярлабангий приказали вырезать гробовой камень отцу своему Ингварду и брату своему Ронгвалту»[70]; «О Финландии, подданной российской, свидетельствует книга Герворар сага»[71]; «Олай Верелий при конце истории Герварда и Бозы между протчими древняго народа именами от гробовых камней издал: Рорикр и Рурик»[72].

При этом и Татищев, и шведские издатели XVII в. видели в древних текстах лишь исторический источник: в русском переводе «Повести Герварарской» сказано, что «в Упсальской библиотеке ... хранятся, по мнению г. Верелия, многие древние исторические сведения»[73]); в примечаниях к переводу повести, заимствованных из

обширных комментариев на латинском языке к исландскому оригиналу, дается научное подтверждение содержащихся в ней исторических сведений («Для доказательства о бытии великанов приводится то, что Олав Рудбекский профессор медицины, подняв надгробный камень, разсевшийся на многия части в Ерентунской волости, отстоящей от Упсаля на одну милю, нашел под ним человеческие кости почти истлевшие, но вынув часть ребра, нашел по пропорции, что человек тот должен быть ростом 12 фут» [74]), а в предисловии к шведскому изданию «Саги о Геральде и Бозе» о времени действия «Повести» говорится как о древнейшей эпохе [75].

В то же время литературность «Повести о Геральде и Бозе» была явной настолько, что в исландском оригинале (а следом за ним – в шведском и русском переводах) содержится специальное указание на ее «историчность»: «Повесть сия начало свое имеет и выдумана не для какого-либо тщетнаго увеселения или шутки, но справедливость оной удостоверяется родословием и старинными пословицами, которые из описуемых здесь приключений имеют свое происхождение» [76]. Действительно, «рыцарствующие» герои этой саги побеждают многочисленных врагов, попадают в плен и, обращаясь к волшебству, избегают казни, при помощи плаща-невидимки спасают принцессу, выполняют требование короля достать «ему яйцо, на котором означены золотыя литеры» [77], побеждают чудовищного зверя, «которой проклят и околдован: что оным охраняется означенное яйцо и что к нему никто без потеряния жизни своей не может приближится» [78], спасают назначенную в жертву чудовищу женщину и т. д. (в предисловии Верелия к шведскому изданию саги говорится, что в языческую эпоху колдовство было весьма распространено). Характерно, что русский переводчик этого сочинения обращается с оригиналом не как с историческим источником и считает возможным его «улучшать»: если в исландском тексте говорится, что отрицательный герой, бастард Сиот подговаривает придворных нанести Бозу оскорбление во время игры, а тот, разгадав их замысел, в первый день повредил королевскому служителю руку, во второй сломал сопернику ногу, а в третий одному выбил глаз мячом, а другому сломал шею, то в русском переводе первой жертвой Боза стал сам Сиот, а «другой» исландского оригинала и шведского перевода в русском тексте становится «первым».

Переведенные на русский язык древнескандинавские тексты сильно разнятся стилистически. Так, встречающиеся в «Повести о Геральде и Бозе» рассказы о сражениях и поединках выглядят сухим изложением фактов и подробных описаний не предполагают: Боз

встретил Сиота в море, «вступил с ним в сражение и, наконец, вошедши к нему на корабль, отрубил ему голову в отмщение за то, что Сиот отца его ограбил» [79], или «Боз с ним долгое время сражался и наконец вонзил копье свое в сердце сего чудовища и его умертвил» [80] (в предисловии к изданной в Стокгольме в 1715 г. «Wilkina saga» стиль «древних северных исторических повествований» назван «серьезным», а не «жеманным и необычным»). В свою очередь в «Истории о Гиалмаре, царе Биармландском и Тулемаркском» при изображении единоборств широко используются эпитеты и перифразы: «Между тем происходил жесточайший бой с Вагмаром и Грамуром до тех пор, пока обезсиленный Грамур не мог стоять на ногах. Вагмар порывался внезапно напасть на Грамура, дабы им пожертвовать кровожаждущему своему мечу, однако сам от него унзен был смертельно» [81]. В обоих случаях русский переводчик стремился воспроизвести стиль шведского или латинского перевода исландской саги, при этом сильно сокращая текст оригинала. Так, в «Повести Герварарской» дословно переведены разделы, имеющие отношение к истории России, в остальных случаях русский переводчик ограничивался кратким пересказом глав, например: «Глава III. В ней повествуется о морских разбоях и воинских походах богатыря Андгрима в областях Свафурлама, где он, грабя и разоряя селения, убил Царя Свафурлама и взял себе дочь его Эйвору» [82], или «В сей главе упоминается только о том, что Гейдекер, раскаиваясь в братоубийстве, удалился в лес и, пристав к разбойникам, сделался над ними предводителем, а после того принял правление над народом» [83] (кратко пересказана и центральная, 19-я глава «Hervarar saga», в которой «готы защищали свою свободу и отечество от Гуннов»).

Точно так же русский переводчик избегал включать в свои тексты песни, встречающиеся в шведских изданиях в большом количестве. Редкие исключения – «Достопамятность нескольких Рунических камней», содержащая прозаический перевод стихотворного текста (в русской рукописи – рисунок № 41): «Гилдиур Мудрый и Пиит воспевает: "Когда наследники, жадные ко имению в Швеции оное получают, то подлые делаются благородными. Проходят Зима и Лето, занявши множество покоев (т. е. от века на век), возрадуется всяк, в Швеции имеющий богатство"» [84]; а также выписка из примечаний к «Истории Готриция и Ролфа, царей Вестро-готфских», включающая следующий стихотворный фрагмент: «Регнар, будучи весь покрыт ранами от змиев, при последнем издыхании воспел следующую песнь:

Оставим все теперь,
Меня зовут там девы,
Отверз где Один дверь,
Мне сладки их напевы.
Иду я пиво пить
В чертог с его друзьями.
Уж полно жизнь мне жить,
Я разлучаюсь с вами»[85].

Знаменитый король Рагнар Лодброк (плененный во время неудачного похода в Англию, убитый по приказу английского короля Эллы и отомщенный своими сыновьями) в самой «Истории Готриция и Рольфа» не упоминается; его предсмертная песнь читается в латинских комментариях к слову Вальгалла (в первой главе «Истории») и напечатана на исландском и латинском языках. Шведский текст песни в примечаниях отсутствует, и, следовательно, русский стихотворный перевод был сделан с латинского перевода исландского оригинала.

Известно, что процитированная Верелием «Смертная песнь Рагнара Лодброга» является фрагментом баллады XII в. «Песнь Краки» («Krakimel»), авторство которой традиционно приписывается скальду Браги Бодвассону[86]. Впервые эта состоящая из 29-ти строф баллада была издана руническим шрифтом в сопровождении латинского перевода датским историком и антикварием О. Вормом в «Literatura runica» (1636, второе издание – 1651). Затем исландский оригинал и его стихотворный шведский и прозаический латинский переводы были приведены в книге Э. Бьернера «Северные боевые подвиги, собранные во множестве саг о древних королях и героях» (Стокгольм, 1737) в тексте «Саги о Рагнаре Лодброке и его сыновьях» (эта книга, включающая 13 саг, числится среди подаренных Густавом III Екатерине II изданий, но, как и «Круг земной» (Стокгольм, 1697) Снорри Стурлусона, на русский язык переведена не была).

Во второй том «Истории Дании», имеющий название «Памятники поэзии и мифологии кельтов, в частности древних скандинавов» (Копенгаген, 1756), швейцарского ученого П.-А. Малле (1730–1807) входит французский перевод песни Рагнара, восходящий, по всей видимости, к латинскому переводу книги Бьернера.

В России второй половины XVIII в. «Песнь Рагнара Лодброка» была хорошо известна в прозаических переводах с французского и

немецкого[87]: перевод французского текста Малле был напечатан в его «Введении в Историю Датскую» (СПб., 1785), перевод немецкого текста И. Г. Козегартена – в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (№ 8, 1795 [88]) («“Смертная песнь Регнера Лодброга, короля датского” с немецкого, из Козегартена», немецкий текст написан в 1788 г. под влиянием перевода Малле).

Являющееся заключительной, 29 строфой «Песни Рагнара Лодброка», стихотворение из примечаний к «Истории Готриция и Ролфа» воспринималось русским автором как самостоятельное произведение. Вне всякого сомнения, русский переводчик следовал здесь за шведским автором, который в латинских комментариях к «Истории Готриция и Ролфа» эту песнь фрагментом не назвал и представил ее как отдельное стихотворение. Надо сказать, что некоторые основания для этого он имел: в отличие от других десятистишных строф, эта строфа является восьмистишием и не имеет характерного зачина (в русском переводе книги Малле, читающегося как «Мы бились ударами меча», а в переводе Козегартена – «Мечами бились мы»). Хотя, по всей видимости, исландский текст Верелий заимствовал из «Literatura runica» О. Ворма, где эта песня издана целиком. В свою очередь русский переводчик на издание Ворма не ссылался и ориентировался лишь на комментарии ученого шведа, переведшего исландский фрагмент на латинский язык (приведенный в его комментариях латинский перевод 29 строфы текстуально отличается от латинского перевода Ворма)[89].

Появление среди русских переводов саг и комментариев к ним лишь этого стихотворения имеет свое объяснение: в отличие от прочих включенных в древнескандинавские сочинения поэтических текстов, восьмистишие из песни Рагнара Лодброка воспринималось русским переводчиком не как стихотворная и, значит, не имеющая, на его взгляд, научно-исторической ценности вставка, а как часть научного комментария. По этой же причине единственный стихотворный перевод песни был выполнен с латинского языка, на котором написаны все включенные в издания Верелия научные комментарии. По всей видимости, стремлением русского переводчика работать с «научными» книгами объясняется его предпочтение латинских переводов исландских текстов шведским, даже если шведский издатель использовал латынь как «интернациональный», а не «научный» язык.

Среди шведских изданий древнескандинавских текстов существуют два очень близких текстуально произведения о Гиалмаре: «Hjalmars o. Ramers saga» (Uppsala, 1690) на шведском языке и

«Historia Hialmars regis Biarmalandice» (Stockholm, 1721) на шведском и латинском языках. Среди книг, преподнесенных Густавом III Екатерине II, числится только «Historia Hialmars regis...», следовательно, русский переводчик имел возможность работать как со шведским, так и с латинским переводом исландской саги. Он остановился на латинском переводе: имя героя Грамур ближе к Hramurum латинского, чем к Hramer шведского текста, точно также Чарко – перевод латинского Harko, а не шведского Harke; кроме того, в русском тексте встречаются военный трибун, «Циклопова стрела», Парки, «сонмы горных чудовищ и Исполинов» – все эти названия заимствованы из латинского текста. В шведском оригинале в этом фрагменте называются великаны, «женщины судьбы» и горные тролли (эти мифологические персонажи призываются героем в «волшебном стихе», который читается только в «Historia Hialmars regis Biarmalandice», в «Hjalmars o. Ramers saga» этот «стих» отсутствует: по словам шведского издателя, «здесь не достает целого листа»).

В результате русская «История о Гиалмаре» представляет собой затейливое смешение римских и скандинавских реалий: «...потом военный трибун связан был узами и ввержен в темницу, который по жестоком мучении в следующую ночь ушел к Одину в Валгаллию»[90]. По всей видимости, создание в тексте перевода древнескандинавского колорита не было целью русского переводчика; точно так же «скандинавские» поэтические образы, вне всякого сомнения мало понятные русскому читателю, оставлялись им без объяснения.

Характерно, что некоторые фрагменты древнескандинавских историй русскими переводчиками не комментировались. Так, во включенной в указанную книгу Бьернера «Песне о Карле и Гриме» упоминаются некие «морские женщины», которые сопровождают корабли и «глотают корабельную смолу» (в латинском переводе эти женщины названы «нептунскими»). В свою очередь в русском переводе французского перевода «Истории о Карле и Гриме, королях Шведских, и о Гиалмаре, сыне Гарека, короля Биармии» Малле сказано: «весь сей поход был толико быстр, как молния, и морские женщины едва им следовали для пожрания смолы, которою их корабли обмазаны»[91]. Едва ли русский читатель имел представление о том, кто такие эти женщины и зачем они едят корабельную смолу (в «Hervarar saga» герой Гедрекер отгадывает *загадки* о женщинах-волнах, однако в русском переводе этот фрагмент отсутствует).

Точно так же из русского перевода «Истории о Гиалмаре» не ясно, является ли Один «Шведским царем» или богом и что зна-

чит «уйти к Одину» (в отличие от русского перевода, в шведском издании сказано: «это значит, что он умер» [92], вероятно, русский переводчик отказывался от комментария не из-за незнания предмета, а скорее из-за нежелания углубляться в эту тему). Правда, сведения об Одине содержались в других переведенных на русский язык сочинениях.

Как следует из примечаний к «Истории Готриция и Ролфа, царей Вестоготфских», Один – «царь Швецкий, пришедший из Азии. От него восприняли свое начало всех Северных царей славнейшие поколения» [93]. Во «Введении в Историю Датскую» (СПб., 1785) Малле говорится, что «некоторая чрезвычайная особа именем Один в древние времена государствовал в Севере... он там сделал великие перемены в правлении, обыкновении и в вере и ... ему оказывали также божеские чести» [94], в «Истории Датской» (СПб., 1765–1766) Л. Гольберга – что «...азиятский князь Один был первой основатель северных государств» [95] и что «он (как некоторые думают) жил во времена Помпея Великого и вышел из Малой Азии в то время, как Помпей победил Митридата и других ближайших к нему народов» [96], в «Истории Российской» Татищева (книга первая была издана в 1768 г.) – что «Одинус в Швеции владел монархиею с самодержавным владением» [97].

Перечисленные рукописные переводы шведских изданий XVII в. представляют собой корпус произведений древнескандинавской литературы. Другим сборником таких сочинений является «Введение в Историю Датскую» Малле, включающее упоминавшуюся выше «Историю о Карле и Гримме», Эдду и комментарии к ней (из которых следует, что «Едда была токмо наставлением в стихотворстве и употреблению молодым Исландцам, которые назначали себя к тому, чтобы быть Скальдами или стихотворцами» [98], а само это слово «происходит от одного знаменования на древнем Готфском языке, означающего прабабушку» [99]) и «Висы радости» Гаральда Сигурдарсона. Сюжет вис был хорошо известен в России и разрабатывался в русской поэзии рубежа XVIII–XIX вв.: Н. А. Львовым в «Песни норвежского витязя Гаральда Храброго» (1793) и И. Ф. Богдановичем в «Песни храброго шведскаго рыцаря Гаральда» (1810) [100].

Называя Гаральда рыцарем, Богданович следовал за Малле, воспринимавшем героев древнескандинавских историй именно так: «в каком бы месте мы ни открыли древние Северные истории, то мы везде увидим рыцарей столь же вежливых, сколь и неустрашимых» [101]. В апрельском номере 1789 г. журнала «Беседующий гражданин» рыцарство определялось следующим

образом: «сия степень состояла из благородных особ, обязавшихся торжественною присягою, не щадя имения и крови своей, защищать закон, вдов, сирот и утесненных» [102], однако из русских переводов шведских изданий XVII в. следует, что рыцарскими деяниями мог называться и чинимый конунгами разбой (если, конечно, им занимались положительные герои саги): «Из Дании отправились они в Смоландию, рыцарствуя везде, куда ни приезжали, и чрез то достали себе великие сокровища» («Повесть о Гаральде и Бозе» [103]; в шведском оригинале – «грабя»).

Не случайно в России 60-х гг. XVIII в. деяния героев древних историй становились скорее источником нравоучительных рассуждений в духе публикаций журнала «Полезное увеселение». Так, замечание Л. Гольберга в «Истории Датской» (СПб., 1765–1766), что пиратство «в тогдашнее время у Северных королей в обыкновении было и они возвращались домой с великою добычей. Тогда почитаемо было за храбрость и доброе качество, чтоб быть разбойником; а особенно принцы почитаемы были за ничто, когда они не хаживали на добычу», сопровождается комментарием переводчика Я. Козельского: «Сему странному и вредному обычаю не надлежит удивляться. Он был не в одне сии древния и отдаленныя времена, а и ныне в силе. Нынешней свет как ни хвастает себя политичным, однако он неважное перед прежними временами получил, да и получил ли приращение в добродетели; а разность только в том, что теперешние люди не так просто, как прежние, а искуснее обижают своих ближних» [104].

* * *

Среди изданных в России во второй половине XVIII в. шведских книг исторического содержания существует сочинение, не имеющее отношения ни к скандинавской, ни к русско-шведской истории и посвященное хорошо известной русскому читателю теме – Иудейской войне и разрушению Иерусалима Титом. Можно предположить, что появление шведского перевода объясняется популярностью этой темы в России на протяжении всего XVIII столетия: начиная с 1713 г. многократно переиздавалась «История о разорении последнем святого града Иерусалима от римскаго цесаря Тита, сына Веспасиана» (последнее издание этой книги в XVIII в. датируется 1793 г., а в 1795–1796 гг. вышла «История о последнем разорении святого града Иерусалима и взятии Константинополя»).

Перевод со шведского, выполненный переводчиком и издателем И. Зедербаном, имеет название «Краткое описание о жалостном разорении Иерусалима» (М., 1792) и, по мнению Д. М. Шарыпкина, является завезенным в Россию пленными офицерами Карла XII переложением «Повести о разрушении Иерусалима» Иосифа Флавия [105] (в представленном Г. А. Некрасовым списке сочинений шведской тематики, изданных в России XVIII в., эта книга также значится как перевод истории Иосифа Флавия [106]). Однако какая именно шведская книга была переведена в России, исследователи не указывают.

Как и в России, в Швеции книги, посвященные Иудейской войне и взятию римлянами Иерусалима, печатались на протяжении всего XVIII в. Существует два шведских издания XVIII в. на эту тему: выходивший в Стокгольме с 1713 по 1752 г. шеститомник «Иудейской истории» Иосифа Флавия (последний том содержит «добавление от разрушения Иерусалима до настоящего времени, взятое из истории барона Гольберга о евреях») и «О римском императоре Тите, который как полководец осуществил жалостное разорение Иерусалима, захватил иудейскую землю и положил конец иудейскому государству, затем взошел на трон, был добродетельнейшим императором и благодетелем своего народа...» (Стокгольм, 1771), являющееся сокращенным шведским переложением немецкого сочинения «Жизнь императора Тита» профессора Лейпцигского, а затем Геттенбергского университета Ю. М. Шрекка (Schröckk). Немецкий текст входит в состав берлинского издания «Всеобщие биографии» Шрекка и опубликован в томе 1769 года. В свою очередь шведское издание «О римском императоре Тите» включено в книгу «Жизнеописания», собранную известным книгоиздателем, публицистом и собирателем старинных грамот и исторических документов К. Х. Гьервеллом (Gjörwell) и составленную из рассказов о различных персонажах европейской истории.

Как следует из названия шведского издания, Гьервелла интересует, в первую очередь, жизнь почитаемого в Швеции римского императора (в оде «На мир, заключенный в Верели» (1790) А. Бергштедта (Bergstedt) Густав III сравнивается с Соломоном, Траяном, Цезарем, Александром Македонским и Титом [107]), и, поскольку наиболее известным его деянием было покорение Иерусалима, Иудейской войне в этой книге уделяется чрезвычайно много внимания. При этом Тит признается одним из величайших исторических персонажей, а разрушение Иерусалима крайней и вынужденной мерой: в предисловии к шведскому изданию книги «О римском императоре Тите»

сказано, что римский полководец был «вынужден не завоевать, а разрушить Иерусалим», чья гибель стала «одной из величайших божьих кар» [108]. Поэтому в названии шведского издания говорится о «жалостном разрушении» Иерусалима.

В свою очередь в названии книги Шрекка «Жизнь императора Тита» никаких оценок произошедшего события не содержится, разрушение Иерусалима не определяется ни как «жалостливое», ни как «последнее». Зато вышедшая в Стокгольме в 1607 г. переработка книги Иосифа Флавия имеет название «История о жалостном разрушении Иерусалима, коротко описанная», и, возможно, она находилась в поле зрения Гьервелла. Правда, какие-либо текстуальные совпадения в шведских книгах XVII и XVIII вв. отсутствуют и, судя по всему, перед автором XVII в. стояли иные, нежели перед Шрекком и Гьервеллом, задачи. Так, фигура римского полководца Тита шведского переводчика XVII в. интересовала мало, значительно больше внимания им уделено новозаветной истории. Не случайно это сочинение входило в одно издание с катехизисом Лютера и книгой псалмов (Стокгольм, 1627).

Именно «История о жалостном разрушении Иерусалима, коротко описанная» является источником русского «Краткого описания о жалостном раззорении Иерусалима». Выбор И. Зедербаном лютеранского сочинения XVII в. (а не «внеконфессиональной» истории XVIII в.) может объясняться композицией, включающей его перевод книги: «христианский» текст соседствует здесь с «переведенной с турецкого» «мусульманской» сказкой («Ах, какая прекрасная сказка»; в данном случае имеет значение авторское намерение объявить этот текст турецким). По всей видимости, И. Зедербан включил в эту книгу сочинения, относящиеся к различным жанрам и появившиеся в странах, принадлежащих различным культурам: турецкий текст – сказочный, шведский – исторический; в турецком тексте присутствуют мусульманские, в шведском – христианские реалии; в турецком тексте действует восточный правитель Гарун аль Рашид, в шведском – римский полководец Тит, и ничего специфически шведского в «Кратком описании» не содержится.

Вместе с тем, последнее отличие дает основание говорить о «точке соприкосновения» шведского «описания» и турецкой «сказки»: в обоих случаях разрабатывается «восточный» сюжет. В переводе турецкого сочинения сохранен восточный колорит (главным героем сказки является дервиш, или, как объясняет переводчик, пустынник), в «Кратком описании» рассказывается об Иудейской войне и «жалостном разорении» восточного города («Таким обра-

зом, сей прекрасной и славной по всему Востоку град имел жалостной от разорения конец» [109]).

Появление же в качестве оригинала русского перевода шведского произведения, вне всякого сомнения, связано с «прошведской ориентацией» издательства Зедербана (среди опубликованных в нем европейских сочинений шведские тексты встречаются достаточно часто, например: сразу после покушения на шведского короля Густава III в том же 1792 г. Зедербаном были изданы переведенные со шведского листы «Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля швецкаго» и «Достоверное известие о убивстве его величества короля швецкаго... 10 апреля 1792 г.»). Кроме того, по замыслу Зедербана, указанное издание должно было состоять из сочинений, созданных в Швеции и Турции, с которыми Россия только что закончила войну (об этом – ниже); характерно, что изданная одновременно со шведским вариантом «История о жалостном разрушении Иерусалима, коротко описанная» на немецком языке внимание Зедербана не привлекла.

* * *

Источники других изданных в России переводов со шведского или сочинений шведских авторов выявляются без особого труда, и само появление этих переводов представляется вполне мотивированным. Так, событиям шведской истории XVII в. посвящен вышедший в Москве в 1788 г. «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии Тридцатилетней войны за веру» Карла Ингмана (1747–1813).

Автор этой книги – «авантюрист густавианской эпохи» (так названа вышедшая в 1901 г. книга Х. Фрединга), известен тем, что в 1777 г. похитил принадлежавшие русскому двору сокровища: корабль, направлявшийся из Любека в Петербург, потерпел крушение недалеко от Нюланда, находившиеся на нем 11 шкатулок с золотом были спасены, и их передача русской стороне поручена чиновнику иностранной экспедиции К. Ингману; тот, испытывая денежные затруднения, шкатулки заложил, после чего бежал в Норвегию, затем под вымышленным именем

Мандерфельд жил в Копенгагене, оттуда направился в Гетеборг, а потом – в Венецию [110].

В политической борьбе начала 70-х гг. Ингман сразу же встал на сторону Густава III и как издатель обеспечивал ему пропагандистскую поддержку на протяжении всего правления (заслуги Ингмана были оценены: в 1790 г. он получил титул графа Мандерфельда). Литературная деятельность Ингмана была подчинена той же цели: в 1770 г. он издал сатиру «Картина шведского мира», где заявлял о своей верности кронпринцу Густаву и именно с ним связывал возможное спасение Швеции; в 1771 г. Ингман опубликовал стихотворные «Мысли по случаю возвращения его Королевского Величества в Швецию», где высказывалась та же идея («он может и хочет улучшить Шведскую страну» [111]), и, наконец, в 1772 г. посвятил Густаву III приветственную речь. В каждом панегирике Ингмана проводится одна и та же любимая Густавом III мысль о преемственности трех шведских Густавов: Густава I Вазы, Густава II Адольфа и Густава III: «Там ждет Тебя добродетель Вазов» [112] (предисловие к «Картине шведского мира»), «Он имеет дух рода Великого Густава» [113] («Мысли»); звучит она и в изданном в Стокгольме в 1776 г. «Монументе»: «Есть ли бы времена Густава Адольфа с щастливым их правлением, которое теперь паки процветать начинает, непрестанно цвели между нами...» [114] (в русском переводе 1788 г.).

Правда, в Европе и в Швеции Густав Адольф всегда воспринимался в первую очередь как выдающийся полководец, король-воин; так, в речи М. Чевентера (Keventer) 1776 г., посвященной Густаву III, сказано: «Великим королем был Густав Адольф, который сделал шведское оружие уважаемым и пугающим в самом сердце Римского государства» [115]. Поэтому сопоставление Густава III с Густавом Адольфом особенно часто использовалось в панегириках военного времени: в написанной во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. «Речи на день рождения Густава III» (Або, 1789) Ю. Натхорста (Nathorst) говорится, что Густав III «так же велик среди королей, так же богата великими мужами и так же обширна его страна, как во время Густава Адольфа» [116].

Однако в 1776 г. военный аспект деятельности шведских Густавов был не актуальным (в речи Чевентера Густав Адольф – не главный, а лишь один из многих великих предшественников Густава III). Единственное издание «Монумента», вышедшее во время войны, – русский перевод 1788 г. Но непосредственного отношения к начинавшейся русско-шведской войне русский пе-

ревод этой книги, по всей видимости, не имел. В противном случае было бы трудно объяснить появление в нем многочисленных комплиментов в адрес шведской стороны, например: «Шведское благородство подобно древним Римлянам в добродетельном их веке не знало другаго пути к счастию, как путь своих предков, то есть путь чести» [117]. По всей видимости, прямая зависимость между внешнеполитическими событиями и литературным творчеством существовала далеко не всегда: в 1789 г. Густавом III была написана пьеса на «русскую» тему «Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина», не связанная с русско-шведской войной никоим образом. Вместе с тем, в конце 80-х гг. XVIII в. в России было издано сразу несколько произведений, посвященных шведской истории и ее королям («Письмо барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швеции» (СПб., 1788), «История о знатнейших европейских государствах» (М., 1788) (являющаяся переводом лекций профессора И. Г. Рейхеля, прочитанных им в Москве в 1773–1775 гг.), «Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII» (М., 1789), «Известия, служащие к истории Карла XII, короля Шведского» (М., 1789) В. Тейльса), и «Краткая история королевской шведской фамилии, именуемой Густавов, начинающаяся от короля Густава I до нынешнего царствующаго короля Густава III» (М., 1790), и, следовательно, «Монумент» оказывался в контексте сочинений аналогичной тематики.

Одной из причин издания «Монумента» в России могла стать пророссийская позиция его автора: в книге, в частности, говорится: «Россия – государство в тогдашние времена наиболее известное своим безсилием, непросвещением и внутренними неустройствами, но в последовавшее время обновленное великим духом, но ныне уже превышающее могуществом и славою прочие государства» [118] (подобные комплименты в адрес Петра встречаются в изданных в России переводах иностранных авторов достаточно часто, так, в «Записках Христины, королевы Шведской с примечаниями г. Д'Аламбера» (СПб., 1774) сказано, что «не должно быть удивительно, что Христина не имела великолепного приема при дворе Французском, есть ли представить, сколь слабое внимание сего двора обратил к себе Петр Великий, Российский император, будучи тамо в 1737 г. [в тексте опечатка, правильно – 1717. – *М. Л.*], который был много превосходнее Христины» [119]. В то же время появление в тексте «Монумента» этого «прорусского» фрагмента можно объяснить некоторыми

обстоятельствами жизни Ингмана: в 1775 г. как ординарный копиист в иностранной экспедиции он был приписан к секретарю в Дрездене и через год переведен в Петербург.

Русский перевод «Монумента» сделан с немецкого перевода, изданного в Петербурге в 1783 г. Выход этого издания, по всей видимости, был связан с тем обстоятельством, что начало 80-х гг. было периодом шведско-российского политического сближения, основанного на личной дружбе («продолжительной, хотя и не всегда искренней» [120]) правящих в обеих странах монархов; в это время велась интенсивная переписка между Екатериной II и Густавом III [121], а в 1783 г. состоялась их встреча в Финляндии. Характерно, что изданный в России немецкий перевод книги Ингмана посвящен члену Российского Государственного Совета, кавалеру российских и шведских орденов, по всей видимости шведу (или эстляндцу), Маттиасу фонЕеку.

Немецкий перевод 1783 г. был опубликован известным петербургским издателем К. Т. Дальгреном. Необходимо отметить, что большая часть произведений шведской тематики попадала в Россию через «шведских» издателей: в Петербурге находилась типография Дальгрена (издавшего перевод напечатанного в Швеции «Достоверного известия о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля швецкаго»), в Москве – И. Зедербана. При этом среди издаваемых Дальгреном книг доля сочинений на европейских языках чрезвычайно велика, но произведения на шведском языке среди них отсутствуют.

То обстоятельство, что русский переводчик в качестве языка-посредника использовал немецкий язык, – случай редкий, но не исключительный, например: шведское «Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней» (М., 1794) также переведено на русский язык с немецкого. В свою очередь немецкий перевод «Монумента» был выполнен со шведского оригинала, изданного, как было отмечено, в Стокгольме в 1776 г. Кроме вышедшего в России немецкого перевода, в том же 1783 г. в Копенгагене был издан французский перевод «Монумента». По всей видимости, книга Ингмана была хорошо известна в Европе, при этом издавалась она в тех городах, где приходилось бывать ее автору: несмотря на существование изданий на немецком и французском языках, ни в Германии, ни во Франции, ни в Голландии, где Ингману бывать не приходилось, она не выходила.

Единственным исключением является Москва, которую Ингман, судя по всему, также никогда не посещал. Правда, в издании вышедших в России текстов «Монумента» Ингман участия не принимал: в них, в отличие от стокгольмского или копенгагенского изданий, отсутствует авторское предисловие и посвящение.

Главная тема «Монумента» – военные победы шведской армии Густава II Адольфа, который в России второй половины XVIII в. олицетворял былую шведскую военную мощь и славу (о преемственности трех Густавов в России не говорили никогда). В вышедшей в Петербурге в 1792 г. книге «Слава русских и горе шведов» одной из причин неудач шведов в последней войне с Россией называлось отсутствие в современной Швеции полководцев, равных Густаву Адольфу или Карлу XII (в Швеции, как будет показано ниже, говорили о военных неудачах России): «...кто приводит вас в заблуждение, о храбрые Скандинавы! Уже нет более ваших Карлов и древних Густавов; прошли времена, для вас счастливые, в которых, сражаясь с народом еще непросвещенным, вы мужеству его противополагали искусство» [122]. В том же 1788 г. в Москве была издана «История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в Древнюю историю, продолженная до нынешних времен», где Густав II Адольф назван «наиотважнейшим королем».

При этом, в отличие от Швеции, в России Густав II Адольф бесспорным героем и военным гением признан не был (в той же книге Рейхеля о шведско-русской войне начала XVII в. сказано, что она велась «с переменным счастием» [123]). В «Рассказы Нартова о Петре Великом» (СПб., 1891) включен монолог Петра, содержащий следующее заявление: «Александр – не Юлий Цезарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света; последователям его неудачный успех. Под последователями разумел государь Густава Адольфа и Карла XII» [124].

Вместе с тем, главным персонажем «Монумента» является не Густав Адольф, а генерал Банер, представленный читателю (в первую очередь шведским солдатам) как пример для подражания: «Шведские воины! Вы, которые на себе носите славное имя защитников отечества! Если вы желаете научиться геройским подвигам, то рассматривайте со вниманием жизнь Банера» [125], или венчающее текст: «Шведские воины! О есть ли бы мой вздох возмог к вам достигнуть, то остановитесь на минуту при гробе Банера. Рассматривайте с благоговением прах сего героя. Он может подтвердить вам сию истинну, что тот только достоин безсмертия, кто жил для отечества и приносил честь человеческому роду» [126].

Можно предположить, что причиной появления русского издания «Монумента» стала сама его тема: подвиги национального героя, являвшего собой пример истинного патриота и заслужившего благодарность потомков. Между тем русские переводные произведения, посвященные шведской истории и монархам, ее олицетворявшим, и не связанные с текущими событиями, довольно часто сопровождались признанием переводчика в «необоснованности» обращения к этой, в известной мере экзотической для русского читателя, теме. В предисловии к роману Комона де ла Форса «Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы» (СПб., 1764) говорится, что «читатель может выбор мой хвалить или хулить, как ему угодно», а в предисловии к «Запискам Христины» с примечаниями Д'Аламбера (СПб., 1774) переводчик вслед за автором отмечает, «что оне не заслуживают внимания иностранных, но что достойны только быть уважаемы в Швеции» [127].

Эта тема развивается и Ингманом: «Мы видим иностранными писателями прославляемых Шведских мужей, которые нам самим еще неизвестны, или по крайней мере, нашими соотечественниками не довольно знаемы, и просвещенные люди могли бы укорять нас хладнокровным нерадением, что мы не прежде воздвигли монументы Оксеншерну, Банеру и Торотенсону, как после 130 лет. Но свет может судить свободно: сие было прежде, нежели под владением Густава III в Швеции возобновляется век Густава Адольфа» [128]. Значительно логичнее выглядит издание книги, посвященной Банеру, в скандинавских странах, где, благодаря книге Ингмана, этот генерал вошел в число прославленных полководцев и политических деятелей. Так, в предисловии к датскому изданию «Монумента» упоминаются Цезарь и Брут, Христиан IV, Густав II Адольф, Банер, Гюльденлеве, Оксеншерна, Гриффенфельд, Фридрих IV и Карл XII [129], а в вышедшей в 1790 г. в Або «Речи по случаю празднования торжества объединения и безопасности» Александра Ингмана упоминаются шведские герои, «Оксеншерны, Банеры и Горны» [130]. Выбирая в качестве образцового национального героя шведского генерала, русский переводчик должен был иметь особые основания.

Из предваряющего русское издание «Монумента» посвящения переводчика И. Петровского следует, что главной его задачей было прославить генерала П. И. Панина; прошведская позиция братьев Паниных была хорошо известна, и, таким образом, выбор русским переводчиком книги о подвигах шведского генерала оказывается мотивированным. Правда, при сопоставлении русского героя с об-

разцовым шведским патриотом могло сложиться впечатление, что Банер является одним из прототипов русского героя; вероятно, по этой причине в посвящении специально подчеркивается «первичность» русского генерала: «Подвиги знаменитаго мужа, прославляемыя в книге сей, суть *подобие* Ваших заслуг к Отечеству нашему, когда Вы спасали оное от внутренних и внешних врагов его». Образцом же Банер является для тех, кто только учится любить свое отечество, быть мужественным и добродетельным (например, в Швеции, по мнению Ингмана, его жизнеописание должно появиться именно сейчас, когда правит Густав и страна находится на пути возрождения: «Есть ли бы те мужественные силы разума и сердца, которые наши отцы к чести и бессмертию имели и впредь возжигали каждую Шведскую грудь к равному желанию добродетели и знаменитых заслуг» [131]).

Само появление этого перевода, начинавшегося с панегирика Панину, могло быть связано с обстоятельствами жизни русского генерала; «Монумент» был призван, по всей видимости, оправдать героя в глазах императрицы и напомнить о его заслугах. Известно, что на протяжении всей служебной карьеры отношения Панина с Екатериной складывались очень непросто: Екатерина, в частности, была недовольна тем, что при штурме Бендер русская армия понесла большие потери; в свою очередь Панин считал себя незаслуженно обойденным и публично выражал неудовольствие. Еще в 1771 г. выполнявший поручение Екатерины князь Волконский докладывал императрице: «...повелеть изволили, чтобы я послал в деревню Петра Панина надежного человека выслушать его дерзкие болтания... подлинно, что сей тщеславный самохвал много и дерзко болтал, и до меня несколько доходило, но все оное состояло в том, что вся и всех критиковал» [132]. В том же 1771 г. Екатерина называла Панина «первым врагом», «себе персональным оскорбителем и дерзким болтуном». Последние годы своей жизни Панин провел в Москве (где и был издан русский перевод «Монумента»), и к его смерти, наступившей в 1789 г., императрица, «по отзыву современников», отнеслась «равнодушно» [133].

А между тем генерал Панин – покоритель Бендер и усмиритель Пугачевского бунта, был одним из главных героев русских панегириков XVIII в. и удостаивался самых смелых сопоставлений. Так, в «Военной песне на взятие Бендер гр. Петром Ивановичем Паниным» А. П. Сумарокова Панин – победитель турок – прославлялся через имя: «Петр Великий, храбрый, мудрый Петр // Дал Петру свой ум и мужество» [134], а речи Панину от Симбирского и

Арзамасского дворянства содержат некоторые пассажи, схожие с молениями святым: «Просим Тебя, явя себя нашим Избавителем, будь же и Ходатай у Престола, свидетельствуя нашу неколебимую верность» [135] (ср. «...Моли о мне, грешнем и блуднем, // Создателя моего и Владыку, // Ему же ты со безплотными предстоиши лики» в молитве князя Семена Шаховского Димитрию, Вологодскому чудотворцу» [136], XVII в.). В печатных речах, изданных после подавления восстания Пугачева, Панин был представлен как спаситель отечества: «Твои победы иноплеменников, разрушение неприступных градов их, Твои укрепления сил и действительности законов Царей наших, а напоследок совершившееся ныне спасительное Отечеству твоему служение, которому не токмо мы, живущие во времена твои, но ниже самые отдаленные потомки, никогда обязанными быть не перестанут» [137].

Точно так же о Панине говорится и в предисловии к русскому изданию «Монумента» («Слава, повсеместно гремящая о великих делах Ваших, производит во всех удивление, и каждый сын России, имея в незабвенной памяти великие Ваши к Отечеству заслуги, ощущает в себе нелицемерную благодарность и высокопочитание к Особе Вашей»), и, таким образом, русское издание «Монумента» становилось последним из многочисленных панегириков русскому генералу.

* * *

«Монумент» – не единственное переведенное в России произведение, принадлежащее известному шведскому автору (количество изданных в Швеции сочинений Ингмана исчисляется десятками). Во второй половине XVIII столетия русский читатель получил возможность познакомиться с нравоучительными сочинениями Ю. Т. Оксеншерны (1666–1733).

Большую часть своей жизни Ю. Т. Оксеншерна провел вне Швеции, литературную славу (он получил имя «Северный Монтень») заслужил за пределами отечества и в Швеции был известен мало. Начав путешествие по Европе под руководством Н. Бергиуса (впоследствии суперинтенданта и автора сочинения о московской церкви, предисловием к которому стали русские стихи Й. Г. Спарвенфельда), остался в Германии и в течение 40 лет «вел жизнь авантюриста» [138]. Правда, Оксеншерна был авантюристом иного склада, нежели Ингман: он менял веру и женился по расчету, но не участвовал в делах, связанных с похищением. В том

числе и в силу жизненных обстоятельств, оба эти автора издавали свои сочинения не только на шведском, но и на прочих европейских языках (книги Оксеншерны выходили на французском языке), на взгляд российского читателя, принадлежали к европейской, а не малоизвестной шведской литературе, и именно этим привлекали внимание русских переводчиков. Правда, связь между «авантюрной» судьбой Ингмана и изданием русского перевода его книги отнюдь не бесспорна, поскольку немецкий перевод «Монумента» был издан в Петербурге и выполнен со шведского оригинала; хотя, повторим, в начале 80-х гг. в Петербурге Ингман был известен, а причины, по которым Дальгрен обратился именно к его сочинению, до конца не ясны. Очевидно лишь, что в конце XVIII столетия в России сочинения шведских авторов переводились лишь с немецкого и французского языков: единственное сочинение Оксеншерны на шведском языке, «Размышления в одиночестве» (Стокгольм, 1731), так же как и панегирики Ингмана Густаву III, в России переводено не было.

Первая изданная в России книга Оксеншерны – «Размышления и нравоучительные правила» (СПб., 1771), является второй частью несколько раз переиздававшихся в Европе «Pensées sur divers sujets de Morale par Mr. Le Comte Oxenstirn nouvelle edition, revué, corrigé et augmenté de maximes et réflexions par le même auteur» (La Hage, 1742, 1744, 1759). Из предисловия к русскому изданию следует, что книга Оксеншерны заинтересовала «благодетелей» переводчика несомненным литературным талантом и популярностью шведского автора («который острым, важным и сладким слогом в сочинениях своих не последнюю между знатными писателями заслужил честь»). Правда, цель перевода состояла не в том, чтобы познакомить отечественную публику с творчеством знаменитого писателя, а лишь продемонстрировать «благодетелям» свое знание французского языка: «чтобы узнать мне в том свой успех, предпринял по совету благодетелей моих перевесть с французского на российский язык сие краткое сочинение г. гр. Оксенстирна». Вероятно, по этой же причине для перевода была выбрана меньшая по объему часть французского издания.

С творчеством Оксеншерны в России познакомились значительно раньше выхода этой книги: в 1758 г. в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» появились переводы его статей «О деньгах», «О уединении» и «О философии» с подписью «переведено из Мнений графа Оксенштерна». Нравоучительные рассуждения Оксеншерны были изданы вме-

сте со статьями Л. Гольберга на схожую тему (в марте 1758 г. появился перевод фрагмента «Нравоучительных рассуждений» – «О правильном употреблении хвалы и хуления») и составляли корпус сентенций скандинавских авторов [139]. О художественных достоинствах сочинений шведского писателя в 50-е гг. XVIII в. в России не говорили ничего.

В 1792 г. вышел полный перевод «Мнений нравоучительных на разные случаи с правилами и рассуждениями господина графа Оксенштирна», представляющий собой первую часть указанного издания на французском языке. Можно предположить, что, как и в 1771 г., главной причиной перевода этого сочинения Оксенщерны на русский язык была его популярность на Западе: во второй половине XVIII в. книга Оксенщерны была издана на немецком, английском, испанском, итальянском, польском, шведском и датском языках (характерно, что русский язык в этом списке отсутствует [140]).

По замечанию исследователя, Оксенщерна «не глубок, но типичен» [141], «его афоризмы остроумны и либертинажно скептичны в духе времени, но он не был оригинальным мыслителем» [142]. Об оригинальности своих «мнений» сам Оксенщерна напрямую не заявляет, но, судя по всему, к некоторой парадоксальности стремится: «Сколь неразумно поступает тот человек, которой себя мучит для приобретения многих и различных знаний: редко он в том успевает: но чтоб иметь в том желаемый успех, то требуется к тому великой труд, который изтощевает и прекращает жизнь: а хотя он и столь щастлив будет, что удастся ему достигнуть до намеренного конца: однако не успеет он еще онаго коснуться, как смерть внезапно приходит и предает все гробу вечнаго забвения» [143].

В то же время в предисловии к «Размышлениям в одиночестве» Оксенщерна настаивает на тривиальности своих рассуждений: «Подобно тому, как уже во времена Соломона под солнцем не происходило ничего нового, вы, мои друзья, не ожидайте найти что-нибудь новое в этой книге» [144]. Вероятно, это заявление автора связано с религиозно-мистической направленностью «Размышлений», входивших в один конволют с «Молитвами» (Стокгольм, 1728) О. Колмодина или анонимным «Разговором между смертью и стариком» (Стокгольм, 1730).

Надо отметить, что в вопросах религии «свободомыслящий рационалист» Оксенщерна проявлял сдержанность, что позволило исследователю говорить о его «истинном уважении к христианству» [145]. В «Мнениях» этому предмету уделяется достаточно много

внимания, правда, говорится в основном о переходе автора в католичество («Христианин, оставивший мнения Лютеровы о некоторых членах веры, последует преданиям церкви Римския, останется всегда Христианином» [146]): к моменту создания этого сочинения Оксеншерна был мальтийским кавалером, а по возвращении в 1723 г. в Швецию вновь обратился в лютеранство. Однако для русского читателя факты биографии Оксеншерны являлись лишь материалом для нравоучительных изречений, сам автор в России был мало известен и, судя по всему, мало интересен.

Вместе с тем, Ю. Т. Оксеншерна принадлежал к знаменитой шведской фамилии: в изданной во Франции (и в России) книге «Всеобщее Швеции изображение» (СПб., 1797) Ж.-П. Катто-Каллевиля (Catteau-Calleville; об этой книге – ниже) о Ю. Г. Оксеншерне сказано, что само его имя является рекомендацией, так как оно «уважения заслуживает...» [147]; король Густав III, помышлявший о возрождении в Швеции века Густава Адольфа, желал видеть в своем современнике Ю. Г. Оксеншерне современника Густава II – знаменитого канцлера Акселя Оксеншерну. При этом минимум четыре графа Оксеншерна могут называться писателями: кроме изданий Юхана Турренсона и Юхана Габриеля, известны сочинения Габриеля Турелона (1641–1707) и канцлера Акселя Оксеншерны (1583– 1654). А между тем и в книге Катто-Каллевиля, и на титульном листе всех европейских изданий «Мнений» автор именуется графом Оксеншерной без указания инициалов. Вероятно, европейские и шведские читатели знали, о ком из представителей этой фамилии идет речь (напомним, что Ю. Т. Оксеншерна получил имя «Северный Монтень»); в свою очередь русский переводчик буквально воспроизводил текст оригинала.

Пример Оксеншерны – не единственный в европейской, в том числе шведской, литературе. Так, в предисловии к «Собранию шведских стихотворений» (Стокгольм, 1751–1753) отмечено, что «здесь не хватает некоторых знаменитых поэтов, с особым почтением я называю имя Рудбека» [148]. Составитель антологии А. Сальштедт (о его работе – ниже) имел в виду сына «Олава Рудбекского профессора медицины» (1630– 1702), Олофа Рудбека-младшего (1660–1740), автора стихотворного предисловия к «Nora Samolad» (Uppsala, 1701), «Речи о Карле XII в стихах» (Упсала, 1719), «Радостной песни Улрике Элеоноре» (Упсала, 1719), «Поэтической песни» (Стокгольм, 1723) и т. д. Можно предположить, что шведский читатель не нуждался в разъяснениях, о каком Рудбеке идет речь, хотя в некоторых изданиях его сочинений он

назван Рудбеком-сыном, например: «Olof Rudbecks sonens Nora Samolad» (Uppsala, 1701). В России же были знакомы с обоими Рудбеками и легко их различали: в «Истории Российской» Татищева называются «Рудбекий» и «Олай Рудбекий, Олаев сын»[149].

Проблемы возникают при атрибуции сочинений этих авторов позднейшими исследователями. Французские справочники и энциклопедии называют автором «Мнений нравоучительных» Габриеля Турелона Оксеншерну[150], в шведских изданиях автором морально-философских «мыслей» совершенно справедливо назван Юхан Турренсон[151]. Как следует из русских научных обзоров, автором «Мнений гр. Оксеншерны» являлся канцлер Аксель Оксеншерна, который веру не менял, не мог знать о польском короле Яне Собесском и об осаде турками Вены[152].

В отличие от европейских изданий сочинений Ю. Т. Оксеншерны, предисловие к вышедшему в Швеции религиозно-нравоучительному трактату «Размышления в одиночестве» подписано полным именем автора: Юхан Турренсон. Возможно, Оксеншерна специально акцентировал внимание на своем шведском происхождении и таким образом объявлял себя шведом-лютеранином (а не французом-католиком, каковым он являлся во время своего многолетнего пребывания за границей). В отличие от изданий на французском языке, среди стихотворных цитат здесь встречается шведское четверостишие, названное Оксеншерной «наша старая шведская пословица»[153]. В написанных до возвращения в Швецию «Мнениях» «северная» тема также присутствует, но национальная принадлежность автора при этом не подчеркивается.

* * *

Несмотря на некоторое сходство жизненных обстоятельств, Ингман и Оксеншерна – принципиально разные по своему мировосприятию авторы: проникнутое патриотическим пафосом описание событий отечественной истории Ингмана имеет мало общего с философски-скептическими и космополитическими рассуждениями Оксеншерны (ср.: «...тот только достоин безсмертия, кто жил для отечества и приносил честь человеческому роду»[154] Ингмана и «Я не могу выйти из удивления, которое мне причиняет безрассудное злоупотребление, коим изгнание называют наказанием. Оно нам запрещает только малинький уголок земли, а поелику все прочее оставляет на наше разсуждение, то для чего оное не по-

читать за такую подорожную, по которой можем поселиться там, где мы жить за благо разсудим»[155] Оксеншерны). Однако книгами Ингмана и Оксеншерны исчерпываются переводы произведений шведских писателей на русский язык, и поэтому говорить о знакомстве российского читателя с самыми разными представителями шведской литературы XVIII в. было бы опрометчиво.

В России переводы их сочинений появились на рубеже 80–90х гг. XVIII в. («Монумент» – в 1788 г. и «Мнения» – в 1791 г.), когда на русском языке вышло сразу несколько книг европейских авторов, посвященных Швеции, ее истории и монархам; однако в этот период не наблюдается ни интереса к творчеству шведских писателей, ни какого-либо влияния шведской литературы на русскую. В свою очередь и Ингман, и Оксеншерна с русской литературой были знакомы мало, хотя в сочинениях обоих авторов русская тема присутствует.

В книгах Оксеншерны россияне всегда замыкают список народов, но никогда не игнорируются. Так, в «Размышлениях и нравоучительных правилах» сказано: «Шоколадом услаждается Гишпанец, кофе истребляет густые пары, подымающиеся от вина в голову Немца; чай приятен Англичанину; лимонад прохлаждает Италианца; пиво веселит сердце Шведов, от водки в восхищение приходит Поляк, а Россиянин почитает мед питием божественным»[156]. В «Мнениях нравоучительных» рубрика «Зима» содержит следующий пассаж: «Черный котел служит ей обыкновенным головным убором, кочерга у ней вместо посоха, охота ея токмо до огня и водка любимый ея напиток... придворныя ея Шведы, пажи ея Лопари, соловьи ея Датчане, а бабачки Россиане»[157].

Если в книге Ингмана появление «русской» темы могло быть вызвано жизненными обстоятельствами автора, то в рассуждениях Оксеншерны о России говорится исключительно в силу национальной принадлежности писателя: «соседственный» народ был постоянно в поле зрения шведских авторов, независимо от того, проживали ли они в Швеции или за ее пределами, и учитывали ли они культурную, политическую или географическую близость России и Швеции. В этом смысле очень показательными являются никогда не переводившиеся в России и касающиеся исключительно Швеции «Размышления» (Стокгольм, 1778) шведского короля Густава III (на титульном листе читается приписка, указывающая на авторство и тему сочинения: «к протоколу Совета, касающемуся принятия шведской национальной одежды»). Здесь, в отличие от книги Оксеншерны, «русская» тема не просто присутствует, но до-

минирует. Вспоминая русских женщин, которые сначала сопротивлялись введению в России нового платья, а потом, увидев его удобство и красоту, европейскую моду приняли [158], Густав и изменение нравов россиян связывает с их насильственным переодеванием при Петре. Таким образом, автор переходит к вопросу о национальных особенностях обоих народов: «если Петр был вынужден сказать своим подданным: перестаньте быть русскими, станьте французами, немцами, англичанами, то, полагаю я, для нас было бы крайне важно сказать: оставайтесь шведами, ваши предки, покорные вашим древним королям, были смелыми, верными подданными, послушными сыновьями, мягкосердечными людьми, почитавшими отцов, хорошими гражданами, верными христианами, иными словами, другие нации скорее прекращали быть собой и проникались вашим национальным духом, и я смею сказать, что национальная одежда способствовала этому больше, чем думают» [159]. Естественно, русская история привлекалась шведским королем как наиболее показательная, но само обращение к русской теме типично для «Рассуждений» шведских авторов.

* * *

Кроме шведских сочинений на исторические или нравоучительные темы, в России переводились научные труды шведских ученых XVIII в., на первый взгляд сухие и не интересные для читателя. Вместе с тем, перевод книги «Карла Линнеа рассуждения... о человекообразных» (СПб., 1777) содержит чрезвычайно занимательные фрагменты. Рассуждая о человекоподобных обезьянах (эти сочинения Линнея связаны с хорошо известными европейскому читателю рассказами о человекоподобных дивах: аримаспах, кентаврах, песьеголовых; кстати, среди перечисленных в этой книге «человекообразных» называются пигмеи и сатиры), Линней не только их описывает, но и приводит любопытные свидетельства путешественников. Так, про некую породу человекообразных существ говорится: «Когда пристали мы к берегу, тотчас пришли к нам на корабли, неся с собою попугаев, которых хотели променять на железные какие-либо вещи с нами; но как приметили, что никто из нас с ними промена делать не хочет, тотчас посвертели головы своим попугаям и сырых пред нами жрали» [160]. Затем, как следует из этого ужасного рассказа, существа съели и высадившихся на берег матросов: «И как на землю мы вышли и из привлеченных нами пушек раза по два вы-

стрелили, то сии люди с хвостами дали тыл и бежали в лес, и тогда к нашему сожалению нашли, что бот в мелкие части изломан и гвозди все повыбраны. Потом увидели дым на горе, на которую мы тотчас взошли, не нашед ничего, кроме остатков и костей наших товарищей, коих тела, без сумнения, сии мерзкие съели, их жалостнейшим образом умертвивши» [161]. Подобные истории соотносились не только с «естествословными книгами», но и с произведениями художественной литературы XVIII в.: знаменитые романы Свифта и Дефо были изданы в Швеции как раз в конце 30-х – середине 40-х гг. XVIII в. («Робинзон Крузо» – в 1739, «Путешествие Гулливера» – в 1744 г.).

Другая известная в России тема сочинений Линнея – напитки и их воздействие на человека вообще и писателя в частности. В «Рассуждениях... о употреблении коффеа» (СПб., 1777; шведское издание вышло в 1746 г.) Линней отмечает, что «кофе отъемлет сон. Чего ради все упражняющиеся в сочинениях по ночам, чтобы препроводить оныя без сна, пьют кофе» [162]. В «Водке в руках философа, врача и простолюдима» (СПб., 1790; шведское издание имеет название «Рассуждение о пиве» (Стокгольм, 1748), говорится, что «...многие преславные стихотворцы удивительныя от пьяных напитков чувствовали действия; ибо помощию оных возбудив чувственные жилы, отменную в разуме своем приемлют бодрость и такую нередко стихам своим придают силу и приятность, какой от водопийцов никогда ожидать не можно» [163]. Правда, люди, употребляющие «хлебное вино», «обыкновенно по утрам столь бывают слабы, что и несколько часов пережить не чают; дрожат у них руки, немеет язык и они не могут почти говорить; позыва на пищу не имеют, бледнеет у них лице, притом тоска у сердца и боль, как червь, точа и грызя, их мучит; ни к какому делу бывают не способны и подобны колесу часовому, при ослаблении цепочки обращаться перестающему, ибо находятся почти бездейственны, пока опять не напьются» [164].

Эти произведения Линнея принадлежат к числу нравоучительно-медицинских сочинений («Вследствие всего сего всяк заблаговременно должен себя предостерегать от сей заразы, кто только собственное свое и фамилии своей благосостояние и честь уважает» [165], или предки «ни горячих спиртов, ни тобаку, ни чаю, ни кофе, ни сахару, ни шелку, ни многочисленных ароматов, ни прочих бесчисленных вещей, у нас ныне наиупотребительнейших, не знали: довольны будучи малым щастием, были всех наших людей

здоровее» [166]) и, таким образом, соотносятся с рассуждениями Оксеншерны.

Как и в творчестве других шведских авторов, в сочинениях Линнея присутствует «русская» тема. В данном случае она появляется в связи с национальными особенностями употребления напитков или специфически национальной реакцией на эти напитки организма. Так, в «Водке в руках философа, врача и простолюдима» сказано, что «Русские, которые также сей напиток отменно любят, весьма редко водяною болезнию страждут» [167]. В то же время в «Рассуждениях... о употреблении коффеа» о россиянах не говорится ничего, вероятно, ввиду отсутствия «российского» способа пить кофе: «Наши Шведы после обеда по болшой части кофей употребляют три чашки фарфоровые с сахаром и сливками. Французы употребляют по одной чашке по утру, однако боле нашей, с сахаром и французским хлебом, в чашку положенным, так что кажется, что они едят, а не пьют» [168] (к числу народов, «употребляющих» кофе по-своему, относятся голландцы, англичане и турки).

Шведские исследователи рассматривают творчество Линнея как факт литературы, отмечают живость его языка и великолепие описанных им картин природы [169] (в России дневники путешествия Линнея также были известны: в 1771 г. в Петербурге вышло переведенное В. Рубаном «Наставление путешествующему»), а в рукописном отделе библиотеки Упсальского университета хранятся рукописные статьи «Линней как поэт», «Линней как мыслитель» и «Линней как моралист» [170].

* * *

Другим шведским ученым, труды которого переводились в России, был Ф. И. Страленберг. Его книга «Северная и Восточная часть Европы и Азии» в Европе пользовалась большой популярностью: в Стокгольме она выходила на латинском (1730 г.) и немецком (1730 г.), в Лондоне на английском (1738 г.), в Амстердаме на французском (1757 г.) языках.

В 1738 г. в Самаре был выполнен перевод 4, 5 и 6 глав («О древних и новых государях России и о столичных ея градех», «О начале и продолжении государствования фамилии Романовых» и «О государствовании императора Петра Первого»). (Возможно, эти разделы выбраны из готового перевода первых 12-ти глав книги Страленберга. Это мнение высказано во вступительной статье к «Запискам капитана Филиппа Иоганна Страленберга». М.; Л., 1986. Т. 2.)

Одна из рукописных книг, содержащих самарский текст, хранится в библиотеке университета Упсалы и включает, кроме книги Страленберга, фрагменты сочинений, изданных в «Собрании разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого» Ф. Туманского. Правда, ни составителя этой рукописи, ни ее шведского владельца Туманский не интересовал: на титульном листе книги значится: «Историческое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночной восточной части Европы и Азии, паче же империи Россия, которая в оных за полуночной части признавается: Сочинено Иоанном Страленбергом и напечатано в Стокгольме 1730. На российской же язык сокращенно переведено по повелению превосходительнейшаго господина тайного советника Василья Никитича Татищева в Самаре 1738 году». В самой рукописной книге «Записки» Туманского названия не имеют, не отделены от книги Страленберга и написаны той же рукой, что и вторая часть перевода сочинения шведского автора.

Можно предположить, что составлявшие эту книги произведения были подобраны таким образом, чтобы о событиях, происходивших в России во время правления Петра I, рассказывали апологеты императора и бывший пленный шведский офицер, который, правда, специально оговаривает свое стремление к объективности: «Я по возвращении о государствовании Петра Первого императора из Сибирии в бытность мою в Москве от достоверных российских подданных как с той, так и с другой стороны слышал, а онаго, кроме всякого пристрастия, объявил, из чего исправный историк, избрав доброе и злое, о обстоятельствах сего Великого Монарха благоприлично разсуждать изволит, и хотя от некоторых писателей случается, что они для каких-либо притчин дела государей иногда поносно и ругателно, иногда же для особливых своих интересов до небес превозносся и выхваливая, описывают, однако обое сие истинною и правдою похвалено быти не может» [171].

Перед компилятором же такая задача не стояла, верноподданнический тон «Записок» Туманского проявляется в первой же заимствованной из книги «О зачатии и рождении Великого Государя императора Петра Перьваго» П. Крекшина фразе: «Во дни благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича в счастливое его царствование были в России мужи благодатию божиею в разуме просвещенныи: Симеон Полоцкий и Димитрий Ростовский, они и звездное течение знали, и предсказали рождение Петра Великого» [172]. В свою очередь враги Петра осуждаются без ма-

лейшего снисхождения: «А гетману на прежняго того место вчинил он, князь Голицын, генералнаго есаула Ивану Мазепу, которой видом и делом уподобися Древнему Иуде»[173] (этот фрагмент заимствован из «Описания бунта, бывшего в 1682 году»).

Страленберг же отмечает факты, «порочащие» Петра в глазах европейского читателя: «Что же в сей продолжителной войне и в строении Санкт-Петербурской столицы и в людях и во всяких вещах убытку зделано не токмо описания, но и размышления того во изумление привесть может, ибо некоторые сказывали, что повсягодно более 10 000 крестьян как скот туда загоняли, которые все от тяжкой работы и за недостатку правианту изнемогать и умирать принуждены были»[174], или «Приметно, аки государь будучи еще в десятилетнем своем возрасти старым и честным людям нарочито давал пощочены и непристойно их бранивал»[175]. Татищев появление этих эпизодов в тексте записок не приветствовал (в его письме К. Г. Разумовскому от 11 марта 1747 г. говорится, что Страленберг «подлинно желал Петру Великому по кончине его величества опровержением клевет услугу и благодарность свою изъявить, но, поверя другим, весьма во многом ошибся»[176]); однако из перевода их не изымал.

Известно, что Страленберг и Татищев были знакомы лично: их первая встреча состоялась еще во время пребывания Страленберга в Сибири, затем, находясь в 1724–1726 гг. в Швеции, Татищев встречался со Страленбергом в Стокгольме и предлагал ему помощь в написании сочинения о России. В одном из писем Петру Татищев докладывал, что Страленберг написал историю Сибири и что Татищев убеждал его посвятить эту книгу Петру[177]. Примерно в это же время Татищев предлагал С. Бреннер, «которая в стихотворении не токмо в Швеции, но и в других государствах славу имеет»[178], посвятить Петру панегирическую оду: «Оную я уговаривал, чтоб она для бессмертной славы его императорского величества дела величайшие ниже в стихах изобразить потщилась»[179]. Однако и Страленберг, и Бреннер просьбу Татищева отклонили.

* * *

Труды скандинавских историков, лингвистов и антиквариев XVII – первой половины XVIII в. в России переводились не часто: в Петербурге в 1783 г. была издана книга известного датского филолога и поэта, автора «Diatriba de causis diversitatis lingvarum» (Quedlingburg, 1704) и панегириков датскому королю Фридриху III О. Борка (Olaus Borrichius; 1626–1690) «Созерцание превосход-

нейших писателей латинского языка в златом, сребряном, медном и железном веке процветавших, для пользы учащегося юношества сокращенно представленное Оллаем Боррихием»; среди рукописных переводов шведских изданий XVII и XVIII вв. встречаются примечания О. Верелия и Ю. Шеффера к исландским сагам и фрагменты сочинений Э. Бьернера. В то же время главная книга шведского готицизма, знаменитая «Атлантика, или Манхейм» (в которой говорилось, в частности, что завоевавшие Рим готы принесли в Европу интеллектуальную культуру, и руны стали образцом для греческого и римского алфавита, а все события мировой истории так или иначе связаны со Швецией) на русском языке не выходила ни целиком, ни фрагментами, хотя критика отдельных построений О. Рудбека и общая оценка его работы содержались в русских переводах швейцарских и шведских, а также в отечественных сочинениях XVII–XVIII вв. Так, в предисловии к «Введению в Датскую историю» Малле об издании шведского и латинского перевода Эдды говорится, что «в начале сего сочинения находится длинное рассуждение о северных древностях, в котором по-видимому воскрешается в особе писателя знаменитый Рудбек» [180]. Из рукописных переводов изданных в Швеции манускриптов русский читатель мог узнать о научной позиции Рудбека по частным вопросам, например: «Один – сын Фрилафов (которого Рудбеккий несправедливо почитает посланным от Филиппа Македонского)», («Выписка из Введения в Готфские древности») [181], или о его научной деятельности, например, что «Олав Рудбекский профессор медицины» доказал, что недалеко от Упсалы жили великаны [182].

В «Историю Российскую» Татищева включены отзывы о книгах по древнейшей истории Швеции и об ученых, эту идею поддерживавших: «...и так Швеция учинилась началом, или якобы маткою народов... сие мнение после Стирншельмом, Верелием, Рудбекием повсюду разпространено... Мужи оные великого благоразумия и удивительного учения были, но в них либо неизреченная любовь к отечеству правду закрыла, или они писали то, чему сами не верили» [183], или «Иные же, когда своего или другаго народа не зная от чего имя произошло и не потрудясь о деривации или знаменовании древних языков, тотчас в неизвестной древности владетеля имя зделали и от того родословия непрерывное сложили, как то видим шведскаго Иоанна Магнуса, Рудбека и пр. о их королях» [184]. В свою очередь В. Капнист, на рубеже XVIII–XIX вв. «открывший», что русские происходят от гипербореев, считал Рудбека своим предшественником:

«Во оправдание сих, знаниями своими гордящейся Греции, столь уничижительных мнений, скажу, что прежде меня учением знаменитые в Европе люди, как-то: Олаус-Рюдбек, Бальи и многие другие, доказывали, что науки и просвещение воссияли от северных стран» [185]. Рудбек-писатель в России интересен не был, а между тем, по мнению современного исследователя, «Рудбек – один из величайших писателей шведского барокко, стилист, метафоры которого дерзки, а замечания остроумны и метки в такой же степени, в какой аллегории точны, а риторические выступления наполнены пафосом» [186], и именно поэтому он заслужил имя «шведского Гесиода» [187].

О другой малоизвестной широкому кругу русских читателей фигуре, знаменитом лингвисте Й. Г. Спарвенфельде (1655–1727), в «Предисловии о началах и Преселениях Скандо-Готфских народов» Э. Бьернера говорится, что он «славнейший и ученейший народа нашего Улисс» [188]. Однако ни об области научных интересов, ни о научной позиции, ни о биографии Спарвенфельда в этой книге не говорится ничего: по всей видимости, шведский читатель знал, или должен был знать, что Спарвенфельд, подобно Одиссею, посетил множество стран, но русскому читателю эта аналогия едва ли что-нибудь говорила.

Правда, Спарвенфельд-поэт в России известен был, хотя и очень узкому кругу читателей. Так, в «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (СПб., 1773) В. К. Тредиаковский отмечает, что некую историческую «редкую книгу приводит и следует ей Бергий, пиша о состоянии церькви и закона Московитского» [189]. И следовательно, силлабо-тоническое стихотворение Спарвенфельда находилось в поле зрения Тредиаковского – реформатора русского стиха [190]. Однако о своем знакомстве с творчеством Спарвенфельда (если оно действительно состоялось) он не пишет нигде.

* * *

В своих сочинениях Тредиаковский не упоминает ни древних, ни современных шведских писателей и игнорирует сам факт существования шведской литературы. Так, перечисляя в «Эпистоле к Аполлину» посещенные Аполлоном страны, он называет не только Францию, Англию, Германию, но и ближайших соседей России: Турцию и Польшу. О польской поэзии Тредиаковский отзыватся достаточно сдержанно: «гласит стихом польская спесиво, // Иногда ж весьма умно и весьма учтиво» [191], о турецкой поэзии за-

мечает лишь, что Аполлон про нее не забыл, о шведской поэзии не говорит даже этого.

Вероятно, в шведской поэзии Тредиаковский не видел ничего примечательного: она не так значительна, как французская или немецкая, не так экзотична, как индийская или турецкая, и не связана с русской, как польская. Иначе говоря, ей не было места ни в центре мировой поэтической системы, ни среди заметных русскому читателю «поэзий».

Отношение Тредиаковского к шведской литературе характерно и для других русских авторов XVIII в., в том числе и для интересовавшихся шведским языком, например Ломоносова и Баркова. Единственным переводом Баркова со шведского являются «Шведскаго Городского и Земского Устава общие судейские права» 1709 г., входящие в его книгу «Переводы с латинского и шведского языков. Случившиеся во времена императора Марка Аврелия римского и Каролуса XII Шведскаго» (СПб., 1786; в книге указано, что перевод был осуществлен в 1758 г.). По всей видимости, среди шведских писателей XVIII в. русский переводчик не видел фигуры, способной привлечь его внимание (для сравнения отметим, что сочинения датского драматурга и историка Л. Гольберга в России переводились и Д. Фонвизиным, и А. Нартовым, и Я. Козельским, и тем же Барковым; правда, переводы его сочинений делались не с датского, а с немецкого).

Баркова же занимает шведское судопроизводство: в книге приводятся рассуждения о бессмысленности пыток (в Европе и России эта тема воспринималась как традиционно шведская: в «Рассуждении о преступлении и наказании» (СПб., 1803) Ч. Беккариа подчеркивается, что именно в Швеции «пытка уничтожена» [192]), о превосходстве «кроткого и разумного» судьи над «добрым» законом и т. д. Здесь же напечатаны и посвященные этой теме «народные пословицы», как-то: «Справедливые дела предпочитать закону», «Зло злейшим не отмщевать», «Никто не может быть судьею в своих делах», «Зачинщик всегда бывает виноват», «Добровольное признание стоит доброго свидетеля», «Что сделано, того не переменять», «Неизвестному человеку нескоро верить должно», «Кто вольность свою во зло употребляет, тот лишается оной» [193].

Другие русские писатели скандинавскими языками не интересовались и, судя по оценкам, были о них невысокого мнения. Даже в 20-х гг. XIX в., незадолго до того, как знаменитый «посланец северной культуры в России» Я. Грот писал о «неслыханном богатстве шведского языка», русский автор анонимной журнальной ста-

тьи о Тегнере указывал, что «Шведский язык... во многом беден и образован отчасти по французскому, отчего в нем и встречается много французских слов» [194]. Характерно, что пренебрежительные замечания о скандинавских языках принадлежат самим скандинавским авторам: в 1788 г. датский сентименталист Й. Баггесен замечал, что «если бы с колыбели говорили по-немецки, а не по-датски, то писали бы теперь более красивые стихи» [195].

Таким образом, процитированный выше отзыв Татищева о творчестве С. Бреннер является исключением, хотя и не единственным: в письме обучавшегося в Швеции П. Г. Демидова родителям от 9 декабря 1760 г. говорится о посещении русскими студентами «госпожи Норденфлит, коя ученая женщина и притом же хорошие на шведском языке стихи сочиняет» [196].

Русский читатель познакомился со шведской поэзией лишь в самом конце XVIII столетия: статья на эту тему была помещена во «Всеобщем Швеции изображении» (СПб., 1797, глава «Науки и художества»), являющемся переводом «Tableau générale de la Suède» (Париж, 1790) Ж.П. Катто-Каллевиля (Catteau-Calleville). По мнению французского автора, долгое время шведская поэзия была несовершенной, сильно отставала от французской и поэтому не заслуживала внимания: «Франция уже пользовалась изящными творениями Корнеля, Рассина, Буало, когда еще Швеция едва только Ронзаров, Депортов, Теофилов имела». Однако «около половины сего [XVIII. – *М. Л.*] века вкус к наукам в недрах государства водворился и с сего времени стихотворцы явились, которыми Швеция гордиться может» [197].

По Катто-Каллевилю, «Дален был творец стихотворства, он сочинил поэму под заглавием “Шведская вольность”, трагедию, оды и множество мелких стихотворений» [198], и именно с него начинается история новой шведской поэзии: «Дален имел многих последователей, которые отличные способности оказали: ...приятная и твердая философия отличает оды, послания, идиллии и сатиры графа Гилленборга... госпожа Норденфлихт нежна, жалобна, а иногда и слишком томна... граф Оксенстирна, которого одно имя уважение заслуживает, выдал несколько отдельных сочинений, великую честь ему приносящих...». «В сочинениях г. Килгерна виден вкус, разум и соображение в одах и сатирах; он хорошими стихами переложил многие театральные сочинения автора-венценосца. Гг. Клеберг, Леопольд, Лиднер и Слоберг занимают почтенное место Шведскаго Парнаса» [199].

Вместе с тем, этот раздел переведенной на русский язык книги Катто-Каллевиля является его не первым и не единственным сочинением, посвященным истории шведской поэзии: первой книгой Катто-Каллевиля, содержавшей главу о шведском стихотворстве, была изданная в 1783–1784 гг. в Стокгольме «Шведская библиотека» (это сочинение, за исключением отдельных, не имеющих отношения к шведской поэзии разделов, написано на французском языке; на французском же языке в 1783 г. в Стокгольме вышло его «Письмо м. Бернулли о смерти м. Варгентина»).

Как и во «Всеобщем Швеции изображении», в «Шведской библиотеке» шведские поэты XVII в. сопоставляются с Депортом, Теофилем и Берто, но, в отличие от известного русскому читателю сочинения, здесь намечена история шведской поэзии с момента ее зарождения и дана характеристика основных произведений главных ее представителей (не случайно этот раздел «Шведской библиотеки» имеет название «Эссе об истории шведской поэзии»). По Катто-Каллевилю, поэзия Швеции начинается со скальдов, в XVII в. «с большим успехом культивировал национальную поэзию» Г. Шернъелм (Stiernhielm), за ним следовали П. Лагерлеф (Lagerlöf) и С. Колумбус (Columbus), затем С. Браск (Brask) и Дальштерна (Gunno Eurelius de Dahlstierna), за ними – Х. Шпегель (Spegel), С. Триевальд (Triewald), Г. Палмфельдт (de Palmfelt) и Х. Гюлленборг (Gyllenborg). Как и в русском издании, величайшим шведским поэтом здесь назван О. Далин[200].

Таким образом, «полная» история шведской поэзии появилась раньше «краткой», помещенной в «Tableau générale de la Suède» (1790), и, значит, теоретически, русский переводчик имел возможность выбирать между различными изданиями, содержавшими главу о шведской поэзии. Он остановился на «краткой» редакции, и причин такого выбора может быть несколько: во-первых, русского переводчика конца XVIII в. шведская поэзия интересовала мало, значительно больше его занимало всестороннее изображение жизни соседнего государства, и небольшой обзорной статьи о шведском стихотворстве, являющейся частью «Всеобщего изображения Швеции», ему было вполне достаточно; во-вторых – в России парижское издание, по всей видимости, было доступнее шведского, и с «полной» редакцией статьи Катто-Каллевиля в России могли быть не знакомы.

О достоинствах шведской поэзии и о недостаточном знакомстве с творчеством шведских авторов в России заговорили лишь

в XIX в. Так, в «Литературной газете» (1830, № 49) было отмечено, что «литература сия, соседняя нам, свежая и прекрасная, еще мало у нас известна. Имена Аттербома, Тегнера, Гаммершельта, Францена, Свогрина или Виталиса и пр. и пр. едва доходят до нас и скользят по нашей памяти, не оставляя по себе глубоких следов»[201]. В это же время были изданы переводы произведений шведских поэтов.

Правда, в 20–30-х гг. XIX в., за редким исключением, выходили прозаические пересказы поэтических шведских сочинений. «Ущербность» таких переложений осознавалась русскими переводчиками и издателями, однако создание поэтических переводов было для них задачей непосильной. Так, публикация в «Галатее» (1829) перевода фрагмента поэмы Сиегрена «Посвящение луне» сопровождалась следующим предисловием: «Вот отрывок из сего посвящения, единственного в своем роде. Мы переводим его в прозе, в которой, само собою разумеется, сохраняются только мысли, а колорит поэзии, сладкозвучие рифмы исчезают»[202]. О помещенном в «Литературной газете» (1830, № 49) прозаическом переводе «Рун» К. А. Никандера сказано: «Решаемся перевесть нечто хотя с перевода, чтобы сколько-нибудь показать характер поэзии»[203] (правда, начинается текст с незатейливого двустишия: «Отнял тиран у меня все, что мог, // Мне же достался терновый венок»).

* * *

В Швецию сведения о русской литературе поступали на протяжении всего XVIII столетия (хотя ни одно русское стихотворение в XVIII в. на шведский язык переведено не было). Так, в «Истории путешествий в Россию, Сибирь и Великую Татарию» (Стокгольм, 1730) Ф. Й. Страленберга упоминались русские авторы XVII – начала XVIII в. В 1772 г. вышел французский перевод поэмы М. М. Хераскова «Чесменский бой», текст которой предваряло хорошо известное финско-шведскому филологу, профессору риторики в университете Або Г. Г. Портану «Рассуждение о российском стихотворстве» («Discours sur la poésie russe») Хераскова[204]: из этого трактата шведский читатель узнавал о творчестве русских поэтов, в первую очередь Сумарокова, меньше – Ломоносова и совсем немного – Тредиаковского и Кантемира[205].

Шведскому читателю могли быть известны сочинения Хераскова, изданные на немецком языке: тот же «Чесменский

бой» (1773), «Нума, или Процветающий Рим» (1782) и ода Екатерине II (1767), а также речи Ломоносова на латинском языке («De Origine Lucis, novam Theoriam Colorum fistens ex Rossica in Lat.» (1756) и «De Generatione Metallor» (1757) хранятся в библиотеке университета Упсалы).

В конце XVIII в. появились шведские переводы русских произведений художественной литературы. При этом особым успехом у шведских переводчиков рубежа XVIII–XIX вв. пользовалось лишь одно русское сочинение – повесть Н. М. Карамзина «Юлия». Впервые «Юлия, или Победа разума над страстью» была издана в 1797 г. в Стокгольме и затем дважды переиздавалась – в 1816 г. в Хальмштадте и в 1824 г. в Стокгольме. Кроме того, «Юлия» была включена в вышедшее в Гетеборге в 1806 г. шведское издание повестей Карамзина (куда, кроме нее, входили «Бедная Лиза», «Флор Силин» и «Наталья, боярская дочь» (в шведском варианте – «Наталья, или Боярская дочь»)).

В предисловии к изданию 1806 г. «Юлия» представлена как произведение, выделяющееся на фоне других сочинений Карамзина: по словам автора предисловия, все составляющие этот сборник повести входили в московское издание 1797 г., в то время как «Юлия» вышла отдельной книгой; в отличие от прочих повестей Карамзина, французский перевод «Юлии» был напечатан в «Le Spectateur du Nord» (в том же 1797 г.), где, как известно, повести Карамзина поставлены в один ряд с сочинениями Мармонтеля и Флориана[206].

Вероятно, особое внимание в Швеции к этому произведению объясняется его очевидной близостью к руссоистской традиции: само имя русской героини связывает «Юлию, или Победу разума над страстью» с «Юлией, или Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо. В таком случае, главное достоинство «Юлии» Карамзина, в глазах шведского читателя представлявшей всю русскую литературу, состояло лишь в ее принадлежности к европейской литературе. Оригинальность и национальная самобытность русской литературы шведскую аудиторию интересовали мало.

Шведский перевод «Юлии» в издании 1797 г. сделан с русского оригинала 1796 г., в сборнике 1806 г. – с немецкого перевода Й. Рихтера (на шведский язык повести Карамзина были переведены Л. Брентиусом). Вероятно, обращаясь к творчеству Карамзина, шведские переводчики руководствовались разными соображениями: одному необходимо было познакомить шведскую читательскую аудиторию с «главной» русской повестью сразу после ее выхода в Москве, другому – лишь после того, как «Юлия» получила призна-

ние в Европе, была переведена на французский и немецкий языки и стала фактом европейской литературы. Возможно, Брентиус учитывал и шведский перевод «Юлии», но в его предисловии об этой книге не сказано ничего.

Другим русским произведением, привлекшим внимание шведского переводчика XVIII в., стала «Сказка о царевиче Февее» (СПб., 1783) русской императрицы Екатерины II. Шведский перевод был издан в Лунде в 1799 г. и получил название «Царевич Февей. Происшествие в столичном городе. Ее величества императрицы Российской. Перевод» [207]. Почему шведский переводчик остановился на сочинениях Екатерины, а из принадлежащих ей сказок выбрал именно «Февея», в книге не объясняется (по всей видимости, появление перевода сочинения российской монархини связано с происходившим в конце столетия политическим сближением России и Швеции: в 1796 г. была предпринята попытка заключить династический брак между шведским королем и российской принцессой Александрой Павловной; в 1799 г. между Швецией и Россией был подписан союзный договор, так называемый «Гатчинский трактат»). Вместе с тем, шведский читатель этой книги явно нуждался в предисловии и комментариях: на титульном листе одного из экземпляров шведского издания под словами «Ее величества императрицы Российской» читается приписка: «Мария Федоровна» (невестка Екатерины II, вторая жена Павла I). По всей видимости, эта эвристическая ошибка стала результатом просчета издателя, нарушевшего правила оформления издания переводных сочинений, принадлежащих иностранным монархам. В заглавиях европейских, в том числе русских и шведских, изданий «его / ее величеством» называется только правящий в год издания книги венценосный писатель (например, «Примечания и историческое объяснение на объявление его величества короля Швецкого» (СПб., 1788), т. е. Густава III (1771–1792)). К моменту выхода шведского перевода «Февея» «ее величеством императрицей Российской» была супруга Павла I, что и ввело в заблуждение не имеющего ни малейшего представления о творчестве российской императрицы Екатерины II неизвестного шведского читателя.

Естественно, в большей степени шведской аудитории были известны принадлежащие российской императрице манифесты и законодательные акты. Так, в 1763 г. в Стокгольме был издан перевод манифеста Екатерины II о помиловании графа А. П. Бестужева-Рюмина, правда, в сопровождении его выписок из Ветхого Завета.

* * *

Кроме произведений Феофана Прокоповича и Н. М. Карамзина, в Швеции издавались русские сочинения научного характера, или речи российских ученых, чья научная деятельность была связана со Швецией. Так, в 1777 г. в Стокгольме вышел шведский перевод французской речи князя М. Куракина, посвященной его принятию в члены Академии наук, и ответ Президента Академии.

Речь Куракина содержит комплименты в адрес правящего шведского короля Густава III и российской императрицы Екатерины II: качества, украшающие монарха, Густав соединяет с добродетелями философа, он обладает просвещенным разумом и добрым сердцем, особое наслаждение находит в распространении наук и т. д.; Екатерина же принимает мудрые законы, способствующие процветанию государства, стремится ко всеобщему благу и также поощряет развитие наук в России[208]. В ответной речи содержится комплиментарный же отзыв о современном состоянии России: говорится о просвещении народа и исправлении нравов посредством принятия мудрых и справедливых законов. По мнению Президента Королевской академии, появление великих ученых в такой стране логично и ожидаемо, особенно если к их числу принадлежит член известной в Швеции русской аристократической фамилии. Подчеркивается, что современной России путь просвещения принесет больше славы, чем все военные победы и завоевания[209]. Последнее заявление приобретает особый смысл, если учитывать, что оно исходит от представителя страны, с которой Россия воевала на протяжении всего XVIII в. Однако в 70-е гг. новую русско-шведскую войну ничего не предвещало, и изданные речи Куракина и Президента Академии становились свидетельством шведско-русского политического сближения (напомним, что содержащий комплименты Петру «Монумент» К. Ингмана был издан в Швеции в 1776, а в России – в 1783 г.).

Первым российским ученым, с работами которого познакомились в Швеции, был В. Н. Татищев. Известно, что во время своего пребывания в Швеции в 1724–1726 гг. он встречался с исследователями шведских древностей: Г. Бреннером (Brenner), Э. Бьернером (Björner) и занимавшим с 1702 г. должность главного библиотекаря библиотеки Упсальского университета Э. Бензелиусом-младшим (Benzelius; 1675–1743; Э. Бензелиус-старший (1632–1709) был шведским архиепископом). Бензелиусу-

младшему адресована датированная маем 1725 г. и посвященная обнаруженным в Сибири останкам мамонта «Epistola ad D. Ericum Benzelium de Mamontova Kost [мамонтова кость] id est de ossibus bestiae Russis Mamont dicke» В. Татищева[210]. Эта эпистола напечатана в «Acta Literaria Sveciae» (Uppsala, 1725–1729), издана отдельно в 1729 г. и упоминается в письмах Татищева Бензелиусу от 20 января и 20 февраля 1726 г.[211]

Целям «распространения в Швеции знаний о странах и народах» служило издание «Путешествия по Крыму и Бессарабии, совершенного в 1799 г.» (Стокгольм, 1805) Павла Сумарокова, переведенное на шведский язык с немецкого П. О. Гравандером (Gravander). Однако об особом интересе к творчеству русских авторов появление этой книги не свидетельствует – она лишь замыкала ряд шведских изданий переведенных Гравандером дневников путешествий европейцев в экзотические страны: в 1803 г. вышло «Путешествие в Китай» Шарпантье де Коссини, в 1804 г. – «Путешествие в Южную Африку» Дж. Берроуза.

Анализ переводов произведений шведской и русской литератур дает основание утверждать, что в XVIII в. литературные контакты между странами существовали: и в России, и в Швеции выходили шведские и русские сочинения, о художественных достоинствах которых говорилось в предисловии переводчика. Правда, в отличие от Швеции, где переводы Карамзина должны были познакомить отечественного читателя с русской литературой, в России такая задача поставлена не была: об Оксеншерне как о шведском авторе не говорится ни в одном из русских изданий. Судя по всему, обращаясь к сочинениям шведских писателей, русский переводчик не воспринимал их как представителей шведской литературы; в Швеции же национальная принадлежность русских авторов учитывалась всегда, независимо от того, интересовали шведского переводчика художественные достоинства оригинала или нет.

При этом благодаря переводу книги Катто-Каллевиля в России в XVIII в. имели представление об истории шведской поэзии; в свою очередь сочинения, посвященные истории русской поэзии, на шведский язык в XVIII в. не переводились, и, таким образом, получив возможность познакомиться с творчеством отдельных русских авторов, шведский читатель о самой русской литературе знал очень мало (трактат Хераскова издан на французском языке и специально шведскому читателю адресован не был).

Способ «проникновения» шведских и русских сочинений в Россию и, соответственно, в Швецию также имел некоторые характерные отличия. Сочинения шведских авторов или произведения авторов-европейцев, посвященные Швеции, переводились на русский язык с немецкого и, чаще, французского языков; в Швеции русские сочинения переводились, как правило, с немецкого (хотя, естественно, появлялись переводы и с французского, например, «Жизнь бунтовщика Емельяна Пугачева, с русского оригинала переведенная на французский язык, а затем на шведский»), на немецком же в Швеции было издано большое количество произведений «русской» тематики. Так, с немецкого были переведены повести Карамзина, «Анекдоты об императрице Екатерине II и императоре Павле I и о частной жизни его семьи» и посвященный истории А. Д. Меншикова «Разговор между шведским и русским офицерами» (Стокгольм, 1734; эта книга переиздавалась в 1767 г.); на немецком языке вышли «Записки» Страленберга и книга Й. Палатина «Живой Петербург» (Стокгольм, 1780). Правда, эта тенденция характерна не только для шведско-русских литературных отношений XVIII в. и объясняется особой ролью Германии в развитии шведской культуры.

* * *

Известные русскому читателю произведения шведской литературы едва ли позволяли составить о ней целостное представление. Вместе с тем, контекст, в котором оказывались русские переводы сочинений шведских писателей и переведенные на русский язык отзывы европейских авторов о литературе Швеции дают основания утверждать, что в России в XVIII в. шведская литература так или иначе соотносилась с литературами других стран.

В первую очередь, в глазах русского читателя, шведская литература могла быть соотнесена с французской литературой, по отношению к которой она занимала то же подчиненное положение, что и русская. При этом французское литературное влияние становилось частью французской культурной экспансии, о которой говорилось, в том числе, и в русских переводах скандинавских авторов. В «Рассуждении... об употреблении коффеа» К. Линнея сказано: «У Шведов наших прежде нынешнего века едва был сей напиток во употреблении, что многие старики достоверные ныне в живых находящиеся нам сказывали и свидетельствовали, что оной введен от путешественников, из Франции возвратившихся, кото-

рые подобно как другими обычаями нашу страну заразили» [212]. Не случайно в Швеции был переведен (в 1744 г.), а в России переработан (в 1764 г.) «Жан де Франс, или Ганс Франссон» Л. Гольберга.

Большая часть произведений шведской тематики (как мы уже отмечали) переводилась на русский с французского и, естественно, в этих сочинениях Франция была представлена как эталон, с которым сравнивалась Швеция. В «Геройском духе и любовных прохладах Густава Вазы» Комона де ла Форса о будущем шведском короле говорится, что он был «весьма добродетелен, учен и политичен. Он сложил с себя скоро то, что природа и климат могли в него внушить суроваго; и в земле, почитавшейся еще за варварскую, увидели такого человека, коего бы и сама Франция превознесла похвалами» [213]. Правда, эта книга изначально адресовывалась французскому читателю, и именно этим мотивировано сопоставление Швеции с Францией.

Некоторые необходимые для французского читателя аналогии русский переводчик был вынужден заменять более понятными его аудитории отечественными реалиями. В упоминавшейся книге Малле пассаж о языке Эдды содержит следующее сравнение: «Сей язык в рассуждении нынешнего Датского и Шведского есть такий же, как и язык Вилле Гардуина или Сира де Жонвилла в рассуждении нынешнего французского» [214]. Это замечание сопровождается комментарием русского переводчика: «Как многим Россианам неизвестны упомянутые писатели, то для них примером служить может тот язык, на котором писана Руская правда, изданная г. профессором Шлецером, которую едва ли теперь какий Россиянин совершенно разуметь может» [215].

И в русских, и в шведских статьях, посвященных национальным поэтам, сравнение или даже соревнование с французскими стихотворцами было единственным способом оценить состояние собственной поэзии и прославить ее авторов: в «Письме к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова» (М., 1778) Ф. Карина сказано, что Сумароков «произвел таковы эклоги, каковых Франция не имеет еще и поныне» [216], а в послесловии А. Сальштедта к «Собранию стихотворений на шведском языке» отмечается, что «чтение шведских стихотворений может доставить удовольствие, не меньшее, чем чтение французских стихотворений» [217]. Об истории шведской поэзии русский читатель мог узнать только через ее сопоставление с поэзией французской:

именно так постороен рассказ о шведском стихотворстве в книге Катто-Каллевиля «Всеобщее Швеции изображение».

Таким образом, «французский элемент» в издававшихся в России произведениях шведской тематики объясняется доминированием французской литературы на европейской арене и ее ролью литературы-посредницы при восприятии в России шведской (и не только шведской) литературы (или литературы о Швеции).

Вторая европейская литература, соотнесенная со шведской, — датская. Уже в 50-х гг. XVIII в. датско-норвежская литература была представлена в России творчеством Л. Гольберга (до первых русских переводов его пьесы появились в России на немецком языке: в 1740 г. их привезла прибывшая в Петербург со своей труппой Каролина Нейбер). Переводились его драматические сочинения («Генрих и Пермилла» (1764), «Превращенный мужик» (1765), «Арабский порошок, или Мнимый Алхимист» (1781), «Гордость и бедность» (1788) и т. д.), басни («Нравоучительные басни» (1761)), сатирическая утопия «Подземное путешествие Нильса Клима» (1762), «Письма» нравоучительного содержания (публиковавшиеся в русских журналах — «Трудолюбивой пчеле» и «Ежемесячных сочинениях»), произведения на исторические темы («История датская» (1765—1766) и «Универсальная история» (1766)), а также сочинения, посвященные знаменитым историческим персонажам: «Письмо барона Гольберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Шведским» (1788), впервые напечатанное в «Ежемесячных сочинениях» (1757, март), «Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей, по примеру Плутархову» (1766), или «История разных героинь и других славных жен» (1767), где, по образцу тех же «Сравнительных жизнеописаний», сопоставлялись Агриппина и Екатерина Медичи, Клеопатра и Анна де Болейн, Мария Стюарт и шведская королева Христина.

Характерно, что в России сочинения Гольберга были известны лучше, чем некоторые французские произведения той же тематики: если «История разных героинь» в России была переведена и издана, то о французском «Портативном историческом словаре знаменитых женщин» (Париж, 1769) Ж. Ф. Лакруа русский читатель знал очень мало. Между тем, в отличие от «Истории разных героинь», в «Исторический словарь» включены статьи о русских правительницах: княгине Анне, «дочери Ярослава или Ладислава» [218], Анне Иоанновне и Екатерине I, про которую

«можно сказать... подобно королеве Елизавете Английской, что Европа относит ее к числу величайших людей» [219].

Тем более в России не знали о существовании тематически близких произведениям Гольберга шведских сочинений. Например, об «Описании жизни пяти замечательных мужей» (Линщепинг, 1788), в котором, правда, рассказывается не о пяти, а о семи мужах: Заратустре, Браме, Чингизхане, Тамерлане, Жижке, Скандербеге («величайшем герое, которого солнце когда-нибудь видело») и Ункаме. При этом «Описание жизни» не было переведено ни на немецкий, ни на французский язык (что также весьма показательно) и поэтому, в отличие от изданного на немецком «Сравнения жития» Гольберга, не переводилось и не издавалось и в России.

По всей видимости, произведениями этого писателя, в глазах русского читателя, была представлена вся скандинавская литература, хотя, как указывалось выше, нравоучительные рассуждения датчанина Гольберга и шведа Ю. Г. Оксеншерны издавались в одних и тех же русских журналах и составляли подборку сочинений скандинавских авторов. Вне всякого сомнения, шведское и датское литературное единство объясняется культурной и географической близостью Швеции и Дании.

Наконец, третья страна, чья литература соотносилась, по мнению авторов и издателей, со шведской, – Турция. Сочинения, «переведенные» с турецкого и шведского языков, могли составлять одно печатное издание, как, например, изданные в 1792 г. «Краткое описание о жалостном раззорении Иерусалима» и «турецкое» сочинение «Ах, какая прекрасная сказка». Как отмечалось выше, в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в., во время русско-шведской и русско-турецкой войн, о Швеции и Турции в России писали много и часто, и, следовательно, книга Зедербана оказывалась в контексте русских переводов шведских и турецких сочинений.

При этом в 1792 г. в России издавались произведения, не имеющие отношения ни к истории, ни к государственному устройству, ни к военной организации недавних противников: по всей видимости, русские издания военных лет вызвали в России интерес к турецкой и (в меньшей степени) шведской литературе.

В том же 1792 г. в «Еженедельнике» (М., 1792) появилась подборка «переводов турецких» стихотворений любовного содержания:

Зюлима! Я с тобой коль скоро ни увижусь,
Вся от меня грусть отойдет;
Но если я с тобой, Зюлима, разлучуся,
Вся грусть назад ко мне придет –
Ах, что бы значило сие?
Зюлима! я тебя люблю [220].
«Изъяснение»

Другое стихотворение, пастораль «Любовь», также названо «переводом с турецкого», но при этом ничего специфически турецкого не содержит:

Все любовию пылает
И во власти все у ней,
Страсть сию свет обожает,
Веселится больше ей.
Пастушок во дни весенни
Со пастушкою сидит
И, забывши дни осенни,
На пастушку лишь глядит [221].

Конечно, сочинения на «восточную» тему проникали в русскую литературу на протяжении всего XVIII в.: один из многочисленных примеров такого рода – помещенная в «Нравоучительные и полезные рассуждения, выбранные из разных авторов с Немецкого и Французского языка» (М., 1761) «Восточная повесть о желаниях» (названная «арабским рукописанием»), однако в данном случае совпадение года издания указанных «переводов с турецкого» и окончания русско-турецкой войны едва ли случайно.

В то же время издание в России в конце 80-х гг. XVIII в. книг, посвященных Швеции, ее королям и героям, появления в русской поэзии стихотворений на «шведскую» тему за собой не повлекло. Первое такое произведение было переведено в России лишь в первой половине XIX в.: «Тор проснулся – млата нет, // Ищет, яростью пылает, // Съесть грозится целый свет // И брадою потрясает, // Но напрасно – млат с небес // Неразгаданно исчез» (фрагмент «Песни о Триме, или Отнятие молота, скандинавская поэма» [222]; это второй, после строфы песни Рагнара, случай поэтического перевода «шведского» стихотворения в России).

В свою очередь в сочинениях шведских авторов XVIII в. о странах, с литературой которых сейчас или раньше была связана русская литература, и о культурном ареале, в который входила или

входит Россия, не говорится ничего. Исключением является книга Э. Кронстранда (Kronstrand) «Известие о греческой, и в особенности русской, церкви» (Упсала, 1767), хотя религиозная близость России и Греции не казалась автору бесспорным фактом: «Русские взяли кое-что от греческой церкви, однако из этого нельзя заключить, что они поэтому ближе к ней, чем Римская» [223].

II. Литературные соответствия

Примеров соответствий в русской и шведской литературе XVIII в. можно найти множество. Они выявляются при сопоставлении этапов литературного развития Швеции и России, жанровой системы русской и шведской классицистической поэзии, творчества некоторых русских и шведских писателей и основных тем (в этом разделе рассматриваются оригинальные и переводные шведские и русские литературные сочинения, появление которых не связано с русско-шведскими политическими взаимоотношениями). Например, в середине XVIII столетия шведские и русские авторы «стремятся сделать нравственное начало первостепенным в человеке» [224], утверждают, что главная задача поэта состоит в прославлении добродетели, и ищут способы исправить соотечественников («Мысли о пользе поэтического искусства» (Стокгольм, 1744) Х. Ш. Норденфлюхт, «Речь о Поэтическом искусстве» (Упсала, 1761) О. Бергклинта (Bergklint), или стихотворения русских поэтов, сотрудничавших с журналом «Полезное увеселение»). Однако примеры подобного рода встречаются в литературе любой европейской страны XVIII в.

Вместе с тем, в литературах Швеции и России наблюдаются типологически близкие явления, сопоставление которых позволяет выявить характерные особенности развития русской и шведской литератур в XVIII в. Например, специфика переводческой деятельности в обеих странах обнаруживается при сравнении репертуара и времени издания произведений древних авторов и европейских писателей Нового времени. Естественно, обзор не претендует на полноту и призван дать общее представление о том, насколько синхронно русская и шведская литературы воспринимали в XVIII в. произведения зарубежных классиков и насколько схож список предназначавшихся для перевода сочинений.

* * *

Переводы произведений некоторых античных писателей издавались в обеих странах достаточно рано и практически одновременно: например, басни Эзопа на национальном языке появились в Швеции в 1608, в России – в 1609 г.

Надо сказать, что история русских и шведских переводов и изданий Эзопа дает богатый материал для сопоставления. Так, и в Швеции, и в России выходили его басни на латинском языке: первое шведское издание Эзопа было латинским («Fabulae Aesopieae centum...». Stockholm, 1583); в начале XVIII в. в Швеции появились «Fabulae Aesopieae» (Skaris, 1713), в России – «Притчи Эсоповы на латинском и русском языке...» (Амстердам, 1700). Правда, причины появления в начале XVIII в. латинских изданий Эзопа в России и в Швеции были различными: русская книга предназначалась, по-видимому, для обучения латинскому языку [225], шведская – представляла собой одно из многочисленных латиноязычных шведских изданий.

В отличие от России, где «латинской образованности не суждено было прижиться ... в полной мере», хотя «в середине 1720-х гг. проявляется интерес к усвоению новолатинской образованности и литературы как своеобразного мостика к классической культуре» [226], в принадлежащей западноевропейской цивилизации Швеции литература на латинском языке была традиционно высоко развита, количество латинских сочинений, издававшихся в XVII в., чрезвычайно велико, а начало XVIII в. принято называть «золотым веком» шведской литературы на латинском языке [227].

По этой причине некоторые сочинения на латинском языке в Швеции, в отличие от России, издавались без перевода на шведский. Так, в Упсале в 1639 г. вышли комментарии Юста Липсия к «I: Cicero, Partitiones oratoriae»; в России же «Книга Юста Липсия, собранная из древних книг историй примеров политических предложений» была переведена Симоном Кохановским в 1712 г., а затем переработана и издана тем же Симоном Кохановским в 1721 г. под названием «Увещания и приклады политические от различных историков Юстом Липсием на латинском языке собранные» [228].

Точно так же первое шведское издание Квинта Курция на латинском языке появилось раньше книги на шведском – в первой половине XVII в. («De rebus gestis Alexandri Magni» (Stockholm, 1638)),

и в дальнейшем переиздавалось, иногда с примечаниями на шведском языке (как, например, в книге 1789 г.).

На шведском языке Квинт Курций был издан в конце XVII столетия («Исторические писания и правдивые рассказы о войне и широко известных деяниях царя Македонии Александра Великого» (Стокгольм, 1682; переиздано в 1695 г.). В свою очередь сменивший чрезвычайно популярную в Древней Руси «Александрию» русский перевод книги Квинта Курция вышел в Петровское время («Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя Македонского». М., 1709), а в 1750 г. появился и был трижды переиздан (в 1767–1768, 1787–1788 и 1793–1794 гг.) новый перевод, выполненный С. Крашенинниковым.

Таким образом, в Швеции переводы произведений античных авторов появлялись после их издания на латыни, а затем, в XVIII в., издавались на обоих языках; в России, как показано в исследовании С. И. Николаева, известные в Древней Руси произведения античных писателей были вновь переведены в Петровскую эпоху, а затем снова переводились и издавались в течение всего XVIII столетия[229].

Кроме того, в отличие от Швеции, где сочинения латинских авторов переводились непосредственно с языка оригинала, в России подчас использовался язык-посредник. Так, в начале XVIII в. в Швеции был издан Овидий: «Овидия Назона жалобы и печальные письма о своем несчастном изгнании» (Стокгольм, 1706) и «Некоторые басни из Метаморфоз Овидия» (Стокгольм, 1708). В России «Метаморфозы» были переведены с польского языка в Петровскую эпоху (правда, напечатаны не были, хотя в том же 1708 г. решался вопрос об издании одного из списков[230]).

И в России, и в Швеции довольно поздно издали Горация (в 1700 г. И. Копиевский подготовил к изданию «Горацыя Флякуса о добродетели, стихами поетыцкими», но книга эта так и не появилась в печати[231]). В России в 1742 г. были переведены А. Кантемиром и в 1744 г. изданы 10 писем I книги «Посланий»; в Швеции переводы отдельных од Горация вышли в 1754 г.[232], а в 1760 г. опубликован перевод XIII оды, выполненный знаменитой шведской поэтессой Х. Ш. Норденфлюхт.

Кантемиром же в 1736 г. был переведен Анакреон, хотя первое издание од этого поэта появилось лишь в 1792 г. (в 1794 г. вышел сборник Н. Львова «Стихотворения Анакреоне Тийского»). В Швеции аналогичные издания также выходили лишь в конце XVIII в.: в 1787 г. стихотворения Анакреона были

изданы вместе с произведениями других греческих авторов, а в том же 1794 г. в Стокгольме вышли «Анакреонтические песни».

В свою очередь издания переводов Вергилия в Швеции появились раньше, чем в России: шведская «Энеида» вышла в 1747–1748 гг., и шведские переводы этой поэмы публиковались на протяжении всей второй половины XVIII столетия (так, например, фрагменты «Энеиды» были переведены Ю. Тенгстремом (Tengstrum) и изданы в «Шведском Парнасе» [233]). В России перевод первой книги этой поэмы Вергилия был издан в 1769 г. (в переводе В. Санковского), полный перевод «Энеиды», выполненный В. Петровым, вышел в 1781–1786 гг. (не полный «Еней» в переводе Петрова появился в 1770 г.).

Шведский перевод «Амура и Психеи» Апулея вышел в Упсале уже в 1666 г. В конце 1680-х гг. в Швеции была поставлена «Психея» – перевод оперы Фонтенелля-Люли (Fontenellia-Lully), представленной при французском дворе в 1678 г. (*Johannesson K.* I polstjämans tecken. Studier i svensk barock. Uppsala, 1968. S. 111). Русский перевод лафонтеновской переработки этого сюжета был издан Ф. И. Дмитриевым-Мамоновым в 1769 г., через 100 лет после французского оригинала. «Луция Апулея платонической секты философа Превращения, или Золотой осел» в переводе Е. Кострова был издан в 1780–1781 гг. В 1707 и 1708 гг. в Швеции выходили латинские тексты Цицерона, и лишь в 1737 г. в Стокгольме издано собрание его эпистол на шведском языке; в России перевод эпистол Цицерона, «Епистолии Цыцерона», был сделан в первой трети XVIII в., но и эта книга не была издана и не сохранилась [234].

На рубеже XVII–XVIII вв. в Швеции и в России переводились труды испанского дипломата Диего де Сааведры Фахардо (1584–1648), правда, в обеих странах предпочтение отдавалось разным его сочинениям: Феофан Прокопович около 1710 г. перевел «Изображение христианополитического властелина» (первый русский перевод этого сочинения был выполнен в XVII в. и получил название «Дидако Сааверра Фаскарду, образец хрестьянского политицкого князя. Сто один пример. Хорошие сиречь добрые симбальские наречия» (*Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 221), Й. Г. Спарвенфельд в 1699 г. – «Corona Gothica». Русский перевод являлся «наставлением и руководством для правителя с обоснованием идей просвещенного абсолютизма» [235], шведский – рассказом о «западноготских королях» Испании. Появление перевода Спарвенфельда мотивировано тем, что в

Швеции в XVII–XVIII вв. Испанию воспринимали не только как главного католического врага лютеранской веры, но и как страну близкородственных готов[236]. Не случайно наряду со статьями об испанских королях в этом переводе содержатся «заметки о Скандии и... Скандинавии», а представленный в конце книги список последовательно сменявших друг друга готских монархов начинается с Теодориха и заканчивается Карлом XII.

Содержащиеся в «Corona Gothica» сведения о славянах почерпнуты Сааведрой из книги Мауро Орбини «Il regno de gli Slavi hoggi corrottamente detti Schiavoni» (Pesaro, 1601), переведенной в России в 1722 г. Саввой Владиславичем-Рагузинским под названием «Книга историография начатия имене, славы и разширения народа славенского»[237] и на шведский язык никогда не переводившейся.

В XVIII в. в Швеции и в России появлялись переводы знаменитых европейских политических романов: «Телемаха» Фенелона и «Аргениды» Барклая. Шведский перевод «Телемаха» был издан в 1721 г., в России же «Телемах» был переведен в 1724 г., но издан лишь в 1747 г.; «Аргенида» в Швеции вышла в 1740 г., в России – в 1751 г. (хотя сделавший этот перевод Тредиаковский впервые перевел роман Барклая в 1725 г.).

Оказавший огромное влияние на развитие русской литературы (и русского общества) роман П. Тальмана «Езда в остров любви» (переведенный Тредиаковским и изданный в России в 1730 г.) появился в Швеции лишь в 1754 г. и был включен, в частности, в конволют, составленный из различных «путешествий»: «Путешествия к острову блаженных» (Карлскрона, 1775) Даниеля Омесиуса и «Путешествия к другим мирам» (Стокгольм, 1785) (сюда же входит «Переписка между китайцем в Лондоне и восточными друзьями» (Гётеборг, 1786) О. Голдсмита). В предисловии к шведскому изданию роман Тальмана назван бесподобным, занимавшим свое место в библиотеке кардинала Ришелье[238], сочинения которого в Швеции не переводились и были известны только в изданиях на французском языке. В свою очередь в России «Политическое завещание» Ришелье было переведено в 1725 г., и его новый перевод появился в 1767 г.[239]

Зато «Поэтическое искусство» Буало на шведском языке появилось значительно раньше, чем на русском: в Швеции – в 1721 г., в России – в 1752 г. (в переводе В. К. Тредиаковского).

Сочинения Вольтера в Швеции издавались раньше, чем в России. Его первыми изданными в Швеции драматическими произведениями были пьесы «Брут» (1739 г.) и «Утраченный сын»

(1750 г.), в России – комедия «Нескромной» (1761 г.; «Брут» был напечатан лишь в 1783 г.).

В 1745 г. в Стокгольме отдельным изданием вышло «Философское письмо славного господина Вольтера» (изданное во Франции в 1734 г.), в 1760 г. в Гётеборге – «Ода м. Вольтера на войну». В России же переводы прозаических произведений Вольтера появились в журналах второй половины 1750-х гг., «Ежемесячных сочинениях» и «Трудолюбивой пчеле»[240]. Особый интерес в Швеции вызывали сочинения Вольтера, посвященные Карлу XII и российской истории начала XVIII в.: «Жизнь Карла XII» издана в Стокгольме в 1733 г. (правда, на немецком языке; русское издание этой книги появилось только в 1803 г.), «История Русской империи в царствование Петра Великого» – в Стокгольме в 1767 г. (в том же году русский перевод этого сочинения был представлен Ф. Эминым в академическую типографию, но издан не был[241]; русский текст был опубликован лишь в 1809 г.).

Зато русский перевод «Юлии, или Новой Элоизы» (точнее, первой части) Ж.-Ж. Руссо вышел в России в 1769 г., вскоре после ее появления во Франции в 1761 г.; на шведском языке это произведение не издавалось, хотя, повторим, среди русских повестей в Швеции предпочтение отдавалось именно «Юлии» Карамзина, а восприятие Руссо в Швеции является предметом изучения современных шведских ученых (эта тема поднимается в прочитанном в Упсальском университете докладе М. Х. Скунке «Ж.-Ж. Руссо в глазах шведов в 1760-х гг.»). Большая часть шведских переводов Руссо была опубликована в начале XIX в.

Знаменитый роман Мармонтеля «Велизарий» (1767) в России переводился при непосредственном участии Екатерины и был издан в 1768 г., в Швеции значительно позднее – в 1786 г. При этом в возникшем из-за «Велизария» конфликте между теологическим факультетом Сорбонны и архиепископом Парижским, с одной стороны, и Мармонтелем, с другой, и Екатерина II, и кронпринц Густав (будущий шведский король Густав III) безоговорочно встали на сторону Мармонтеля и о своей поддержке заявляли в адресованных ему письмах[242].

В России в XVIII в. были хорошо знакомы с творчеством Мильтона: «Потерянный рай» переводился А. Г. Строгановым в 1745 г., В. Петровым (издан в 1777 г.), А. Серебренниковым в 1780 г. и Ф. Загорским в 1795 г., «Возвращенный рай» – И. Грешищевым (издан в 1778 г.). В свою очередь шведские издания переводов произведений Мильтона появились лишь в XIX в. («Потерянный рай»

вышел в Стокгольме в 1815 г.). В обеих странах выходили переводы французских переделок трагедий Шекспира: характерный пример – имеющий мало общего с английским оригиналом, переведенный с французского на русский А. П. Сумароковым и изданный в 1748 г. «Гамлет». Кроме того, в России в 1787 г. были изданы «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинского» (в Петербурге) и «Юлий Цезарь» (в Москве). В Швеции сочинения, представленные как переводы шекспировских трагедий и получившие название оригинала, появились лишь в XIX в. (например, «свободный перевод» «Гамлета» был издан лишь в 1819 г.).

Зато издания Свифта выходили в Швеции уже в начале XVIII столетия («Wundersahmes Prognosticon oder Prophozeyung, was in diasem». Stockholm, 1708), его книги на шведском языке начали появляться значительно позднее. Перевод «Путешествия Гулливера» в Швеции был издан в 1744, в России – в 1772–1773 гг. Перевод «Робинзона Крузо» Д. Дефо в Швеции вышел в 1739 г. (и переиздан в 1772 г.), в России – в 1762 г. (1-я часть) и в 1764 г. (2я часть). «История Тома Джонса» Г. Филдинга в России была переведена чуть позднее, чем в Швеции: в 1765 г. в Швеции (в Вестеросе) и в 1770 – в России; зато «Путешествие в другой свет» издано в России в 1766, а в Швеции – в 1785 г.

Достаточно часто в обеих странах издавались произведения А. Поупа: «Эпистола от Элоизы к Абелляру» и в Швеции, и в России вышла в 1765 г., «Опыт о человеке» в России – в 1757 г., в Швеции – в 1765 г., при этом в 1799 г. «Опыт» был издан в Упсале на английском языке. В свою очередь в России в 1761 г. в переводе Хераскова появился не выходивший в Швеции «Храм славы», а в 1749 г. Ив. Шишкиным выполнен перевод «Похищенного локона» («Букля власов похищенных»).

В Швеции роман М. Сервантеса «Дон Кихот» был известен уже в середине XVII в. [243], однако его шведский перевод был издан лишь в начале XIX в. В свою очередь в России с романом Сервантеса познакомились в 1720-х гг. [244], а русский перевод (правда, с французского) «Дон Кихота» был издан в 1769 г. («История о славном ла-манхском рыцаре Дон Кишоте»).

Первым изданным в Швеции произведением И. В. Гёте было «Страдания Вертера» (Стокгольм, 1783; в 1796 г. появилось уже четвертое издание). В России «Страсти молодого Вертера» выходили (в переводе Ф. Галченкова) в 1781, 1794 и 1796 гг., а в 1801 г. был напечатан «Русский Вертер» М. Сушкова [245], однако

первым сочинением Гёте, изданным в России, была трагедия «Клавиго» (СПб., 1780).

Кроме того, и в Швеции, и в России переводились и издавались одни и те же знаменитые стихотворения европейских авторов: так, сонет Ж. де Барро «Tes jugement, Grand Dieu, sont remplis d'équité» был переведен А. П. Сумароковым и В. К. Тредиаковским (полагавшим, что «оный Сонет толь преизрядно на Французском сочинен языке, что насилу могут ли ему подобные найтися»[246]) в России, О. Далином и С. Триевальдом – в Швеции. Притом что уже в конце XVII в. некоторые шведские авторы, например Байер (J. G. von Beijer, 1645–1705), подражали французским поэтам классицистам.

Сочинения французской, английской или немецкой литературы были равноудалены от шведской и русской литератур, в то время как пьесы датчанина Гольберга были, конечно, ближе к шведской литературе, и его произведения не нуждались в переводе с датского на шведский. Так, на титульном листе шведского издания комедии «Политическая болтовня» (Стокгольм, 1729) указано, что она «на датском языке представлена и сейчас для удобства переведена с датского на шведский». При этом на шведский язык переводились комедии Гольберга, в России никогда не появившиеся.

На русском языке первые сочинения Гольберга появились лишь в 50х – начале 60-х гг., значительно позднее, чем в Швеции. Так, комедия, известная в России под названием «Превращенный мужик» (а в Швеции – «Еппе Нильссон на горе, или Превращенный мужик»), в России была переведена в 1765 г., а в Швеции – в 1735 г. и, судя по количеству изданий, была чрезвычайно популярна. Известное «Подземное путешествие Нильса Клима» в России издано в 1762 г., в Швеции – в 1746 г.

Кроме того, в сборниках поэтических сочинений Х. Ш. Норденфлюхт и С. Триевальда встречаются переводы анонимных датских произведений, а в 1790 г. в Линщепинге вышел «Опыт перевода датской песни о победе Густава III у Свенскзунда». В свою очередь в России XVII в. большинство переведенных сочинений имело польское происхождение, и в начале XVIII в., несмотря на культурную переориентацию России, русско-польские литературные связи сохранились, и произведения польских авторов продолжали появляться[217].

Среди наиболее авторитетных европейских писателей, называвшихся в шведских и русских теоретических и историко-литературных работах, отсутствуют, соответственно, русские и

шведские авторы. Литература соседнего государства уважением не пользовалась, а ее представители были известны мало. Отечественные же поэты оказывались в одном ряду с авторами образцовых произведений того или иного жанра, но, как правило, замыкали список (как, например, Кантемир в России или Норденфлюхт – в Швеции).

* * *

В Швеции и в России в XVIII в. появлялись авторы, признанные равновеликими величайшим античным и европейским (в первую очередь французским) писателям и получившие у себя на родине (а иногда и в Европе) имя русского или шведского Анакреона, Горация, Малерба, Расина или Буало. Иногда шведские и русские авторы претендовали на роль не только национального, но и «северного» классика: А. П. Сумароков в России получил имя «северного Расина», Ю. Т. Оксеншерна в Европе – «северного Монтеня». Очевидное для соотечественников и зарубежных почитателей сходство русских и шведских поэтов XVIII в. с одними и теми же античными или европейскими классиками позволяет сопоставить творчество отдельных русских и шведских авторов на основании их одинакового статуса в истории национальной поэзии и, таким образом, выявить особенности развития шведской и русской литератур в XVIII в.

В Швеции русских и шведских поэтов начали сопоставлять уже в XIX в.: так, в «Заметках о России» (Стокгольм, 1838), пересказанных в России в 1842 г., замечено сходство М. В. Ломоносова с Г. Шернъельмом (1598–1672). По мнению анонимного шведского автора, как и Ломоносов, Шернъельм был в большей степени ученым, нежели поэтом, долго не писал стихов, не являлся первоклассным автором, преобразовал литературный язык, ввел «новые размеры в Шведскую пиитику» и именно с него начинается национальная поэзия [248].

Последнее наблюдение подтверждается шведскими и русскими текстами XVIII в., в которых Шернъельм и Ломоносов уподоблялись первому «правильному» поэту Франции – Малербу. Так, в статье «Георг Шернъельм, шведский ученый и первый поэт» говорится: «Чем был Малерб во Франции, тем же был Шернъельм в Швеции». Малерб же, как следует из приведенной в сноске цитаты из «Поэтического искусства» Буало, «был первым во Франции, кто ввел в стих правильный ритм». Следовательно, «в этом отношении был Шернъельм шведским Малербом» [249]. Точно так же в России

Ломоносов был признан создателем русской поэзии, стихотворцем, равноценным и равновеликим Малербу, по крайней мере, так исследователи русской литературы XVIII в. интерпретируют известную строку из эпистолы «О стихотворстве» А. П. Сумарокова: «Он наших стран Мальгерб, // Он Пиндару подобен»[250] (Ломоносов «оттеснил прошлое в забвение (силлабики – Плеяде)»[251]; «В своем “Поэтическом искусстве” Буало приписывает Малербу введение первой приемлемой современной модели высокой пиндарической оды, роль Малерба в русском контексте Сумароков отводил Ломоносову (в “Эпистоле о стихотворстве”)»[252]. Точно так же в «Письме к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова» Ф. Карина о великих французских и русских поэтах сказано: «Давно [во Франции. – *М. Л.*] читали Пиндара; однако чрез сколько лет открылся там Мальгерб, здесь Ломоносов, в коем мы видим сверх того и Цицерона»[253].

В то же время, кроме «шведского Малерба» XVII в., существовал «шведский Малерб» XVIII в. – О. Далин. В «Шведской библиотеке» Катто-Каллевиля о Далине сказано: «Il falloit un Malherbe, qui réduisit la Muse Suèduise aux regles des devoir»[254] (напомним, что в книгах Катто-Каллевиля сравнение шведских и французских поэтов свидетельствовало об отставании шведской поэзии, однако в отношении Далина это сопоставление, вне всякого сомнения, являлось комплиментарным), и, как отмечалось выше, именно Далин, а не Шернъельм признавался Катто-Каллевилем создателем новой шведской поэзии. Это мнение разделяли и некоторые шведские авторы XVIII в., например А. Сальштедт (о его работе – ниже), по мнению которого, Шернъельм был первым, но несовершенным поэтом, Далин же – первым великим шведским стихотворцем. Правда, другие шведские авторы в подробности не вдавались и видели в Шернъельме и Далине двух равновеликих гениев (так они представлены, например, в «Речи о Поэтическом искусстве» О. Бергклинта)[255].

В России же родоначальником национальной поэзии назывался только Ломоносов, и никаких сомнений на этот счет не возникало. При этом вопрос о русском авторе, равноценном Шернъельму, в России ставился и ставится сейчас. Так, русский переводчик шведской статьи XIX в. на сопоставлении Ломоносова с Шернъельмом останавливался отдельно и считал его правомерным и справедливым: «В очерке истории русского языка и русской литературы автор справедливо замечает, что в Ломоносове много сходства с Шведским поэтом Шернъелмом»[256]. Современные исследователи

называют Шернъельма «шведским Тредиаковским»[257]. С Далином же Ломоносова не сопоставляли ни в Швеции, ни в России, хотя оба эти автора воспринимались современниками как великие стихотворцы, прославившие национальную поэзию и ставшие, подобно Малербу, образцом для последующих одописцев[258].

* * *

Другой французский классик, имя которого наследовали некоторые европейские поэты XVIII в., – Н. Буало. «Немецким Буало» был признан Каниц (Canitz), «русским Буало» – А. П. Сумароков (1717–1777), «шведским Буало» – С. Триевальд (1688–1742). В отличие от Сумарокова, написавшего по образцу «Поэтического искусства» эпистолу «О стихотворстве» и считавшего себя «законодателем Парнаса», Триевальд следовал за Буало – автором сатир: ему принадлежат как переводы стихотворений Депрео, так и оригинальные сочинения этого жанра, содержащие многочисленные заимствования из сатир и «Поэтического искусства» Буало. При этом, по мнению позднейших шведских исследователей, роль Триевальда в формировании новой шведской поэзии огромна: «... шведский Буало обозначил переход от поэзии барокко к поэзии, ориентированной на французский классицизм»; следуя за Буало, Триевальд прививал читательской публике «французский классицистический вкус»[259]; правда, сам он «новой литературной программе соответствовал далеко не всегда»[260], поскольку в начале XVIII в. Триевальд «не мог найти в нашей земле опоры для французского классицистического вкуса, вдобавок он был небольшой поэт, и его восприятие Буало было односторонним»[261].

В XVIII в. в Триевальде видели поэта-сатирика и сопоставляли его с Буало на этом основании: в антологии шведской поэзии XVII – начала XVIII в., «Опыте к улучшению шведского поэтического искусства» (Стокгольм, 1737–1738) К. Карлсонна, о Триевальде сказано, что «Шведский поэт имеет право изобразить и резко уязвить наших поэтов-мучеников, как это делал Буало во Франции»[262] (естественно, в этом сборнике творчество Триевальда представлено сатирами, а его наиболее известные произведения этого жанра называются: «Против наших глупых поэтов» и «О тех, которые воображают себя поэтами»); «Самуэль Триевальд, шведский Буало» озаглавлена заметка в журнале «Шведский Парнас», и в ней он объявлялся поэтом-сатириком, следовавшим по пути Буало[263].

Сумароков в своей эпистоле «О стихотворстве» русским последователем Буало-сатирика объявлял Кантемира («Преславного Депро прекрасная сатира // Подвигла в Севере разумна Кантемира // Последовать ему и страсти осуждать»), хотя, по наблюдению Й. Клейна, «если сумароковская эпистола "О стихотворстве" чем-нибудь и привлекала русского читателя XVIII в., то не своей теоретической оригинальностью или изяществом своего стиля, а своим сатирическим темпераментом» [264], и для автора посвященной Сумарокову панегирической эпистолы И. П. Елагина сам он – «как автор эпистолы "О стихотворстве", – прежде всего сатирик, достойно продолживший традицию стихотворных сатир Буало» [265]. Таким образом, и в Швеции, и в России XVIII в. национальным Буало назывался автор сатир или стихотворений, относящихся, по мнению современников поэта, к числу произведений этого жанра и направленных в первую очередь против бездарных стихотворцев (по словам того же исследователя, русской аудиторией «эпистола Сумарокова воспринимается как литературная сатира, острие которой направлено против ошибок («пороков») или нарушений поэтами классицистических правил» [266]).

* * *

Кроме знаменитых французских поэтов, национальные шведские и русские авторы сопоставлялись с античными классиками, например с Анакреоном (хотя, конечно, не только: в «Собрании писем различных творцов, древних и новых» (СПб., б. г.) М. Н. Муравьева помещена переписка Горация и Кантемира, в «Речи о Поэтическом искусстве» (Упсала, 1761) О. Бергклинта Шернъельм сопоставляется с Вергилием и Овидием [267].

«Шведским Анакреоном» в Швеции был признан К. М. Бельман [268]: как следует из предисловия к изданию его «Эпистол Фредмана» (Стокгольм, 1790), написанного Чельгреном (Kdlgren), «эту работу первоначально предполагалось издать под общепринятым именем Шведского Анакреона, именем, которое уже давно присуждено этому Писателю... оба эти поэта пели об одном и том же: о Вине и о Любви, оба пели превосходно... они рисовали похожие полотна и были вдохновлены одним Духом» [269].

В России же «русским Анакреоном», причем единственным во всем Севере, был объявлен Г. Р. Державин. В статье «О Державине» (1816) П. А. Вяземский, подобно Чельгрену, отмечал сходство дарований античного и современного поэтов: «Читая Державина и

Анакреона, вы скажете, конечно: их души были сродны. Державин при дворе роскошного Иппарха говорил бы языком Мудреца Феоского, если бы Анакреон родился на берегах Невы, то употребил бы все краски Державина для составления сих малых картин, дышащих сладострастием и негой»[270].

Правда, сам Чельгрен, в отличие от прочих шведских авторов, видел в Бельмане скорее Пиндара, чем Анакреона («один — нежный, сладостный, пленительный, тонкий, другой — бурный, поразительный, богатый, больше Пиндар, чем Анакреон»), а традиционное уподобление Бельмана Анакреону дало Чельгрену основание усомниться в самой возможности и необходимости искать прототипы гениальных современных поэтов: «Каждый истинный Гений должен владеть своей собственной самобытной формой, а ни чьей-нибудь еще... Мы обнаружим, что величайшей похвалой для каждого превосходного Писателя, для Бельмана, как и для Анакреона, было то, что один был Анакреоном, другой — Бельманом».

* * *

Материал для сопоставления шведской и русской литератур XVIII в. дают произведения, созданные примерно в одно и то же время и посвященные общей теме — внутренним проблемам национальной поэзии. Тематическое сходство таких сочинений невозможно объяснить ни политическими событиями, ни особенностью литературного развития европейских стран. В середине — второй половине 30-х гг. XVIII в. и в русской, и в шведской поэзии подводились итоги развития отечественного стихотворства и планировалось его будущее, хотя причины, побудившие русских и шведских поэтов обратиться к этой теме, и выводы, к которым они приходили, были принципиально различными.

Такими стихотворениями являются русская «Эпистола от российской поэзии к Аполлину» В. К. Тредиаковского и шведское «Письмо к автору “Шведского усердия”» Аримаспуса. Под этим псевдонимом скрывается А. М. Сальштедт (Sahlstedt), автор словарей и грамматик, многочисленных работ по эстетике и критических разборов (поэт и философ П. Д. Аттербум (1790–1855) отмечал, что рецензирование Сальштедт выбрал в качестве своего основного занятия), а также книг, посвященных самым разным темам, в том числе учреждению организации, ведающей распределением средств для сирот и выделяющей деньги на приданое выходящим замуж воспитанницам.

В Швеции Сальштедт издавался достаточно много: в 40-х гг. вышла его «Consolacia philosophia» (1744) и «Опыт шведской грамматики» (1747), в 50-х – «Замечания о шведском языке» (1753), «Характер, или Картина человеческих нравов» (1754), «Ответ на письмо на смешанные темы» (1754), «О мыслях в произведениях художественной литературы. Разговор» (1756), «Сага о петухе» (1758) и «Критика “Саги о петухе”» (1759), а также «Искусство аллегории с собранием аллегорий и их толкованием» (1758), в 60-х – «Латинский и шведский глоссарий» (1765), «Поминовение королевского интенданта Й. Х. Романа» (1767), «Беседы и басни для обучения детей латинскому языку» (1765), «Критические собрания» (1759–1765) и многочисленные работы, посвященные оптовой и розничной торговле в Швеции, в 70-х – «Письмо об употреблении и злоупотреблении правом свободы творчества» (1770), «Размышление об улучшении шведской книги псалмов» (1771), «Шведский словарь с латинским толкованием» (1773), «Литературная гениальность, в коротком сочинении рассмотренная Амазантусом» (1775) и «Шведский словарь» (1773), в том же 1773 г. посланный Сальштедтом в подарок Екатерине II [271]. Надо сказать, что в России Сальштедт был известен не только как автор словаря: его «Шведская грамматика, по нынешнему оного языка произношению сочиненная» (СПб., 1773) входила в число издававшихся пособий по шведскому языку (во второй половине XVIII – начале XIX в. в России вышли «Новое наставление к шведскому чтению и собрание слов» (СПб., 1770) и «Краткая шведская грамматика с приобщением краткого словаря употребительнейших в общежитии изречений, разговоров, пословиц и нескольких анекдотов» (СПб., 1813) Я. К. Лангена) [272].

Кроме того, в Швеции были изданы немецкий и французский переводы его грамматики: «Schwedische Grammatika» (Uppsala, 1760) и «Grammaire suédoise contenant» (Stockholm, 1769).

Как автор литературных произведений Сальштедт известен значительно меньше: в 1750 г. вышла его пастораль «Мелицерта», а в 1738 интересующее нас стихотворное «Письмо к автору “Шведского усердия”».

Издание «Письма» связано с первой в истории шведской литературы публичной полемикой. Стихотворение Аримаспуса-Сальштедта стало ответом на опубликованное в журнале О. Цельсиуса (1716–1794) «Шведское усердие» («Thet svenska nitet», 1738) его же стихотворение, посвященное старинным и современным шведским поэтам. Давая характеритику их творче-

ству, Цельсиус критиковал Колмодина (Kolmodin) и Лита (Lithou, последний был назван плагиатором) и не достаточно уважительно отзывался о почитавшемся в Швеции Ю. Руниусе[273].

Об отношении в Швеции к Руниусу говорит изданное в 1742 г. в Стокгольме стихотворение Х. Кнеппеля (Knuppel) «Разговор в царстве мертвых между умершим генерал-адъютантом высокородным господином Г. Б. Пансо и старинным знаменитым поэтом господином Ю. Руниусом». На вопрос Руниуса, известно ли его имя после смерти, Пансо отвечает: «Ваша слава, полагаю, едва ли умрет благодаря вашему остроумию»[274]. Правда, это стихотворение современниками было расценено как нелепость, и в том же 1742 г. в Стокгольме же вышла «Критика "Разговора в царстве мертвых между генерал-адъютантом Пансо и поэтом Руниусом"», однако величие Руниуса в этом поэтическом ответе под сомнение не ставилось[275].

В вошедшем в сборник Е. А. Виндаля (Windal) «Опыт скромного стихотворца» (Фалун, 1788) стихотворении «Его Королевскому Величеству» говорится, в частности, о предполагаемой деятельности старинных поэтов в Новое время («Аполлон в наше время наверняка был бы нанят»), и здесь упоминаются «отец шведских поэтов» Шернъельм и Руниус[276] (а не Шернъельм и Далин, как в «Речи о Поэтическом искусстве» (1761) О. Бергклинта).

Надо сказать, что оба полемиста были начинающими поэтами: для Сальштедта это был первый литературный опыт, Цельсиус к 1738 году издал лишь трагедию «Ингеборд» (1737; сюжет которой он заимствовал из «Hervarar saga») и стихотворную сатиру на женщин (1738). Отсюда – чрезвычайно эмоциональный и несдержанный тон полемики (неслучайно дальнейшие издания подобного рода писем были запрещены).

В стихотворениях Сальштедта и Тредиаковского, созданных примерно в одно время (русское – в 1735 г., шведское – в 1738 г.), имеющих эпистолярную форму и связанных с общей культурной традицией (оба автора апеллируют к Аполлону и упоминают «девять парнасских сестер»), содержатся рассуждения о прошлом и настоящем национальной поэзии. Правда, тематическое сходство лишь подчеркивает принципиальное отличие в восприятии поэтами истории отечественной поэзии: Тредиаковский признает существование русской стихотворной традиции, но отказывается видеть в старом русском стихотворстве поэзию, а в русских силлабиках – достойных упоминания поэтов; Аримаспус говорит об истории великой шведской поэзии; в «Письме» упоминаются Шернъельм, Колумбус, Луцидор, Лагерлеф, фру Бреннер,

Дальшерна и Руниус: «Вполне уверен я, что Шернъельм знаменит по заслугам... Вполне уверен я, что Луцидор шел прямо до конца, // Я уверен, что Лагерлеф шел прямо дорогой чести» — и далее, что раньше поэзия была «ясна и чиста»[277].

Правда, знаменитые шведские поэты XVII в. перечислялись в стихотворениях, созданных значительно раньше «Письма» Аримаспуса. Так, в известной сатире Триевальда «О тех, кто воображает себя нашими поэтами» (1708) называются «Шернъельм, Лагерлеф, Колумбус и Камен, // Вервинг, Луцидор, Шпегель и Руден. // Аурелиус и большинство из твоих верных друзей, // Среди которых прежде всех должна стоять наша Северная Сафо Бреннер»[278]. А в изданном вскоре после стихотворения Сальштедта панегирике Ульрике Элеоноре «Железное время превращается в золотое время» (Упсала, 1739) А. Хесселиуса-американца (Hesselius-americanus) упоминаются Гюлленборг, Лагерлеф, Камен, Шернъельм, Руниус, Колумбус и Руден[279].

Тема, затронутая Сальштедтом в этом стихотворении, привлекала его внимание и в дальнейшем. Ему же принадлежит подготовка издания «Собрания шведских стихотворений» (Стокгольм, 1751—1753), в которое, в частности, вошли произведения, тематически близкие «Письму» Аримаспуса: открывающее книгу стихотворение «Порода гениев в Швеции» Т. Рудена (Ruden; возможно, оказавшее в свое время определенное влияние на творчество Сальштедта), «Значение поэзии и поэтов в Швеции» Ю. Халлмана (Hallman) и «Скальд говорит своим стихам» Г. Палмфельта (G. Palmfelt).

В сопровождающей антологию статье «О шведской поэзии и этом поэтическом собрании» Сальштедт представляет краткую историю шведской поэзии: «в древнейшие времена поэтическое, или скальдическое искусство было в обыкновении в Швеции»[280], далее следует обзор творчества шведских поэтов, начиная с Шернъельма и заканчивая Далином, и указываются причины, побудившие автора включать или не включать их сочинения в антологию. Кроме комплиментов некоторым поэтам (Дальшерна имел прекрасный поэтический стиль; Шпегель хоть и находился под влиянием Мильтона, но был рожден поэтом; если София Бреннер и умрет, ее имя будет жить в памяти» и т. п.), в послесловии встречаются и критические отзывы о сочинениях шведских поэтов (Шернъельм, например, не отошел от латинской традиции, а некоторые его стихотворения «слабы и натянуты»[281]). При этом книга Сальштедта — не первая антология шведской поэзии: примерно в одно время с выходом «Письма шведским авторам» в Швеции был

издан упоминавшийся четырехтомник К. Карлссона «Опыт к улучшению шведского поэтического искусства», призванный дать современным поэтам примеры для подражания[282].

В России в первой половине XVIII в. появление подобных списков знаменитых национальных стихотворцев было невозможно: в «Новом и кратком способе» В. К. Тредиаковский упоминает одного А. Д. Кантемира, а включенный во вторую эпистолу А. П. Сумарокова фрагмент о Феофане Прокоповиче и том же Кантемире в окончательный текст не вошел (возможно, потому, что «там оба писателя получают низкую оценку как поэты: Кантемир "стремился на Парнас, но не было успеха... // Был Пегас под ним ленив"; и Прокопович, хотя и был "красой словенского народа, // Что в красноречии касалось до него", "достойного в стихах не сделал ничего". В самом деле, зачем называть этих единственных отечественных писателей (кроме Ломоносова, имя которого он добавил), чтобы им посвятить такую похвалу»[283]). Лишь «в 1755 году, в очерке истории русской поэзии Тредиаковский подробно опишет доклассическую эпоху, с почтением упомянув Симеона Полоцкого и его переложения псалмов»[284], а начиная с 70-х гг. XVIII столетия словари отечественных писателей начали выходить не только в Швеции, но и в России («Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова и «Опыт биографического словаря известных и ученых шведов» (1778–1787) Г. Гезелиуса (G. Gezelius)).

Конечно, о знакомстве Тредиаковского и Сальштедта с поэтическим творчеством друг друга говорить не приходится: Тредиаковский шведской поэзией не интересовался, в свою очередь в Швеции долгое время ничего не знали о Тредиаковском (в шведских сочинениях первой половины XVIII в. его имя не встречается ни разу). Только в 70-е гг. XVIII в. шведский читатель «Рассуждения о российском стихотворстве» М. М. Хераскова мог узнать, что «Кантемир и г. Тредиаковский исправили в некотором роде свое стихосложение, но в нем не наблюдается ни смешения стихов мужских и женских, ни полустишия, ни истинная гармония, а в иных случаях им не достает надобного числа стоп. Сии два пиита писали стихами хореическими, но род сей не был еще приведен в совершенство; впоследствии г. Тредиаковский писал подлинными хореями, и иамбами, и дактилями»[285].

* * *

Сопоставление стихотворений Тредиаковского и Сальштедта дает основание обратиться к некоторым проблемам литературной теории. Так, жанровое обозначение этих стихотворений позволяет сравнить шведскую и русскую жанровую поэтическую эпистолярную систему XVIII в.

В русской поэзии 30–80-х гг. XVIII в. встречаются произведения, названные эпистолами и стихотворными письмами. При этом в русской эпистолярной поэтической системе эти жанровые разновидности имели отдельный статус и четко различались. Не случайно манифест русского классицизма имеет название «Эпистола о стихотворстве», и в ней А. П. Сумароков упоминает только эпистолу; в то же время в поэтическом творчестве того же Сумарокова встречаются стихотворные письма, адресованные, как правило, частным лицам 286. Стихотворение Тредиаковского, представляющее собой декларативное обращение от лица Русской поэзии к Аполлону, являлось эпистолой, а не письмом. В свою очередь, с точки зрения русской теории, полемическое письмо Аримаспуса, адресованное издателю журнала, являлось письмом, а не эпистолой.

В шведских теоретических работах XVIII в. эпистолярная поэзия представлена, как правило, письмом в стихах и, отчасти, героидой (некоторые шведские поэты прославились как авторы произведений этого жанра; так, в «Истории скандинавской литературы Ф. В. Горна о Х. Лейонкроне сказано, что «самым значительным его произведением является “Переписка между Габором и Сигниллой”» 287).

Поэтому, с точки зрения шведской эпистолярной системы, стихотворение Сальштедта имело единственно возможное для него название: среди шведских эпистолярных стихотворений, выходивших отдельным изданием, встречаются, как правило, только стихотворные письма – «Письмо юного господина к папе» (январь, 1704) Ю. Руниуса, «Стихотворное письмо к юному господину» (Стокгольм, 1770) О. Бергклинта (Bergklint), «Судьба Зелинды, или Письмо к графу ** С–м» (Стокгольм, 1780), «Стихотворное письмо от отца к дочери» (Стокгольм, 1786) Лейонхювюда (Lejonhufvud), «Стихотворное письмо горожанам Стокгольма» (Стокгольм, 1790) Д. Бьерна (Björn), «Стихотворное письмо к Шведскому кронпринцу Густаву Адольфу на его 13летие» (Стокгольм, 1792) Розенгейма (Rosenheim), «Стихотворное пись-

мо тем, которые стремятся обессмертить свое имя» (Норрщепинг, 1793) Н. Сунделиуса (Sundelius).

В Швеции жанровое наименование «эпистола» было связано, в первую очередь, с апостольскими посланиями или с сочинениями, посвященными церковно-догматическим темам; к стихотворным произведениям это обозначение было неприменимо. В России же послания апостолов эпистолами назывались крайне редко, и достаточно долгое время существовало четкое разделение наименований эпистолярных произведений: апостольские тексты назывались посланиями, стихотворные сочинения – эпистолами и письмами 288.

Нарушение правил наименования эпистолярного произведения влекло за собой появление «кощунственных» сочинений. Так, в «Послании к слугам моим: Шумилову, Ваньке и Петрушке» (М., 1769) Д. И. Фонвизина и в «Эпистолах Фредмана» (Стокгольм, 1790) К. М. Бельмана, названных шведскими исследователями «пародией на Библию» 289, таким образом вводится апостольская тема: в русских теоретических трудах XVIII в. «послания» всегда связывались с именем апостола Павла 290, в эпистолах Бельмана говорится о «водочных апостолах», адресатами его стихотворений являются «дражайшие братья, сестры» (правда, иногда еще и друзья), а одна из эпистол имеет характерную пародийную концовку: «Дражайшие братья и сестры! Вы будете удостоены этой эпистолы. Да, аминь. Тру-рунт» 291.

В отличие от русской поэзии, где эпистола относилась скорее к числу средних жанров, в шведской поэзии письмо была жанром низким и даже маргинальным. Так, в помещенном в журнале «Шведский Парнас» (1784) работе С. Хофа (1703–1786) «Шведском поэтическом искусстве» стихотворное письмо не принадлежит ни лирической, ни эпической, ни драматической, ни догматической поэзии. Если другие поэтические жанры, не вошедшие ни в одну из указанных групп, описывались в отдельной главе (как, например, мадригал, сонет, рондо, эпиграмма, эклога и идиллия), то письмо рассматривалось изолированно и череду разделов, посвященных различным жанрам, замыкало. В отличие от русских теоретических работ, где глава о письме начиналась дефиницией: «письмо – есть разговор двух отсутственных приятелей» (Муравьев М. Н. «Собрание писем различных творцов, древних и новых» (СПб., б. г.), или «Письмо, что грамоткой простой народ зовет, // С отсутствующими обычну речь ведет» («Эпистола о русском языке» А. П. Сумарокова)), раздел статьи Хофа, посвященный стихотворному письму, начинается с прямой оценки этого жанра: «письмо в

стихах подобно деловому письму, которое редко вызывает интерес у кого-либо, кроме непосредственного адресата» [292].

Хотя в общем и целом шведские и русские поэты XVIII в. находились в русле единой традиции, важнейшим жанром в их представлении являлась ода, в которой «поэтический энтузиазм должен демонстрироваться особенно ярко». Правда, в шведской поэзии ода не была безусловно высоким жанром, а «предполагала всякие темы, высокие и низкие, грустные и радостные, серьезные и игривые, но сохраняющая всегда некое благородство, которое отличает ее от песни» [293].

* * *

В отличие от вышедшего отдельным изданием письма Сальштедта, стихотворение Тредиаковского входит в трактат, посвященный новому русскому «стихосложению», и напрямую с этой темой связано. В данном случае материал для сопоставления дает не письмо Сальштедта, а появлявшиеся в Швеции теоретические труды, посвященные проблемам стихосложения.

Примерно в то же время, что и «Новый и краткий способ» (1735) В. К. Тредиаковского и «Письмо о правилах русского стихотворства» (1739) М. В. Ломоносова, в Швеции появились «Неоспоримые замечания о шведском поэтическом искусстве» (1737) А. Никандера. Эта книга – не первая теоретическая работа шведских авторов на указанную тему: в 1651 г. в Швеции появился трактат А. Арвиди (а незадолго до издания книги Никандера, в 1734 г., в Швеции состоялся диспут о шведском стихотворстве).

Как следует из предисловия к книге Никандера, его задача сводилась к тому, чтобы представить «некоторые Правила Латинской Просодии, которые могли бы быть действительными для нашего Языка». В самом труде представлены разделы, посвященные силлабо-тоническим размерам, цезуре, свободе поэтического искусства, гекзаметру, пентаметру, смешанным размерам и рифме. Характерно, что, по мнению Никандера, в шведской поэзии могут использоваться «практически все существующие размеры» (двусложные: пиррихий, спондей, ямб, хорей; трехсложные: молосс, анапест, дактиль, бакхий, палимбакхий, амфибрахий, амфимакр; и четырехсложный хориямб; не встречается трибрахий, но только из-за того, что «не может употребляться с приятностью») [294]. У исходящего из силлабической традиции Тредиаковского размеров, пригодных для русской поэзии, гораздо меньше [295].

* * *

Некоторые соответствия в русской и шведской литературе выявляются при сопоставлении письма Сальштедта с иными, нежели эпистола Тредиаковского, русскими текстами XVII–XVIII вв. В отличие от русской эпистолы, где выбор адресата и адресанта является мотивированным, появление в стихотворении Сальштедта некоего Аримаспуса требует разъяснений.

Сама подпись «Аримаспус» может восприниматься не только как псевдоним Сальштедта[296], но и как имя настоящего автора, представлявшего известный из текстов древних авторов народ. Из сочинений Геродота, Плиния и Страбона известно, что аримаспы, люди с одним глазом во лбу, сражающиеся с грифонами за сокровища, обитали на Крайнем севере (у Геродота по этому поводу сказано, что «выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: "арима" у скифов значит единица, а "спу" – глаз»[297]). В стихотворении Сальштедта Аполлон встречается и беседует с многочисленными аримаспами, которыми, по всей видимости, являются северяне-шведы.

В «Письме» слово «аримаспы» написано по-шведски (ari=mдnner), а имя адресанта – по-латыни (Arimaspus). Можно предположить, что таким образом выявляется один из источников этого стихотворения: в «Атлантике» О. Рудбека шведский текст сопровождается латинским переводом А. Норденхельма (Nordenhielm), и это слово читается как «arimenner» по-шведски и «arimaspus» на латыни. При этом в сочинении Рудбека рассматривается возможность отождествления страны аримаспов со Швецией[298].

Правда, в трудах шведских ученых XVII в. (и Рудбека в том числе) шведы происходят от гипербореев, которые, как пишет Страбон в своей «Географии», долгое время считались тем же племенем, что и аримаспы («древние еллинские писатели называли все северные народы общим именем Скифов или Кельтоскифов, которые первые стали различать эти народы по частям, называли Гипербореями, Савроматами и Аримаспами»[299]), но являлись совершенно иным народом. По Геродоту, гипербореи – миролюбивы, аримаспы же – агрессивны и воинственны (северные племена, «кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями, причем первыми начали войну аримаспы»[300]).

Впервые миф о счастливых гипербореях нашел отражение в книге голландского ученого XVI в. Горопиуса Бекануса (Goropius Becanus; 1518–1572) «Origines Antwerpianae» (1569). В Швеции этот труд был известен ученому, историку и поэту Ю. Буреусу (Bureus; 1568–1652), оспорившему утверждение Бекануса (для которого человеческая история начинается в Брабанте и самым древним языком является голландский [301]), что родиной гипербореев являлась Америка и что впоследствии они переселились в Антверпен [302]. По словам Буреуса, «если они [европейские ученые. – *М. Л.*] не безумцы, они не могут не видеть, что гипербореи жили в Скандинавии» [303]. Сам Буреус о «гиперборейском вопросе» не писал, но передал книгу Бекануса своему ученику, знаменитому шведскому поэту и ученому Г. Шернъельму (1598–1672). Замечания Шернъельма о шведах-гипербореях нашли отражение в комментириях его ученика О. Верелия (1618–1682) к «Hervarar saga» (1672) и были изданы Ю. Гадорфом (Hadorph) под названием «De Hyperboreis dissertatio» (1685) [304].

Из сочинений Диодора, Пиндара и Цицерона следует, что Аполлон периодически посещал северные страны [305] и поэтому, по мнению шведских ученых XVII в., был особенно почитавшимся в древнейшей Швеции богом: «известная из античных источников чудесная роща Аполлона – это знаменитая роща около старого языческого храма в Упсале, которая, таким образом, для Шернъельма была известной гиперборейской святыней Аполлона» [306]. Шернъельм же утверждал, что не только мать Аполлона Лето (о чем говорится в «Библиотеке» Диодора), но и сам Аполлон родились в стране гипербореев [307]. В «Атлантике» Рудбека Аполлон отождествлялся со шведским Балдуром (глава на шведском языке «О Вале или Волдуре» на латинском языке получила название «Об Аполлоне» [308]). По мнению Верелия, в древнейшей Швеции существовал культ Одина – Аполлона [309].

Естественно, миф о Гиперборейском Аполлоне получил широкое распространение в шведской поэзии второй половины XVII – начала XVIII в.: например, в посвященной восшествию на шведский престол Карла XI поэме известного шведского поэта, профессора элоквенции и поэтики Лундского университета А. Стобаеуса (Stobaeus; 1642–1714) «Augur Apollo» (1672) Аполлон назван «единственным солнцем царства Готов», а когда «Феб здесь... веселые песни раздаются в гиперборейских лесах и поднимаются до небес и достигают звезд» [310].

В Швеции построения Рудбека, по-видимому, не принимались всерьез уже в конце XVII в. Возможно, этим объясняется тон его известного заявления: «Тот, кто дерзнет сомневаться, что готы, завоевавшие Рим, вышли из Швеции, должны быть наказываемы судебным порядком, а тому, кто будет настолько наглым, что будет умалять древний ея возраст, должно разбить голову руническими камнями»[311]. В первой половине XVIII в. о недоверии к книге Рудбека говорили уже открыто. Э. Бензелиус-младший в своих примечаниях к «Svecia literata» Ю. Шеффера дополнил его отзыв об «Атлантике», назвав книгу Рудбека «настоящим сумасшествием»[312]; в предисловии к «Истории шведского государства» О. Далин писал, что «остроумнаго Рудбека сочинение, известное под заглавием Atlantica, не можно читать без удивления великим его дарованиям; но следовать ему с достоверностью историческою есть дело совсем невозможное. Где Платонова Атлантида лежала: в древней ли Скифии (Скифиоде), или же в Обетованной Земле, или в воображении сего мудреца, или уже потопом поглощена была, есть и будет всегда вещь нерешимая»[313] (ср. с приведенными выше высказываниями Татищева на этот счет).

Сальштедт был последователем и даже подражателем Далина: в 1739 г. он опубликовал «Ключ к шведскому Аргусу» (издававшемуся Далином журналу), а в 1758 г. – «Сагу о петухе», восходящую к «Саге о лошади» (1741) Далина. Естественно, его отношение к теории Рудбека было однозначно критическим, однако для литературного произведения материал «Атлантики» был вполне пригодным. О каких-либо особых причинах, побудивших Сальштедта ввести в свое стихотворение аримаспов (как то полемика с Рудбеком, опровержение гиперборейского мифа и т. п.), ничего не известно[314], при этом, вне всякого сомнения, это стихотворение является очередным подтверждением популярности у шведских авторов XVIII в. баснословной, описанной Верелием и Рудбеком, шведской истории. Так, например, в шведских стихотворениях, изданных во время русско-шведской войны 1741–1743 гг., присутствует «наиболее известный шведский гигант и герой»[315] Старкоттер. В 1741 г. вышли стихотворения А. Хесселиуса (Hesselius) «Высказывание древнего Старкоттера о деле с русскими под Вильманстрандом» и Ю. Холмберга (Holmberg) «Предупреждение древнему Старкоттеру по случаю его неосторожного высказывания, вместе с бессмертной памятью Вильманстрандской битвы». Кстати, в последнем произведении шведы названы «гиперборейскими медведями»[316].

7 – 9799

Об отождествлении шведскими авторами древних шведов с гипербореями русский читатель мог узнать из опубликованного в «Ежемесячных сочинениях» (февраль 1755) «Рассуждения И. Е. Фишера о гиперборейцах или о народе, за севером находящемся»: «Олав Верелий, славной во Швеции Профессор и Библиотекарь Упсальской пишет весьма отважно, что Гиперборейцов или совсем нет на свете, или находятся они в Скандинавии, или на самом краю Ледяного моря, а сему причиною, по его мнению, ни что другое, как что столь много земель, городов и вод, находящихся под их владением, северными называются, а Олав Рудбек, его одноземец, доказывает, что имя Гиперборейцы есть Шведское» [317]. Пересказывая сочинения древних авторов, рассказывавших о гипербореях, Фишер говорит и об аримаспах: «Оставя Гомера и Гезиода, которые также о Гипербореях писали, Геродот упоминает, что Аристей (древний шарлатан, которого А. Геллий давно уже почел за непотребнаго баснотворца) [318], во-первых, писал о сем народе: "По велению Феба пошел он к Исседонянам, за теми, сказывает, живут Аримаспы, такие люди, которых природа токмо одним глазом одарила, за ними находятся Грифы, которые их злато прилежно сохраняют, а за ними, наконец, живут Гиперборейцы, которые простираются даже до моря"» [319].

В свою очередь в известных в России средневековых источниках аримаспы с доисторическим населением Руси не отождествлялись и описывались как обитатели *далеких* стран или герои не вызывающих доверия «баснословий». В переведенном с немецкого «Луцидариусе» (XVI в.) говорится, что не «ветхая Бытия Книга», а «инии святи божественныя книги» рассказывают о разнообразных дивах, в том числе об одноглазых существах: «Род тамо есть люди, зовомыя аркамисии и монокули, имеющие едино око» [320], а чуть выше: «В другой Индии есть люди, зовомые макрови, высотою 12 лактей и борются с негуи или рещи с фригалы; тот зверь подобием аки лев, имеет крыле и нохти, яко орли» [321]. В этом фрагменте смешаны разные дивы: с грифами борются не аримаспы, а некие великаны, но при этом все мифологические существа остаются в наличии.

В «Летописце келейном» Димитрия Ростовского про аримаспов говорится, что они «едино токмо око посреде чела имущии, им же непрестанная брань со грифы о бисере и злате: еже бо грифы в горах ископывают, то аримапси нуждою от них отъемлют» [322]. Наиболее обширная и «оценочная» статья об аримаспах помещена в «Книге глаголемой естественословная»: «Аримаспи людие, сии едино токмо око в челе своем имут, ини же из них раждаются слепы...

Взором же суть велми прекрасны. И силою своеи велми храбры. Мнят они, яко нигде на вселенней обретаются людие, по два очеса имущи... Глаголют некаким языком диким, от всея вселенныя отмененным и дивным... Живут в пустынных горах каменных между Хинов и Индеев»[323]. В русских сочинениях по отечественной истории рубежа XVII–XVIII вв. не только признается существование дивов, но и объясняется их появление: разрушив вавилонскую башню, Бог смешал языки и внешность людей[324].

В русских сочинениях, изданных в XVIII в. и посвященных древнейшей истории, аримаспы назывались в ряду скифских народов и из их числа не выделялись. Так, А. Лызлов в «Скифской истории» (М., 1787) отмечал, что «сии ассийские скифы премного разплодишася и различными именовании прозвашася. Едини тауросы, иже у горы Таурос жителствуют, инии агатырси, еще эсседони (иже родителем своим вместо земли в себе чинили погребение, ибо мертвых их ядяху) и массагети, арисмани, сакеви или саги»[325]. Татищев, штудировавший «Скифскую историю», в «Истории Российской» указывал, что «есседони, аримаспи, аргинени, исседони у разных писателей древних так темно описаны, что едва дознаться можно»[326].

Среди легендарных народов, признаваемых русскими авторами «своими», фигурируют амазонки и те же гипербореи. По свидетельству Евгения Болховитинова, Феофану Прокоповичу принадлежит «Трактат о Амазонках с доказательством, что они были Славянки»[327], кроме того, «амазонский» миф стал одной из важнейших тем русской поэзии екатерининской эпохи[328]. В «Кратком изыскании о гипербореанах» В. Капнист «производит древнее наше родоначалие от славных оных гипербореан»[329], правда, как и в случае с Рудбеком в Швеции, «просвещенные друзья» Капниста сочли это «важное открытие» «бредом»[330].

* * *

Говоря о некоторых очевидных соответствиях в русской и шведской литературах XVIII в., естественно обратиться к проблеме «литературного освоения "соседственного" государства», исследовать «шведскую тему в русской художественной литературе» и, соответственно, «русскую тему в шведской художественной литературе» XVIII в.

Среди многочисленных русских переводов французских и немецких литературных сочинений встречаются произведения, главными героями которых являются шведы — короли и частные лица. В этих

текстах они выступают персонажами положительными, им противостоят отрицательные герои, иногда, но не всегда, иностранцы: датчане, французы или турки.

Точно так же в Швеции переводились или создавались художественные произведения, в которых действовали русские монархи. Правда, в отличие от шведских героев, им приходилось бороться не с противниками-иностранцами, а с внутренними врагами. Таким образом, картина восприятия литературы соседнего государства в контексте прочих литератур точно воспроизводится в произведениях художественной литературы, издававшихся в России и Швеции в XVIII в.: шведов окружают датчане, французы и турки, русские же с другими народами не контактируют, действие «шведских» произведений происходит, в том числе, в Дании и Турции, «русских» – только в России. Хотя, повторим, говорить можно лишь о тенденции: в некоторых произведениях герои-французы появляются независимо от шведско-французских политических отношений, а в некоторых не встречается ни один из представителей перечисленных народов, и герой-швед становится жертвой шведских же интриг.

Романы и пьесы, основанные на шведском материале, начали появляться в России во второй половине XVIII столетия. Первым литературным произведением на шведскую тему стал перевод «шведской повести» Комона де ла Форса «Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, короля Шведскаго».

Этот роман, изданный в Париже в 1697 г., был хорошо известен в Европе и выходил в разных странах на разных языках: в 1698 г. его перевод был издан в Лейпциге, в 1704 г. – в Венеции, в 1738 г. – в Гааге. В России и Швеции «Густав Ваза» появился позднее: в России – в 1764, в Швеции – в 1775 г. Правда, в Швеции он переиздавался в 1776 и 1786 гг., а в 1781 г. в Стокгольме вышла книга «Удивительные любовные приключения двух великих королей, Густава Вазы, или первого, и Густава Адольфа» того же Комона де ла Форса.

Русское издание «шведской повести» предваряет предисловие, в котором переводчик не столько знакомит читателя с этой работой, сколько оправдывает свой выбор. Упреки же, по его мнению, может вызвать жанр французского сочинения, историческая недостоверность описываемых событий и само обращение к малопопулярной в России шведской теме (правда, опубликованная в 1784 г. трагедия Я. Б. Княжнина «Росслав» посвящена восшествию на шведский трон Густава Вазы, однако главным героем трагедии ста-

новится плененный датчанами российский полководец Росслав, Густав же даже не значится среди действующих лиц).

При этом, излагая возможные возражения оппонентов, переводчик признает их справедливость и настаивает лишь на том, что они не отменяют целесообразности появления его перевода: «Хотя романы и не приносят такой обществу пользы, какую получает оно от чтения книг математических, философических и исторических, однакож оные удобны острить человеческой разум, искоренять пороки и насаждать добродетели, подаваемыми во оных добрыми и худыми примерами» (это заявление выглядит как реплика в известной полемике о романе). Или: «Я не утверждаю, чтоб все в оной книге написанное было правда, только знаю то, что главной предмет оной повести взят из универсальной истории и многие случаи того в самом деле происходили». Последнее высказывание могло быть сделано переводчиком, для которого действие романа было связано с чужой, а не отечественной историей. В шведском издании «Густава Вазы» историческая достоверность оговаривалась специально: в коротком послесловии указывались все незначительные, на взгляд читателя не шведа, но замеченные шведским переводчиком ошибки французского автора. По всей видимости, выявленные в романе Комона де ла Форса ошибки грубыми или унижающими национальное достоинство шведов признаны не были, и «Густав Ваза» был объявлен пригодным для издания на шведском языке.

Говоря о целесообразности обращения к шведской теме, русский переводчик апеллирует к осведомленному читателю: «Всякому знающему Шведскую историю известно, сколь великой Государь был Густаф Ваза, как возстановил он шведское королевство, стенящее толь долгое время под игом Датчан. Читатель может выбор мой хвалить или хулить, как ему угодно; я только знаю то, что лехче труд другаго похулить, нежели самому потрудиться».

В России роман Комона де ла Форса стал одним из французских сочинений, служивших цели не только нравственного (о чем было заявлено в предисловии), но и «политичного» воспитания русского дворянского общества, и, таким образом, он оказался в одном ряду с переводами «Езды в остров любви» (СПб., 1730) В. К. Тредиаковского и «Любовного лексикона» (М., 1779) Ж. Ф. Дре дю Радье[331] (кроме того, еще в 1708 г. вышли переведенные с немецкого «Приклады, како пишутся комплименты», где среди многочисленных образцовых писем встречаются и примеры правильных посланий).

В романе Комона де ла Форса Густав Ваза представлен как галантный кавалер, «сложивший с себя скоро то, что природа и климат могли в него внушить суроваго»[332], знающий правила куртуазного поведения и посвящающий стихи своей возлюбленной – датской принцессе Христине[333].

В Швеции же «Густав Ваза» вошел в круг произведений, посвященных наиболее почитаемому шведскому королю, основателю новой династии Вазов: в 1774 г. была издана книга О. Цельсиуса «Густав Ваза, героическое стихотворение в песнях», а королю Густаву III принадлежит опера «Густав Ваза».

Можно предположить, что, несмотря на заявления русского переводчика романа Комона де ла Форса, в 60-е гг. XVIII в. скандинавская тема интерес в России все-таки вызывала: в 1764–1765 гг. была издана «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления» аббата Верто, в 1765–1766 гг. – «История датская», в 1766 – «Универсальная история», в 1767 – «История разных героинь» Гольберга, в 1766–1768 гг. просветительский роман Ф. Х. Геллерта «Жизнь графини шведской Г***».

В Германии этот роман был опубликован в 1747–1748 гг. (в Швеции – в 1757 г. и переиздан в 1782 г.). В отличие от «Геройского духа», события «Жизни графини шведской» происходят на фоне не только шведской, но и русской истории, во время Северной войны. Правда, время действия романа определяется лишь на основании косвенных данных: попавший в плен шведский граф оказывается в Сибири; заканчивая рассказ о злоключениях мужа в русском плену, графиня говорит: «Вот главные происшествия, которые граф мне сам рассказывал, исключая то, что касается до истории положения мест и Российских городов. Предпринятый мною план не дозволяет мне войтить во описание сих подробностей, а особливо потому, что вскоре после сего произошли в России великие перемены и благоразумные учреждения как в гражданском правлении, так и в военной силе, и из сего царства соделалась обширная империя с основанием и новой столицы Санктпетербурга»[334]. Геллерта историческая основа описанных в романе происшествий интересует очень мало: в «Жизни графини шведской» не называются ни имена полководцев, ни названия сражений, ни даты. По всей видимости, для автора было важно не место пленения графа, а то обстоятельство, что он стал жертвой интриг и к моменту нападения русских «находился при самой кончине». При этом пленение графа – необходимый элемент развития действия: герой считается погибшим, и

в его отсутствие графиня выходит замуж; жизнь графа в России является отдельным сюжетом о злоключениях героя.

Очевидно, что «русские» фрагменты «Жизни графини шведской» составлены из бытовавших в Европе «русских» мотивов: при характеристике сибирского губернатора сказано, что он «некогда при императоре Петре Великом вояжировал в Германию», «церковный служитель за самые малые деньги проводил с нами несколько часов, обучая нас языку. Потом принес он нам книги, содержащие в себе рассуждения о Греческом законе, в котором был сам весьма мало знающ» [335], шведский граф является одним из «господ ученых», трудившихся в Сибири; не случайно по возвращении из плена он рассказывает жене, в том числе, «что касается до истории положения мест и Российских городов».

Пребывание шведского офицера в русском плену – тема, популярная на Западе [336]. Благодаря находившимся в Сибири пленным шведам в Европе узнали об этой части света: пленными офицерами были авторы «Исторического и географического описания северной и восточной части Европы и Азии» Ф. И. Страленберг и «Состояния России при Петре I» Л. Ю. Эренмальм; шведские офицеры приобрели книгу Абулгачи Баядур Хана «Родословная история о татарах» (в русском переводе французского предисловия по этому поводу сказано: «народ должен благодарить за сию Историю шведским офицерам, пленникам, содержащимся в Сибири, ибо некоторые из сих господ ученые, купивши рукописную на Татарском языке сию Историю у некоторого бухарского купца, которой ея привез с собою в Тобольск, потщалися перевесть за свои деньги на Российский язык и потом сами перевели на разные другие языки» [337]). Таким образом, материал романа Геллерта был (используя высказывание Э. Леннрота о поэме Э. Тегнера «Аксель» [338]) «настолько же русским, насколько и шведским», и книга относилась к числу произведений как на «шведскую», так и на «русскую» тему.

Можно предположить, что восприятие этого романа в Швеции и в России зависело от современной изданию или переизданию книги Геллерта политической ситуации. Так, например, в России «Жизнь графини шведской» была переиздана в 1792 г., вскоре после окончания русско-шведской войны 1788–1790 гг. Весьма вероятно, что для русского читателя конца столетия описанные в романе Геллерта военные победы русских в неназванной войне могли ассоциироваться с последними военными успехами (повторим, что в шведской панегирической литературе рубежа 80–90-х гг. XVIII в. говорили о шведских победах, но с переизданием

«Жизни графини шведской» в 1782 г. это обстоятельство никак не связано). В некоторых русских текстах XVIII в. все русско-шведские войны изображались как единая победоносная кампания. Так, в «Щите веры» (1913) опубликован старообрядческий рукописный сборник духовных стихов XVIII в., содержащий 3 «псальмы о победе швецкой»[339]. Первые две «псальма» – канты Петровской эпохи, но третье, силлабо-тоническое стихотворение посвящено великому князю Павлу Петровичу («Ныне чувствами объемлет, и каков есть мыслию внемлет, // Веселися слухом и играя духом, // О Павле»). При этом все три стихотворения, независимо от времени их создания, оформлены сходным образом: пронумерованный текст предваряется выделенным вступлением («Псальма о победе швецкой, 1: Радуйся российский орле двоеглавный, // Ты бо еси ныне во всем мире славный»; «Псальма о победе швецкой, 2: Днесь орле российский простре свои крыле, // Восприимши воинов мужественных в силе»; «Псальма о победе швецкой, 3: «Восплещи, воспой, Россия, // Ощущая дни драгия, // Новград веселися, // Ревностно спешися // Сретати»).

Шведская тема появляется в русской литературе в начале XIX в. в пьесе Х. А. Вульпиуса (во всех изданиях всех его сочинений названного автором «Ринальдо Ринальдини») «Карл XII при Бендерах» (СПб., 1810; оригинал издан в 1800 г. в Рудолштадте). Исторической основой этой пьесы является так называемый «калабалык в Бендерах» (февраль 1713 г.) – вооруженное сопротивление горстки шведов во главе с Карлом большому турецкому отряду.

Мужество шведского короля во время этого сражения вызывало восхищение не только в Швеции (в политической аллегории Сведенборга «Camena Borea» этот эпизод представлен в главе «Tarticanes et Furiae Ejus», где «вооруженные огнем Фурии намереваются напасть на замок Льва», и «Лев вел войну против Фурий»[340]), но и в России. Так, в «Выписке из последних писем господина посла Матвеева из Вены» калабалык в Бендерах описывается с явной симпатией к Карлу: «И первый окоп приступом взят с уроном трех сот человек турок и татар, где шведы себя обороняли отчаянно с неописанною храбростью. Уведя то, Король Шведский вшел с лучшими офицеры в избы деревянныя, осыпанныя землею внутри того окопа и по держанному совету между хана и Серакера на третей день пушечною стрельбою и метанием бомб стали тот последней окоп добывать, от которых бомб те избы загорелись. Тогда он, Король, видя свою крайнюю погибель, еще так сильно оборонялся, что больше десяти человек из Янычар сам своими руками до

смерти побил и наконец принужден быв из того окопа выскочить по той стороне, где Спаги приступали, которые его поймали раненаго по лицу и по руке»[341].

В пьесе Вульпиуса Карл – мужественный рыцарь, вызывающий почтение врагов: положительный герой Асков говорит про Карла: «Хотя здесь не носит он звезды, но его взор бросает лучи, он рожден быть Королем»[342]; другой противник Карла – Басса, обращается к шведскому королю со словами: «Твоя память будет для нас незабвенна, твоя чудесная храбрость будет наполнять наших детей и внучат удивлением»[343]. В финале пьесы, после военного столкновения с турками, Карл говорит: «Я так всегда жил как король, сражался как король и надеюсь умереть как король», и окружающие, турки, татары и шведы, отвечают: «Да здравствует король».

Характерно, что в пьесе акцентируется внимание на национальной принадлежности Карла и его солдат: «Шведы окружают его как твердая стена»[344], – говорит главный герой, благородный шведский офицер Густав; «Кто чего-нибудь страшится, тот не заслуживает быть при мне, тот не Швед»[345], – говорит Карл. «Разве ты сомневаешься в моем мужестве»? – спрашивает Асков. «Против шведов: точно так», – отвечает французский авантюрист Ласер; тот же Густав говорит своему противнику: «Вы обманываетесь, я швед и не люблю уловок»[346]. Характер каждого персонажа этой пьесы определяется его национальностью: француз безнравственен и коварен (неслучайно на жизнь Карла покушается отрицательный персонаж – Ласер), татарин жесток, швед благороден (национальные характеристики принадлежат самим героям пьесы: «Черт меня возьми, я имею только дело с грубыми шведами и с глупыми магометанами, а я – я француз»[347]. Высшая похвала для героев драмы – быть признанным шведом: «Карл (треплет его по плечу): Ты Швед»[348]. В результате в пьесе немецкого драматурга торжествуют благородные шведы и справедливые татары, а коварный и трусливый француз оказывается униженным и посрамленным.

В Швеции «Карл XII при Бендерах» появился лишь в 1830 г., в то время как другие сочинения Вульпиуса издавались на шведском языке уже в конце XVIII в. Так, в 1798 г. в Стокгольме вышло его «Театральное путешествие», переведенное автором многочисленных оригинальных и переводных пьес (в том числе произведений К. Гольдони, Гренье, Л. Данкура, Ф. Виве) К. М. Энвалльсоном (1756–1806). Ему же принадлежит перевод сочинения немецкого драматурга Ф. Й. Бабо «Петр Великий, или Стрельцы. Пьеса в 4 актах. Основана на реальных русских событиях» (Стокгольм, 1799;

«русская» тема нашла отражение и в оригинальном творчестве Энвалльсона: в 1790 г. он издал «Радостный дивертисмент по причине счастливого возвращения короля Густава III с войны»).

В основу пьесы Бабо положен известный эпизод русской истории – подавление Петром стрелецкого бунта. Европейский читатель мог знать об этом событии из «ругательного» описания в «Дневнике путешествия в Московию» посетившего Москву в конце XVII в. в составе посольства императора Леопольда I и имевшего возможность лично наблюдать расправу над стрельцами И. Г. Корба.

В начале пьесы Бабо как будто предлагает традиционную трактовку стрелецкого бунта и выводит Петра таким, каким он изображался в многочисленных шведских сочинениях начала XVIII в. и в дневнике Корба. Стрельцы и их идеолог, жена арестованного стрелецкого генерала Мария Павловна Очакова, говорят о кровожадности царя, о «мрачных тюрьмах, его громыхающих оковах, его кровавых секирах»[349]. Однако Петру Бабо оказывается положительным героем: Лефорт называет царя «просвещенным монархом», сам Петр сталкивается, по его словам, с «упрямым сопротивлением всем своим добрым делам» и поэтому намеревается «направиться к народу, потому что мы должны лучше узнать друг друга»[350]. В результате Мария Павловна, ее муж (который, являясь главой заговора, признается, что «ненавидит восстания сильнее, чем смерть и чуму»[351]) и их сын Федор постигают характер своего государя («царь не тиран, как Суканин [главный бунтовщик. – *М. Л.*] и прочие выродки его себе представляют», «царь милостив; его сердце открыто для милосердия»[352], – говорит Мария Павловна) и становятся его верными слугами. В конце пьесы звучит тот же общий возглас, что и в «Карле XII при Бендерах»: «Живи наш монарх, наш отец».

Кроме пьесы Бабо, в Швеции в конце XVIII в. появилась «драма в двух актах» «Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина» (1789), сочиненная шведским королем Густавом III. Из предисловия к этому произведению в издании «Театральных сочинений короля Густава III» (Стокгольм, 1826) следует, что в ее основу положен анекдот из вышедшей в Германии книги Я. Штелина «Анекдоты о Петре Великом» о женитьбе русского царя[353]. Правда, обычай собирать царских невест был хорошо известен в Швеции из других, изданных раньше анекдотов Штелина, источников: например, из «Известий о греческой, и в особенности русской, церкви» (Упсала, 1767) Э. Кронстранда (Kronstrand) (который в свою очередь ссылается на Страленберга)[354].

В пьесе Густава разрабатывается затронутая в «Густаве Вазе» Комона де ла Форса тема влюбленного монарха, при том что, в отличие от французского романа или пьесы Бабо, государственная тема отсутствует здесь как таковая: перед ярмаркой невест русский царь, опасаясь, что его возлюбленная Наталья Кирилловна Нарышкина душевные достоинства ценит меньше высокого общественного положения, выдает себя за некоего Ивана Голицына, а роль выбравшего невесту царя отдает придворному немцу Гофману; Наталья Кирилловна выдерживает испытание и говорит о своей любви ко лжеголицыну, то есть настоящему монарху.

Поступок Натальи Кирилловны воспринимается окружающими как продиктованный желанием следовать образцу романных героев и поэтому вполне литературный: «Ах, до чего полезно читать романы», – говорит одна из претенденток на корону Евдоксия. Трезвомыслящие герои также склонны рассматривать происходящее действие как литературное. Так, царский наперсник Федор говорит: «Мне кажется, что роман завершен, что остается лишь разрешить загадку и закончить любовное действие восшествием Натальи на престол» [355].

В пьесах Бабо и Густава III русские цари остаются неузнанными своими подданными и общаются с ними как частные лица (в пьесе Бабо царя не узнает его противник – сын сосланного стрелецкого генерала Федор). Этот мотив встречается не только в известной в России истории Гарун аль Рашида (который действует в указанном выше «переводе с турецкого» «Ах, какая прекрасная сказка»), но и в произведениях русской драматургии рубежа XVIII–XIX вв. Например, в трагедии В. Озерова «Дмитрий Донской», где превращение князя в простого воина во время Куликовской битвы вызвано причинами как личного («Сияние сих барм всех Русских соберет // И от главы моей погибель отженет, // А я опасностей и смерти лишь желаю»), так и тактического («О, Брянский, верный друг! // Под знаменем большим // На место стань мое, и мужеством *спокойным* // Ты рати подводи ко подвигам достойным» [356]) характера. При этом и русский, и немецкий драматурги опираются на реальные события: описанный в русской пьесе поступок Дмитрия Донского является легендарно-историческим фактом, в шведской пьесе перевоплощение Петра объясняется, в том числе, хорошо известной на Западе историей о путешествии русского царя в Европу под именем Петра Михайлова [357].

В обеих шведских пьесах на русскую тему присутствуют русские реалии; например, в шведском издании сочинения Бабо упомина-

ются «крестные братья» или приводится труднопереводимое «русское приветствие»[358]. При этом в примечаниях к тексту шведский переводчик не только разъясняет малопонятные шведскому читателю русские слова, но и поправляет Бабо. Так, в пьесе фамилия русского генерала пишется «Ossakov», однако в комментарии переводчика уточняется, что правильнее было бы писать Odschjakof. Точно так же в сочинении Густава III активно используются русские слова: denschnick, knes, bojar, postelnitza, хотя русские красавицы называют друг друга дамами. Надо сказать, что русские названия, хоть и не в таком количестве, встречаются и в других, правда, не литературных, шведских сочинениях, например praslawnoi Christianin в «Известии о греческой, и в особенности русской, церкви» (Упсала, 1767) Э. Кронстранда, Maslanitz в «Удивительных и забавных Сибирских анекдотах» (Вестерос, 1790) и Prasdniker в «Несобранных заметках, касающихся русских» (Лунд, 1803) К. Берлинга (Berling) (об этих книгах ниже).

В свою очередь в переведенных на русский язык «шведских» произведениях характерные шведские реалии отсутствуют; если в романе Комона де ла Форса дамы и кавалеры обмениваются на балу дротиками, то этот обычай связан скорее с французской, нежели шведской (точнее, датской) придворной жизнью.

Как показывает обзор, количество переведенных сочинений на русскую и шведскую тему, появившихся, соответственно, в Швеции и в России, было невелико, а оригинальных — крайне мало. Характерно при этом, что художественные произведения шведской тематики принадлежали, как правило, известным европейским авторам и переводились как в России, так и в самой Швеции. Сочинения Густава III или Бабо в России не переводились и известны не были (лишь в 1877 г. в России появился перевод комедии Бабо «Пульс»).

При этом в России для перевода выбирали произведения шведских или иных европейских авторов, обязательно объявляющих о своем расположении к Петру и к России. Подобные заявления встречаются и в «Монументе» К. Ингмана, и в романе Геллерта, где шведский граф признает правоту россиян («Досада Россиян против шведов весьма велика за впадение наше в их границы»[359]), и в пьесе Вульпиуса («Я знаю Царя, он сколь храбр, столь и справедлив, он скажет, правда, что Карл был смертельный враг мой, но он Король, его особа священна. Тот, который отважился наложить на него руку как убийца, тот злодей! Задавите его!»[360]; вероятно, здесь

содержится намек на известную историю о казни Александром Македонским убийцы персидского царя Дария Беса).

В первой трети XIX в. в России появились переводы шведских произведений, посвященных событиям Северной войны, и здесь оценке подлежат только их художественные достоинства, а не политические симпатии автора. В 1828 г. в России вышел прозаический перевод «романса» Тегнере «Аксель», где герой, в частности, говорит: «Остер меч отца моего, особенно на Москвитян. Как радостно было разить их! Я бы желал, чтобы сам Король это видел. Они падали как спелые колосья под серпом» [361] (ср. с рассказом шведской графини: «граф послан был для взятия одной неприятельской батареи, к которой должно подходить чрез дефиле. Он к нещастию своему был отбит с немалою потерею солдат» [362]). Или: «Тогда уже находился град Петров на завоеванном берегу спящего Севера. Тогда он был мал, как новорожденный дракон, лежащий при заливе на песке, согретом солнцем; но приметны уже свойства молодого чудовища – уж яд кипит в зубах его, оно шипит раздвоенным языком. Там снаряжали флот, коему назначено было смертию и пламенем опустошить берега Свеи» [363].

Для русского переводчика начала XIX в. не существенно, что герой поэмы сражается с «москвитянами», а Петербург сравнивается с чудовищным драконом, и что комплименты Петру были бы здесь неуместны, значительно важнее, что язык «в сочинениях Тегнера чист и богат прекрасными и оригинальными выражениями и оборотами, всякой сочинитель Шведской в этом отношении должен уступить ему первенство» [364].

III. Литература и политика

Исследуя русско-шведские литературные контакты в XVIII в., необходимо учитывать, что появление большинства русских и шведских сочинений схожей тематики объясняется политическими взаимоотношениями стран. При этом некоторые связанные с этим обстоятельством литературные явления встречаются только в одной из литератур; например, наряду с комплиментарными шведскими стихотворениями, посвященными шведским монархам, в конце XVII – начале XVIII в. выходили отмеченные стихотворения Спарвенфельда – на смерть короля Карла XI и Лиллиемарка – на бракосочетание принцессы Ульрики-Элеоноры и герцога Фридриха на русском языке (правда, как указывалось выше, в отличие от со-

чинений Спарвенфельда, не ясно, каким образом это стихотворение связано с русско-шведскими политическими взаимоотношениями); кроме панегирика «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича, в Швеции в XVIII в. издавались оригинальные оды, посвященные российским императорам[365].

При этом особое внимание шведские авторы уделяли русским монархам XVIII в., имевшим шведское происхождение. Так, в 1760 г. в Стокгольме вышло стихотворение Х. Ш. Норденфлюхт «Его Высочеству Павлу Петровичу, Великому Князю Российскому», в котором прославлялся Петр I, Елизавета Петровна, наследующий им принц и упоминался Карл XII: «На Троне Петра Великого невозможно быть незаметным, // Европа желает увидеть в тебе больше, чем обычную Добродетель, // Наш Север хочет судить о твоем успехе, // Отрасль рода Карла для него ценна, // Твои кровь и долг повелевают тебе блюсти свою честь»[366]. Таким образом, по мысли знаменитой шведской поэтессы, старинный спор двух народов можно считать законченным, государства окончательно помирились, и одно из них будет управляться потомком обоих великих монархов Севера (отметим попутно, что императрице Елизавете Петровне это стихотворение понравилось).

Затронутая Норденфлюхт тема получила свое развитие в оде «На ее императорского величества Елизаветы Петровны прескорбную кончину» (Стокгольм, 1762) автора многочисленных стихотворений на случай (на день рождения кронпринца Густава – в 1762 г., короля Густава III – в 1778 г. и королевы – в том же 1778) Ю. Брелина (Brelin; 1734–1782)[367]. Это стихотворение представляет собой панегирик русской императрице, причем некоторые включенные в него комплименты встречаются и в посвященных Елизавете русских торжественных словах и одах («...только во имя всеобщего мира она была вынуждена одерживать победы»[368]). Говоря о наследнике Елизаветы – Петре III, шведский автор вводит основной для шведских панегириков шведским королям мотив: в жилах правящего монарха течет кровь великих шведских королей, Густава Вазы, Густава Адольфа и Карла XII (примеры такого рода встречаются практически в каждой шведской оде середины – второй половины XVIII в., посвященной шведскому королю: «...он самый известный на Земле Принц Крови Великого Густава» – в «Оде на мир между Швецией и Россией»[369] 1743 г. О. Далина, или: «О, кровь Густава Адольфа! О, Отец Отечества» – в оде «На победу у Хегланда 17 июля 1788 г.»[370] К. Леопольда). В стихотворении на смерть Елизаветы Петровны о Петре III гово-

рится, что «его происхождение известно от Карлов и Густавов»[371]. При этом Петр является также и наследником великих монархов России; в результате, по мысли шведского поэта, «пусть Тот, Который дал обеим странам потомков Вазы, соединит наше Благо так же, как он соединил обе Крови в одну»[372].

В русских стихотворениях, посвященных восшествию на престол императора Петра III, его русско-шведское происхождение также упоминается, правда, об окончательном примирении двух стран речь не идет. В «Оде на день восшествия Петра Феодоровича на всероссийский престол» (1761) А. П. Сумарокова отмечается, что соперничество между Петром и Карлом продолжается, и Петр вновь одолел Карла:

Там Петр и Карл соторжествуют,
Сердца геройски веселят,
Веселие свое делят,
Друг другу радость повествуют.
Петру там тако Карл вещает:
Империя и Шведский трон
Петру порфиру посвящает,
Но Богом Император он,
И к лутчей вознесен судьбине,
Всевышний тако учредил:
Меня ты прежде победил,
И победил меня и ныне.

Возможно, таким образом Сумароков опровергал противоположную интерпретацию этого события: русский престол занял потомок шведского короля, который, как сказано в посвященном Полтавской битве «Изъявлении фейерверка» (М., 1709–1710), намеревался стать северным царем, т. е. править и в Швеции, и в России. В свою очередь в стихотворениях Норденфлюхт и Брелина ни о каком продолжении соперничества между Петром I и Карлом XII, а тем более о шведской победе, речь не идет.

Правда, Петр и Карл примиряются и в русских текстах второй половины XVIII в.: например, в «Разговорах мертвых» М. Н. Муравьева Карл признает в Петре «победителя, друга и великого человека». В «Разговоре между Петром Великим, императором Всероссийским, и Карлом XII, королем Шведским, о славе победителей» (СПб., 1778) Ваттеля одерживающий победу в диспуте Петр отдает должное Карлу: «Большая часть твоих гренаде-

ров и простые твои солдаты столько же были храбры, как бы и самый Александр»[373].

* * *

В начале столетия ни в русской, ни в шведской поэзии разговор о дружбе между Петром I и Карлом XII и их взаимном уважении не шел (хотя в докончальной грамоте 1699 г. о Карле говорится, что он «с нашим Царским величеством желает пребывать в соседственной дружбе и в любителных пересылках по договором Вечного миру»[374]). Северная война сопровождалась выходом многочисленных русских и шведских панегириков, многие из которых носили явно пропагандистский характер и были направлены против монарха вражеской страны.

В Швеции такие стихотворения появлялись в самом начале войны и были вызваны победами шведской армии. К числу наиболее известных сочинений такого рода относятся стихотворения на латинском языке «главы отдела пропаганды» при Карле XII О. Гермелина (Hermelin), называвшего Петра Атиллой и Тамерланом (плененным под Полтавой и, по легенде, зарубленным самим Петром), и «Боевая песня о Короле и господине Педере» Г. Дальшерны (Dahlsterna), где Петр представлен незадачливым женихом, сватающимся к красавице Нарве, а Карл благородным и великодушным победителем («Сказал король Карл: Весь мир увидит, что я отнюдь не жажду крови»[375]).

В латинской поэме А. Стобаеуса (1642–1714) «Нарва» Петр представлен жестоким, трусливым и вероломным тираном. Начиная войну с Карлом, он уверяет последнего в своей дружбе и преданности и нарушает клятву: «Царская натура жестокая, свирепая... лживая, жестокая и надменная... он изучил искусство обманывать, притворяться и науку вредить, изображать искренность и неискренне улыбаться»[376]. В своей речи к «бесчисленным толпам» Петр, «опьяненный яростью» «русский Фаларис», призывает отомстить за прежние поражения, за «позор нашего предка», «могущественного Алексея»[377], чьей «бледной тенью» он себя не считает, и также, как и Алексей Михайлович, терпит сокрушительное поражение.

Надо сказать, что в русских и в шведских панегирических текстах упоминание правившего отца правящего ныне монарха использовалось достаточно часто: в книге «Торжественныя врата, входящая в храм безсмертныя славы непобедимому имени» (М.,

1703) Петр уподобляется Александру Македонскому, а Алексей Михайлович – Филиппу Македонскому; в стихотворении О. Рудбека-младшего, посвященном смерти Карла XI и вступлению на престол Карла XII, тождественность имен покойного и нынешнего королей указывала на преемственность королевской власти (не случайно в этом издании напечатано изображение птицы Феникс [378]). Однако в «Нарве» сопоставление русского царя с отцом становится приемом инвективным; по мнению Стобаеуса, неспособность русского монарха одержать победу над Швецией является наследственной чертой [379].

Вместе с тем, в «Нарве» Петр называется «Алексеевым сыном» неоднократно и при этом с Алексеем Михайловичем уже не сопоставляется («Алексеевич, охваченный ужасными эмоциями», призывает захватить Нарву [380], «Король желал встретиться с Петром, сыном Алексея, с мечом в руке» [381]). Конечно, в шведских текстах XVII – начала XVIII в. российский монарх, как правило, назывался по отчеству: например, в рукописном «Societaties literaria» говорится, что морскую академию в Петербурге основал Petro Alexowitz [382]. При этом в некоторых шведских сочинениях XVIII в. имя царя могло даже не называться; так, в стихотворении «На прескорбную кончину ее императорского величества русской императрицы Елизаветы Петровны» (1762) сказано: «Видит Твой [России. – *М. Л.*] народ, что Твоя Петровна сделала» [383]; в «Стихотворении на мир» (Еребро, 1790) Е. А. Виндаля относительно Екатерины II задается вопрос: «Алексеевны щит должен предательски возвышаться?» [384] Если в стихотворении Брелина Елизавета представлена как продолжательница дел Петра и именно поэтому называется по отчеству, то об отце Екатерины «Алексее» ни в шведских, ни в русских текстах, естественно, не говорится ничего. «Необоснованное» употребление отчества Екатерины шведским поэтом связано с тем, что в сочинениях европейских авторов отчество российского монарха могло заменять его имя; например, в «Портативном историческом словаре знаменитых женщин» (Париж, 1769) Ж. Ф. Лакруа в статье о Екатерине I сказано: «Алексеевна (Екатерина) – императрица России» [385].

Однако в произведениях младших современников Стобаеуса Петр по отчеству называется нечасто. По всей видимости, в сочинениях этого автора Алексей Михайлович упоминается потому, что Стобаеус застал эпоху его правления (1645–1676), с именем этого монарха связывал российскую верховную власть и имел воз-

можность сопоставить царствование Алексея Михайловича и Петра Алексеевича.

В свою очередь в победословиях, появившихся в России сразу после Полтавы, говорится о ранении Карла и наказании «гордого»: «Петр ныне гордоходящаго охроми и крепкаго обезсили» [386]; в «Божьем уничижителей гордых уничижении» введена «Лва надпись: хром, но лют» [387]. Говоря о бегстве раненого Карла в Турцию, русский автор мог использовать новозаветные аллюзии: «Турецкая земля нам явно учинила, // Как ранена глава тамо ся уклонила» [388] (примеры подобного «кощунства» встречаются и в шведских текстах: на выбитой после Нарвы медали царь Петр сравнивался с апостолом Петром: «Изшед вон, плакася горько» [389]).

Традиция высмеивать монарха вражеской страны сохранялась на протяжении всего столетия, и каждая новая война сопровождалась потоком стихотворных инвектив в адрес шведских королей. Если же некоторые шведские короли и оказывались вне поля зрения русских авторов, то лишь потому, что в них не видели достойных внимания противников.

Как правило, из русских текстов XVIII в. видно, с кем из шведских монархов Россия ведет войну: в начале столетия постоянно упоминался Карл XII, в конце – Густав III. Однако установить на основании русских панегириков, кто правил Швецией в начале 40-х гг. XVIII в., не представляется возможным. Так, если в русских сочинениях 1790 г. говорится о заключении мира между Россией и Швецией, или Екатериной II и Густавом III («Описание фейерверка по окончании торжества на случай заключеннаго мира между Ея императорским величеством Екатериной II, самодержецею Всероссийскою и пр., и пр., и пр. и его величеством Густавом III, королем Швеции»), то в русских текстах 1743 г. – о заключении мира между Елизаветой Петровной и Швецией («Описание фейерверка и иллуминации, которые при торжествовании заключеннаго между Ея императорским величеством Самодержецею всероссийскою и Короной Шведскою вечного мира» Я. Штелина).

Естественно, в шведских панегирических одах правивший с 1720 по 1751 гг. Фридрих I ставился в один ряд с великими монархами прошлого (например, в «Поэтических мыслях о возникновении наук и препонах им» (Упсала, 1750) О. Бурмана (Burman) упоминаются «замечательные Ярлы, Фридрихи, Густавы и бесподобные Карлы»), но в России говорили лишь о «Карлах и древних Густавах» («Слава русских и горе шведов». СПб., 1790).

«Нынешний» Густав, в представлении русских авторов конца 80-х гг. XVIII в., достоин лишь осуждения и осмеяния.

При этом Густав III становился объектом насмешек Екатерины II даже тогда, когда отношения между странами были дружескими и добрососедскими. В своих письмах императору Иосифу II и Гримму Екатерина, говоря о Густаве III, «давала выход своему сарказму» [390]; узнав в 1783 г., что во время смотра войск шведский король упал с коня и повредил руку, Екатерина якобы заметила: «Куда какой неловкий герой — падает подобным образом на маневрах перед своим войском» [391]; 27 мая 1788 г. датируются ее слова: «Буде полуумный король шведской начнет войну с нами, то великий князь останется здесь» [392].

В начале войны 1788–1790 гг. императрица якобы говорила: «Король шведский себе сковал латы, кирассу, брассары и квиссары и шишак с преужасными перьями. Выехавши из Штокгольма, говорил дамам, что он надеется им дать завтрак в Петербурге, а, садясь на галеры, сказал, что делает опасный шаг. Своим войскам в Финляндии и Шведам велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачить Густава Адольфа и окончить предприятие Карла XII. Последнее сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции, также уверял он шведов, что меня принудит сложить корону» [393].

Так, образ нелепого и хвастливого авантюриста на троне был предложен самой Екатериной, и именно таким шведский король был представлен в принадлежащей императрице «Сказке о Горебогатыре Косометовиче и опере комической, из слов сказки составленной» (СПб., 1789; по словам Я. Грота, «Екатерина потребовала “отыскать” “Сказку о Фуфлыге-богатыре”, чтоб из нее сделать оперу» [394]).

Тема, введенная в русскую литературу Екатериной, была подхвачена В. Петровым, издавшим в 1788 г. «Приключения Густава III, короля Шведскаго». В этом сатирическом стихотворении «внук» Густав III, который «в мире жить устав», «по-карлову остригся» и объявил России войну, выслушивает наставления «деда» Карла XII. О том, что Густав следует примеру Карла, говорилось не только в русских сатирах, но и в победословиях; например, в «Песнопении ея императорскому величеству ... Екатерине II на победоносное ея оружие на севере и юге, на суше и на море» (СПб., 1788) Ф. Козельского сказано:

В полях Полтавских враг попранный
Грозящий громом нам похвал,
Петром Великим обузданный,
Кто челюсть львову разуздал?
Отечествия сын несытый,
Таким как он студом покрытый,
Он пал и Павла превознес
Победой громкой до небес.
И возрожденный Карл в Густаве
Прибавил русской славы к славе [395].

Как новый Карл XII – победитель русских Густав III представлен и в шведских панегириках времен русско-шведской войны 1788–1790 гг. Так, в «Четырех совершенно новых военных песнях» (Фалун, 1789) сказано: «Русским еще обидны их раны, и поэтому они снова начинают царапаться, Они еще раз хотят нанести нам урон: их память коротка, они забыли, как Карл их прогонял. Возможно, они вооружаются в надежде, что этот герой закончил свой жизненный путь и некому больше их повергнуть. Бедняги они, в Густаве можно увидеть подобие Карла» [396] (в шведском оригинале текст также несегментирован).

Правда, значительно чаще с Карлом XII сравнивался брат короля Густава III, герцог Карл Зюдерманландский, будущий король Карл XIII, во время войны 1788–1790 гг. командовавший шведским флотом. Так, в оде К. Леопольда «На победу у Хогланда 17 июля 1788 г.» (Стокгольм, 1788) о герцоге Карле говорится, что он «достоин великого имени, которое еще ужасает мир» [397], а в оде «Экспромт на его королевского высочества герцога Карла прибытие в Норрчепинг» (Стокгольм, 1788) – «Имя Карла еще почитается на Севере, // Стань тогда, о великий Карл, радостной надеждой нашего будущего» [398].

В шведской поэзии герцог Карл мог изображаться как величайший полководец вне всякой связи со своим предшественником. В посвященной ему речи «На высокие именины» (Стокгольм, 1791) Ю. Линдебека (Lindebдck) говорится о победах России над Турцией и ее поражении от Швеции: «Карл – твоя честь была божественной, // С Героями в бою Ты прервал полет Орлов. // Геройством горело твое мужество, // Бессмертным стало твое имя» [399].

В шведской панегирической поэзии Густав III уподоблялся, как правило, Густаву Вазе и Густаву Адольфу, однако во время шведско-русской войны прообразом нынешнего монарха должен был стать

шведский король, одерживавший над русскими блестящие победы, т. е. Карл XII.

В «Приключениях» В. Петрова снаряжающийся в поход Густав не только «по-карлову остригся», но «И чтоб избыть в здоровье траты, // Оделся в латы, // Как в кожу льва осел» [100]. Известно, что сюжет басни Эзопа «Осел в львиной шкуре» использовался русскими поэтами XVIII в. в стихотворной полемике (притчу А. П. Сумарокова «Осел во львовой шкуре» (1760) «Ломоносов имел все основания принять на свой счет» [101]), и, таким образом, сатира Петрова оказывалась в контексте аналогичных стихотворений, адресованных врагу. Вместе с тем, в отличие от инвективы Сумарокова, направленной против поэтического оппонента (в источнике русской притчи говорится: «так иные неучи напускной спесью придают себе важность, но выдают себя своими же разговорами» [102]), сочинение Петрова представляет собой «военную» сатиру (и в большей степени напоминает переделку басни Эзопа Бабрием: «Но ветер, дунув, обнажил ему спину, // И он под шкурой всеми тотчас был узнан. // И человек сказал, избив осла палкой: // "Коль ты осел, не принимай же вид львиный"» [103]). Возможно, сравнение лат с кожей льва было вызвано насмешками Екатерины над рыцарственностью Густава; возможно, таким образом Петров продолжал ряд образцовых для шведского короля героев и включал в него, кроме Карла XII, Геракла (ср. в оде Ломоносова «На прибытие... Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург»: «Всяк мнит, что равен он Алкиду // И что Немейским львом покрыт» [104]). Но также можно предположить, что это сравнение очередной раз указывало на стремление Густава уподобиться Карлу: эзоповский осел, переодетый львом, появлялся в русских панегириках времен Северной войны, по всей видимости, известных Петрову.

* * *

На одном из транспарантов, поставленных в Москве в январе 1710 г. по случаю празднования Полтавской победы, был изображен «осел "во львиной коже гордящийся", и многие звери, избегавшие встречи с ним и со страхом озиравшиеся на него. Под изображением имелась надпись: "Хотяше страшен бытии". Рядом на другой картине были показаны тот же "презренный" осел, но "обнаженный", с содранной с него "львиной" кожей, и те же звери,

забавляющиеся и насмехающиеся над ним. Здесь была также надпись “Достоин смеха”»[405].

Скрывающийся под личиной враг – один из постоянных образов полемической литературы Древней Руси. Правда, чаще говорили о сильном и поэтому опасном враге, претворяющемся миролюбивым, нежели о слабом и поэтому смешном противнике, выдающем себя за сильного и опасного. Евангельский образ волка в овечьей шкуре, широко распространенный в русской инвективной литературе XVI–XVII вв., обозначал, как правило, еретиков-обольстителей. Так, в «Евангелии с толкованием» (М., 1649) Феофилакта Болгарского сказано: «Мф., гл. 8 зачало 22: Внимайте от ложных пророк, иже приходят к вам одеждами овчими, внутрь же суть волци хищници. От плод их познайте их. Толкование: Коварни суть, лицемернии и еретици сего ради глаголят, блюдитеся от них, блага бо словеса предлагают и житие являют чесно, внутрь же суть сердца их яко удица сокровенна. Одежда же овча кротость, ею же нецыи, яко образ являющие, ласкают и прелщают многия. От плода же познаваются, сиречь по делом и по житию, аще бо и образом являются, но вмале времени обличается лицемерие их». Точно так же в «Стихах на измену Мазепы» Стефана Яворского о гетмане говорится: «Мнях, яко агнец, но волк ядовитый, Овчею лестно кожею покрытый»[406]. Волком в овечьей шкуре Карл мог представляться скорее тогда, когда по его приказу выходили «соблазнительные» манифесты на русском языке. Однако в отношении Густава, чья слабость постоянно подчеркивалась в русских победословиях, этот сюжет был не актуальным.

Надо отметить, что разоблачение побежденного и беспомощного неприятеля – весьма распространенный мотив русской панегирической поэзии конца XVII – начала XVIII в. Как следует из текста анонимных «Стихов об Азове», конечной целью победителя являлось само это разоблачение:

Яве огненногромным Светом ту блистая,
В Азове луну бледу сущу устрашая,
А потом помрачену, приемши за роги,
Положи у Престола своего под ноги,
Обаче ногами не хоте попрати
Ея, но всем народам яве показати
Немощь ея с срамотою на воздух пусти
Мрачитися...

Однако здесь «немощная» луна никого в заблуждение не вводила и, в отличие от осла, выдающего себя за льва, не пугала.

Правда, чаще в русских панегириках говорилось о «настоящем», а не «переодетом» и страшном другим народам шведском льве; таким образом, победа над сильным шведским войском делала русский успех ценным и славным: «Во образ его царского пресветлаго величества, страшнаго иным народам шведа победившаго, ему же в похвалу сие надписахом» [107].

Изображая шведского льва изначально слабым, русский панегирист предлагал, таким образом, принципиально иное, нежели у Иосифа Туробойского, толкование происходящих событий. Можно предположить, что появление подобных «разоблачительных» текстов после Полтавы было вызвано *казавшейся*, но не подтвердившейся непобедимостью Карла [108].

В свою очередь в Швеции накануне Полтавы в победе не сомневались; на настроение шведов до и после этого сражения указывает письмо А. Я. Хилкова, где, в частности, говорится: «Безмерно все здешние о своем нещастии и поражении под Полтавою от победоносного Вашего Царского величества оружии над их войсками случившееся, печальны... и так мне говорили те помянутые люди [находившиеся в Саксонии. – *М. Л.*]: "Когда де мы те войски Шведские из Саксонии пошедшие видели, думали мы, что последний камень на Москве из своего места выворочат... с таким намерением и яростью все Шведы шли"» [109]. В «Корреспонденции», опубликованной в 1709 г. в Саксонии, в частности, говорилось: «Я часто вспоминаю о том, как при разговоре с московитами шведы, которые тогда не встречали в Польше никакого сопротивления, говорили, что мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться, московиты побегут, как под Нарвой и запрячутся в свои мышиные норы» [110].

Не случайно в период с 1700 по 1708 гг. в Европе вообще и в Швеции в частности выходили многочисленные сочинения, посвященные Нарве и прочим шведским победам. Так, в 1709 г. был издан перевод с французского истории Карла XII, написанной чиновником Шведского посольства в Париже Ю. Дрюандером (Dryander). Перевод был сделан автором «Некоторых замечаний о ложных предсказаниях, прогнозах и пророчествах» (Линщепинг, 1708) и неизданных «Мыслей верного патриота и доброжелателя о сравнении и сопоставлении короля Карла XII Великого Шведского и Александра Великого Македонского» М. Г. Блоком (Block) и получил название «Краткое извлечение из истории

Карла XII». Блоку же принадлежит и посвящение принцессе Ульрике Элеоноре, датированное 15 мая 1709 г. (когда до Полтавы оставались считанные недели). В предисловии к этому изданию специально оговаривалось, что в книге описываются события, происходившие с 1700 по 1709 гг., и, надо понимать, для автора (точнее, для переводчика: Дрюандер умер в 1707 г.) ее финал оставался открытым, в Швеции ожидали новых побед. В том же 1709 г. была издана «История Карла XII» Ю. Нордберга (Nordberg), а в 1707 г. – «История Карла XII» на французском языке Г. Адлерфельда (Adlerfeldt). В России накануне Полтавы также издавались сочинения, повествующие о прежних русских победах, например «Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы под Азовом и к счастливому въезду в Москву его царскому величеству покорнейше поднесено» (М., 1708) Э. Ф. Боргсдорфа, однако количество таких изданий было значительно меньшим, нежели шведских книг, посвященных победам над русскими.

Появившийся в русском сатирическом стихотворстве конца XVIII столетия образ переодетого львом осла позволяет говорить о возможной ориентации русского автора «политического» сочинения конца столетия на отечественные произведения начала века: едва ли случайно в стихотворении Петрова подражающий Карлу XII Густав III уподобляется тому же басенному персонажу, что и Карл.

Между тем изображения на русских праздничных транспарантах 1710 г. можно рассматривать как ответ на заявления шведской стороны, находившие выражение, в том числе, в поэзии: так, в одном из панегириков Карлу 1708 г., сказано, что «жестокие дикие звери бегут, когда приходит Лев»[411] (по всей видимости, шведский автор не учитывал возможности сопоставления своего стихотворения с античной басней). Едва ли русский художник знал о существовании этого шведского стихотворения, однако, учитывая полемический характер русских праздничных текстов 1710 г. (на другом транспаранте был изображен пригрезившийся Карлу Александр Македонский; о подражании шведского короля македонскому царю и об этой теме в шведской поэзии начала XVIII в. – ниже), можно предположить, что русский автор имел представление о популярности истории о пугающем зверей льве в Швеции и таким образом отвечал шведским оппонентам[412].

Так, мы переходим к исследованию происхождения образов и мотивов русских и шведских стихотворений XVIII в., обязанных своим появлением некоторым политическим событиям, в основном шведско-русским войнам, и использовавшихся поэтами враж-

дебных друг другу стран в полемических целях. Другой пример такого рода обнаруживается в одах Ломоносова.

* * *

Ода Ломоносова «Первые трофеи Иоанна III чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 г.» включает следующее обращение к неприятелю:

Не то ли ваш воинский цвет,
Всходил которой двадцать лет,
Что долго в неге жил спокойной,
Вас тешил мир, нас Марс трудил,
Солдат ваш спал, наш в брани был,
Терпел Беллоны шум нестройной
Забыли что вы так считать,
Что десять русских швед прогонит?
Пред нами что колени клонит
Хвастлив толь нашей славы тать? [113]

Как следует из «Записок» участвовавшего в русско-шведской войне 1741–1743 гг. Манштейна, накануне компании шведская «партия шляп была уверена, что русское войско должно быть совершенно истощено походами против турок и что все полки состояли из одних новобранцев, поэтому они объявили всюду, будто одного шведа достаточно, чтобы обратить в бегство десятерых русских». Кажется очевидным, что, говоря о качественном превосходстве шведской армии, шведские сторонники войны с Россией оперировали «круглыми числами»; Ломоносов, как и Манштейн, знал об этих заявлениях и опровергал их в своей оде.

Соотношение сил 1:10 встречается в многочисленных шведских стихотворениях времен Северной войны, изданных после Нарвы. Так, в «Нескольких простых стихах» сказано, что «русские бахвалятся, будто могут поставить против одного шведа десять русских. Под Нарвой один швед обратил десять русских в бегство, один швед подавил десять русских» [114], или в изданном по тому же случаю «Narva Triumphans» про шведских солдат говорится, что «один победил десятерых окопавшихся, частью пленил, частью убил» [115].

Вместе с тем, это соотношение берется из официальных реляций, в соответствии с которыми под Нарвой 8 000 шведов противостояло 80 000 русских. Те же числа фигурируют в заголовках шведских стихотворений начала XVIII в. (например, «Победная песня о

беспримерной помощи городу Нарве Карла XII, который с 8 000 шведов победил 80 000 русских...»), сопоставляются в посленарвских текстах (в «Печальной эпической песне» (Упсала, 1719) О. Рудбек-сын, называя количество участников сражения, обращает внимание на похожее написание числительных: etta (8) – ettio (80)) и встречаются в шведских сочинениях, написанных через столетие после этого сражения (например, в «Речи памяти короля Карла XII, произнесенной в Лунде по случаю 100-летия со дня его смерти» (Стокгольм, 1819) Ю. Пальма говорится, что «только 8 000 человек сопровождали его в битве против 80 000»[416]). Указанное в оде Ломоносова соотношение 10 русских против 1 шведа называется в Нарвских главах выходивших накануне войны 1741–1743 гг. историй Карла XII. В панегириках шведских авторов, посвященных другим сражениям русско-шведской войны 1700–1721 гг., о десятикратном численном превосходстве русских не говорится никогда[417].

Можно предположить, что в русском стихотворении называется именно нарвское соотношение сил, имеется ввиду «предполтавское» настроение шведов, а Вильманстранд объявляется новой Полтавой. «Не Карл ли тут же с вами был? // В Москву опять желал пробиться?» Если наше предположение верно, то в оде Ломоносова содержится «ответ» на берущее свое начало после Нарвы шведское заявление.

Пример произведений неизвестного русского панегириста начала XVIII столетия и Ломоносова показывает, что на протяжении XVIII в. шла чрезвычайно своеобразная русско-шведская стихотворная полемика. Какими бы источниками ни пользовался сочинитель Петровского времени или Ломоносов, о пугающем зверей льве и о десятикратном численном превосходстве русских говорилось в шведских стихотворениях времен Северной войны, и в том числе на них отвечают русские авторы.

В произведениях шведской поэзии 30–90-х гг. XVIII в., посвященных Северной войне или происходящему в момент создания стихотворения русско-шведскому военному конфликту, переклички с русскими стихотворениями времен Северной войны отсутствуют в принципе; шведские авторы ориентируются на отечественные сочинения XVII – начала XVIII в., не связанные с русскими заявлениями, вплоть до дословного цитирования. Так, посвященная королеве Ульрике Элеоноре ода М. Ленбома (Lönbohm) «Поэтические цветы, обретенные на Геликоне» (Упсала, 1732) соткана из образов и мотивов, встречающихся в шведских стихотворениях каролинской эпохи. Как и в «Боевой песне» Дальшерны,

«русский подступил к гордой Нарве и хотел без церемоний тотчас отпраздновать свадьбу» [418], Карл русских одолел, хотя на одного шведа приходилось восемь врагов (здесь обычное для шведских стихотворений, посвященных Нарве, соотношение сил изменено, возможно, потому, что в шведских текстах начала столетия, содержащих сведения о количестве участвовавших в этом сражении русских и шведских солдат, фигурировали восьмерки: 8 000 и 80 000; это единственное шведское стихотворение, в котором при описании нарвской победы не говорится о десятикратном численном превосходстве русских, правда, к моменту выхода этого стихотворения подобные подсчеты встречались только в стихотворениях эпохи Северной войны и, несомненно, этот мотив был заимствован автором стихотворения 1732 г. из шведских текстов начала столетия), возвращение Карла в Швецию из Турции уподоблено восходу солнца (об этом ниже).

Другой пример — дважды издававшееся во время русско-шведской войны 1741–1743 гг. стихотворение Ю. Холмберга «Предупреждение древнему Старкоттеру по случаю его неосторожного высказывания, вместе с бессмертной памятью о Вильманстрандской битве» (Стокгольм, 1741 и Карлскрона, 1742), в котором Швецию обозначает не лев, а медведь. В комментарии автора отмечается, что «Медведь — зверь такой силы, что может служить иносказанием и обозначением великого подвига, также Медведь — это Северная звезда, или малая Медведица, которая освещает наш полюс» [419]. В самом стихотворении речь идет о поединке Орлов с Медведями, и в каждом последнем двустишии каждой строфы употребляется рифма: Örnar — Björnar (Орлы — Медведи) [420].

Этот «иконографический национальный символ» (Х. Хеландер) встречается в поэзии барокко, где «астрономическая» символика была чрезвычайно распространена, шведскими созвездиями признаны Большая и Малая Медведицы, а Швеция — «царством Медведей» (об этом писали не только шведские авторы, но и иностранцы, например французский поэт, автор посвященной Густаву Адольфу поэмы «Fulmen in Aquilam, seu Gustavi Magni... bellum Sueco-Germanicum» (Paris, 1636) Э. Йоллюве (Jollyvet; 1604–1662) [421]. На рубеже XVII–XVIII вв. образ Швеции-Медведя используется О. Гермелином в панегирике «Ad Carolum XII, Svecorum Regem, de continuando adversus foedifragos bello» (1706 г.) [422]. В названии стихотворения О. Рудбека-сына, написанного по случаю смерти Карла XI и вступления на престол Карла XII (1697 г.), гово-

рится, что «Черное северное траурное небо очищается» и становятся видны «двенадцать сверкающих северных звезд»; в самом стихотворении называются 11 (покойный король Карл XI) и 12 (новый король Карл XII) звезд, а их расположение связывается со «шведским» созвездием Малой Медведицы. По этой причине текст панегирика предваряет изображение сидящего на спине той же Малой Медведицы покойного Карла XI[423].

Правда, в Швеции в начале XVIII столетия медведь ассоциировался и с Россией (при том что орел в поэзии шведского барокко обозначал не Россию, а Австрию[424]). В поэме А. Стобаеуса «Нарва» о Петре говорится, что он, подобно Теромедону, «будет насыщать медведей и диких львов человеческой кровью»[425]. У Овидия (откуда Стобаеус заимствовал этот фрагмент) о скифском царе Теромедоне сказано, что он поил человеческой кровью львов, чтобы они стали еще более свирепыми (в данном контексте лев не имеет никакого отношения к шведской государственной символике), о медведях же в источнике не говорится ничего, и, по всей видимости, в текст Стобаеуса медведи введены как русская реалия. В анонимной «Победной песне», посвященной разгрому русской армии под Нарвой, сказано, что Карл «голыми руками одолевает дикого Медведя и убивает двуглавого Орла»[426], а в «Новом медвежьем танце» (1701) медведями названы все враги Швеции[427]. Точно также в вышедшей в 1738 г. «Саге о Медведе, Тигре и Волке» Медведь оказывался одним из зверей, в начале столетия напавших на шведского Льва[428].

Таким образом, ни русский, ни шведский материал не дают основания говорить об осознанной стихотворной полемике современных друг другу шведских и русских поэтов, издание шведского или русского стихотворения не влекло за собой незамедлительного стихотворного ответа с противоположной стороны. Как таковая русско-шведская полемика в XVIII в. существовала, но на стихотворство не распространялась: по словам Юста Юлия, триумфальные шествия в России были ответом на триумфальные шествия в Швеции, некоторая идея «...была заимствована Царем из рисунка одной серебряной медали, выбитой по распоряжению Шведского Короля»[429], а во время войны 1788–1790 гг. в обеих странах печатались ответы на политические заявления противников (об этом ниже). Если Ломоносов и создавал стихотворный «ответ», то не на шведское стихотворение, а на реляцию, сочинение исторической тематики и т. п.

Однако один пример стихотворной полемики авторов-современников все-таки существует, и принадлежит он не русской (как показывает пример стихотворений Ломоносова и Петрова), «отвечающей» на шведские стихотворные заявления, а шведской поэзии. Автором ответа на русское стихотворение является Э. Сведенборг.

Во время своего пребывания в 1721 г. в Голландии он стал свидетелем организованных русской стороной торжеств по случаю заключения Ништадтского мира. Тогда же Сведенборгу стало известно посвященное этому событию русское стихотворение на латинском языке. Письмо Сведенборга Э. Бензелиусу-младшему от 12 декабря 1721 г. содержит следующий постскриптум: «В Голландии русским министром была устроена великая иллюминация по случаю мира. Я был в Гааге, когда князь Куракин запустил горы огня и реки вина. В связи с этим может читаться это стихотворение»[130]. Далее приводятся оба сочинения: русский источник и парафраз Сведенборга.

В исходный русский текст шведский автор вносит небольшие изменения и сопровождает свое стихотворение комментариями. Так, например, в оригинале сказано, что на место Марса, т. е. войны, приходит Мир. У Сведенборга же на место Марса, то есть Карла XII, приходит царь, и, таким образом, изображенная в русском стихотворении идиллическая картина мира в шведском стихотворении превращается в картину поражения Швеции. В русском источнике говорится, что вместо рек крови теперь потекут реки Бахуса, в своем парафразе Сведенборг разъясняет, что Бахус – это русский бог.

Кроме стихотворения Сведенборга, Ништадтскому миру посвящены изданные в 1721 г. стихотворения В. Крузе (Kruse), Е. Бурмана (Buhrman) и С. Бреннер (как и вышедшая в том же году в Стокгольме ода «На мирный договор...», написанная на немецком языке), а также несколько анонимных шведских панегириков. Основная идея этих произведений формулировалась в их названиях: «После двадцатилетней войны, причинившей много несчастий и печалий, Божьей милостью...» заключен мир (Бурман), или «На окончание кровавой войны» (Крузе), и только это обстоятельство, а не итог войны, вызывало радость панегириста. А в шведских стихотворениях, созданных во время русско-шведской войны 1741–1743 гг. о Ништадтском мире говорится как об унизительном и навязанном: «Как будто Швеция забыла свое древнее Мужество, Отвагу и Силу, когда в Ништадте ее приговорили вечно поклоняться миру, но пра-

вильнее сказать, принуждению»[431] («Мысли всякого честного шведа по поводу объявления войны царю России»).

* * *

Большинство шведских панегирических сочинений на русскую тему и, соответственно, русских панегириков на шведскую тему XVIII в. были написаны во время русско-шведских войн. Естественно, в русской и шведской литературе военные события трактовались по-разному: в случае поражения авторы отказывались их признавать, находили оправдания, прославляли храбрость своих солдат или попросту замалчивали. Зато любой военный успех сопровождался появлением многочисленных победословий.

Большая часть вышедших в России и Швеции епиникионов XVIII в. посвящалась своей главной победе во всех русско-шведских войнах: в Швеции – Нарвской битве 1700 г., в России – Полтавской битве 1709 г. При этом каждая сторона считала свою победу более важной, чудесной и блестящей, чем победа противника. Отголоском этой полемики является изданная в 1840 г. «Поездка в Швецию в 1839 г.» Ивана Головина, где содержится следующее описание памятника Карлу: «У ног лошади Карла XII лежит меч Петра Великого с Немецкой надписью (Карл XII и малая его дружина с помощью Божией обратила Русских в бегство). Не троньте его и не печальтесь! Пусть этот меч напоминает Шведам их Нарвское торжество; нам напоминает оно Полтавское, которое тем славнее, что оно следовало за Нарвской битвою, победа за поражением»[432].

Вместе с тем, Северная война начиналась для России с Нарвской катастрофы (правда, в Записках Желябужского это сражение представлено едва ли не как победа: «И после того в скорых числах пришел король Шведский с конницею и с пехотою под Ругодив, под обозы наши, в четвертом часу дни, и был бой великий и за помощию Божиею их, Шведов, из обозу выгнали... И в ночи генералы учинили по договору мир. И ноября в 20 день из-под Ругодива из обозу пошли с знамены и с ружьем без пушек, покинув пушки и казну, и шатры, и полатки, и все свои скарбы. И Шведы за миром ружье у ратных людей обрали и всю пехоту грабили и ругались всячески, и от страха и ужаса многие потонули в реке Нарове»[433] (непонятно, правда, почему после того, как атака врага была отбита, между генералами был заключен столь странный мир).

В Швеции печатались рассказы очевидцев этого события: так, в 1701 г. в Стокгольме была издана книга под названием «Истинное

изложение и правдивый рассказ генерал-лейтенанта и обер-инженера Людвига Никола фон Алларта, который после счастливой помощи Нарве был пленен, о русском царе и ужасном испуге его народа». Издавались сочинения, в которых доказывалась неизбежность победы Карла над врагами, например «Краткое размышление» о том, как «Всемилостивейший король Карл XII против своих злостных, вероломных и бессовестных врагов – русских» сражался и одержал победу[434] А. Гоединга (Goeding).

Вероломными побежденные под Нарвой русские названы и в «Правдивом рассказе о прибытии русских пленных в Стокгольм»[435] (Стокгольм, 1701), и в названной выше поэме Стобаеуса «Нарва». При этом в русских текстах первой четверти XVIII в. шведы также были представлены вероломными соседями, каковыми они себя показали еще в начале XVII в. В «Ключе дому Давидову» (М., 1722) Гавриила Бужинского по этому поводу говорится: «Показалося у близкого соседа помощи попросить у короля шведского; но сей вместо помощи пущее сотворил озлобление и истинно зде левскую хищную изъявил ярость: разорил неправедно многия, многия же похитил во власть свою провинции Российския»[436]; в «Слове о победе, полученной у Ангута» (СПб., 1720), в частности, отмечается: «Прия не едино озлобление корона Российская от короны Свейской, что бо вероломный сотворил Иаков Делягардие в помощь призванный, но вместо помощи обиду сотворивый»[437].

В русских и шведских текстах эпохи Северной войны вероломство и «неправедность» неприятеля рассматривались как главная причина его наказания, победа же воспринималась как удовлетворение иска: «Бог, превысочайший судия, сей прият тя в праведное свое защищение: обыкновенно есть в человецех, яко егда един от другаго обидим бывает или озлоблен, тогда обидимый прибегает к судиам на то установленным, просит праведнаго суда и розыска, якоже судии сотворят, тако и бывает»[438].

Точно так же для немецких авторов издававшихся в начале XVIII в. «известий» блестящая и легкая победа Карла доказывала, что под Нарвой не обошлось без вмешательства свыше: «Если бы это были только одни москвитяне, то никто бы, знакомый с храбростью и военным искусством шведов, этому не удивился, но так как офицеры были большею частью немцы, шотландцы, датчане и из других известных своею храбростию наций, то это еще удивительнее и скорее должно почесться за дело божеское, чем человеческое»[439]. Правда, в тех же «известиях» находилось другое, нежели вероломство русских, обоснование Божьего гнева: они «пре-

ступили границы, назначенные самим Богом их государству, и поэтому не могут иметь никакой удачи» [440]. Точно так же в Швеции нарвский триумф объяснялся не только правотой, но и богоизбранностью шведов: не случайно в шведских сочинениях, посвященных этой победе, часто приводится девиз Карл XII: «С Божьей помощью» (Med Gudz hjelp), а боевым кличем каролинских солдат был «Бог с нами» («Gud med oss») [441]. Однако независимо от причин поражения русских, нарвская битва воспринималась европейскими протестантами как самая нелепая и неудачная из всех известных в мировой истории осада: в одном из немецких сочинений говорилось, что «впредь, если захотят изобразить несчастную осаду, то будут называть ее нарвской, и про потерпевшего поражение будут говорить, что с ним случилось то же, что с московитами под Нарвой, как в старину говорили: “С ними случилось то же, что с швабами под Лукой”» [442].

Разгром русского войска под Нарвой нашел самое широкое отражение в шведской панегирической литературе начала XVIII столетия. Этой победе посвящались стихотворения известных шведских поэтов, Г. Дальшерны (Dahlstierna), О. Рудбека (Rudbeck), С. Бреннер (Brenner), К. Гюлленборга (Gyllenborg), Л. Шернельда (Stiärneld), Э. Аурелиуса (Aurelius), К. Слеина (Slein), А. Спарфельда (Sparrfelt), Е. Экваллля (Ekwall), Ю. Дийкмана (Dijkman), многочисленные панегирики на латинском языке, например стихотворения О. Гермелина (Hermelin), А. Руделиуса (Rydelius) и Х. Шредера (Schreder), а также огромное множество рукописных анонимных латинских текстов [443]. Характерно, что главное, как следует из названия, шведское сочинение, посвященное нарвской победе, поэма А. Стобаеуса «Нарва», написана не на шведском, а на латинском языке.

В России же большинство победословий Северной войны, в том числе посвященных Полтавской победе, издавалось на русском языке. Если же русский автор создавал латинский панегирик, то, в отличие от шведских писателей, указывал причины, побудившие его обратиться к латинскому языку. Например, в предисловии к «Панегирикосу, или Слову похвальному о преславной над войсками свейскими победе Петру Первому, Всероссийскому Монарху, Богом данной» Феофан Прокопович пишет: «А понеже сия вещь всемирнаго прославления достойная, достойна есть от всех повсюду чтома и слышана быти, того ради сие же мое Слово по твоему Монаршому благоволению и на язык Латинский, яко всей Европе общий, преведох». Кроме латинских панегириков, в

Швеции после Нарвы и в России после Полтавы издавались стихотворения европейских авторов на разных европейских языках: в Швеции выходили издания, представляющие собой перевод одного стихотворения на различные европейские языки (например, «Эпическая песнь... на победу и одоление» [144]), а также отдельные, как правило анонимные, стихотворения немецких и французских авторов [145], в России в 1710 г., например, было издано голландское стихотворение И. Алкемаде, правда, в сопровождении русского прозаического перевода [146].

В шведских панегирических текстах конца XVIII столетия наряду с Нарвой упоминается Полтава, и описываются эти битвы в порядке возрастания их истинной, по мнению шведского панегириста, важности. Так, в «Оде шведской армии» (1788) Нордфорсса о Полтаве говорится лишь потому, что там Герой «жестокую рану... от смертоносной пули получил», зато далее отмечается, что под Нарвой стояло «миллионное русское войско», в то время как шведская «немногочисленная армия провозгласила имя Героя под стенами Нарвы к бессмертной славе» [147].

В свою очередь для русских панегиристов хронологическая последовательность этих сражений соответствовала их исторической значимости. В соответствии с логикой русских авторов XVIII в. (не только его первой четверти), на фоне неудачного начала Северной войны особенно выделялись позднейшие русские успехи. Так, в поэме Ломоносова «Петр Великий» о Полтавской битве сказано: «Уже не Нарвская, о Готы, вам удача, // Не местничество здесь и не оплошный крой, // Не старой брани вид, не без порядка строй. // Великий правит Петр рожденное им войско // И Шереметева рачение геройско» [148]. В «Слове в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного... благодарения о состоявшемся вечном мире между Империею Российскою и Короною Шведскою» (1743) Стефана Калиновского в связи с русско-шведской войной 1741–1743 гг. говорится о Полтаве и при этом упоминается поражение под Нарвой.

Сравнение этих двух сражений приводится в не панегирическом и даже требующем комментария русского переводчика «Разсуждении Фридерика II, короля Прусскаго, о свойстве и воинских дарованиях Карла XII»: «Двенадцать тысяч Шведов атаковали пост, защищаемый осмьюдесятью тысячами Московцев, которые не были уже более то дикое Карлом при Нарве разсеянное сборище» [149]. При описании Нарвского разгрома Фридрих выражается еще резче: «Армия их была многочисленна, но была ни что иное как сборище

худо вооруженных варваров, без устройства и без хороших начальников» [150] и, в отличие от войска, принимавшего участие в Полтавской битве, никаких шансов на успех не имела.

В то же время на протяжении XVIII в. шведские произведения, специально посвященные Нарвской победе, не создавались: основная их масса вышла в 1700–1701 гг., и впоследствии некоторые нарвские панегирики переиздавались в составе сочинений исторического содержания или поэтических антологий. Так, стихотворение «Простые и большие, мужчины и женщины обязаны серьезно обдумать, как они могут... восхвалить Короля... после прекрасной и замечательной победы Карла XII, добытой в сражении против Московского царя» (1700 г.) С. Бреннер было напечатано в указанной выше истории походов Карла XII Дрюандера, изданной М. Блоком в 1709 г. В «Собрании» К. Карлссона 1737 г. приводится стихотворение Гюлленборга «На великую победу... под Нарвой» и несколько других стихотворений каролинской эпохи, посвященных победам Карла XII. Конечно, составителя этой антологии в первую очередь интересовали художественные достоинства шведских поэтических сочинений, однако «нарвские» тексты составляют здесь отдельный тематический раздел. Произведение, специально посвященное Нарве, «Слово о марше Карла XII к Нарве» Гельера (Geljer), появилось лишь в первой четверти XIX в., в 1818 г., и было посвящено столетней годовщине гибели шведского короля.

В России же сочинения, посвященные Полтавской битве, выходили в течение всего столетия: например, «Слово похвальное о баталии Полтавской» (СПб., 1717) Феофана Прокоповича, «Слово благодарственное о победе под Полтавой» (СПб., 1720) Гавриила Бужинского, «Слово при высочайшем присутствии Благочестивейшия, Христолюбивыя, Порфирородныя Государыни Нашея Ея Императорскаго величества венценосныя Елисаветы Петровны, Самодержавнейшия Монархини всея России, Проповеданное в викториальный день восприятия высокославнейшим Монархом Петром Великим победы под Полтавою» (М., 1743) Владимирского Рождественского монастыря архимандрита Платона Петрунковича, или «Ода Елизавете Петровне, сочиненная на торжественное воспоминание победы Петра Великого над Шведами» (СПб., 1751) М. М. Хераскова и т. д. [451]

Нарву же без связи с Полтавой в России старались не вспоминать. В некоторых сочинениях конца столетия встречаются намеки на мужество гвардейских полков под Нарвой, но не больше (в предисловии к комедии И. А. Кокошкина «Поход под шведа» (СПб.,

1790) про выступившую гвардию говорится: «Оправдали они свое усердие, оправдали доверенность Монархини и утвердили навеки то громкое имя, какое в начале столетия гвардия заслужила»). Тем более нарвский разгром не упоминался в сочинениях, созданных сразу после сражения. Исключением является созданная вскоре после сражения проповедь Димитрия Ростовского, в которой он «указывает на необходимость испытаний и труда для будущих успехов и на силу молитвы» [452].

В свою очередь Полтавская катастрофа становилась темой сочинений шведских поэтов первой четверти XVIII в. Так, постигшему шведов несчастью посвящен рукописный «Epinicion» [453] (1712) Ю. Линдера (J. Linder), а в «Epitaphium Svecorum... occubentium» М. Реннова (Rönnow) говорится, что недавние военные успехи шведов (которые «победили Данию, Россию, Германию, Саксонию и Польшу») сделали их достойными наследниками славы древних скандинавов (которые «пришли на Дон и к Черному морю и покорили все народы») и что сейчас шведы предпочли смерть на поле сражения во имя последующих поколений, «чтобы дать им материал для будущих славных деяний в традиции их предков» [454]. В одном из анонимных шведских стихотворений, вышедших отдельным изданием в 1714 г., каждое описываемое событие сопровождается указанием на его дату: 1682 г. (рождение Карла), 1697 г. (вступление на престол), 1700 г. – Нарва, 1709 г. («Позволил Господь ночью трем врагам постучать в наши двери, чтобы каждый получил больше печали, чем раньше имел радости» [455]). Со временем в шведской литературе утвердилась мысль, что истинное величие Карла проявилось именно во время Полтавской катастрофы («здесь, в момент переворота от всемогущества к мучительным поискам средств к спасению был он особенно велик, большим героем, чем когда бы то ни было» [456] («Речь в память о Карле XII, произнесенная в Лунде по случаю столетия со дня его смерти» Ю. Пальма).

После Полтавского разгрома, в эпоху «апатии и пессимизма» (К. Юханнсон), шведские поэты писали о прошлых победах Карла: в панегирике О. Рудбека-сына 1711 г. говорится о трех сильных соседях Швеции и о том, что шведский король, несмотря на юный возраст, «разогнал объединившихся врагов» [457]. В «Поэтической эпической песне» (Гётеборг, 1715) Б. Бергиуса (Bergius) упоминаются многочисленные военные трофеи Карла [458], а в рукописном «Mutua Salutatio Carolus XII» (1715) он назван триумфатором, «разорителем московитов и освободителем Нарвы» [459]. Возвращение Карла из Турции в 1714 г. повлекло за собой издание в Швеции це-

лого ряда панегирических сочинений. Основная идея стихотворений 1714–1715 гг. сформулирована в панегирике О. Линдштейна (Lindsteen) «Яркое Солнце возвращается из мрака темной Луны» (Стокгольм, 1714): «Великий Бог оставил свой гнев! Все наши семилетние печали ушли, // Ибо нас осчастливил наш *Король»* [460]. Теперь, по мысли шведских поэтов, «наша глава вновь будет украшать угнетенное тело» [461] («Всеобщая радость Швеции» И. Бреанта) и наступит «приятнейший мир» [462] («Яркое Солнце возвращается из мрака темной Луны» О. Линдштейна). К числу наиболее заметных сочинений этого времени относятся, кроме стихотворений указанных авторов, аллегорически представляющая события Северной войны «Camena Borea» и панегирик «Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum» Э. Сведенборга, а также стихотворения А. Фолкерна (Folkern), Н. Квистберга (Quistberg; правда, его чрезвычайно эмоциональное произведение 1715 г., где упоминаются «датское насилие и русские прожорливые глотки», посвящено не возвращению, а именинам Карла) и некоей Алетеи С... (Aleteja S..; на немецком и шведском языках).

Таким образом, темой и русских, и шведских сочинений XVIII в. стала великая победа и катастрофическое поражение; при этом в победословиях, создававшихся в обеих странах в начале XVIII столетия, встречаются схожие идеи, фигурируют одни и те же мифологические, библейские, «естествословные» и сказочные персонажи. Сопоставление бытовавших в русских и шведских произведениях первой четверти XVIII в. «победных» формул, идей и сюжетов позволяет выявить некоторые характерные особенности, присущие панегирической литературе каждой из воюющих стран.

* * *

В *русской и шведской литературе* рубежа XVII–XVIII вв. активно использовались «пространственные» «победные» формулы [463]: говорилось о расширении государства, о вселенской славе монарха, о вовлечении в орбиту его деятельности отдаленных народов и т. п. Шведские авторы обращали внимание на величие и всемирную известность Карла: «великий Король велик на Севере, также велик в целом Мире» («Всеобщая радость Швеции» [464] (Стокгольм, 1714) И. Бреанта), о завоевании других стран писали, как правило, авторы-иностранцы: так, в стихотворении на французском языке «К бессмертной славе Карла XII» шведский король уподоблялся Александру, который «в тридцать лет завоевал землю», и

Цезарю, «покорившему полмира» [465]. Точно так же (возможно, из политических соображений) авторы некоторых русских текстов, посвященных Азовской победе, о расширении государственных границ России старались не говорить. Так, в панегирических стихах А. Виниуса Лефорту и Шеину слово «расширение» встречается неоднократно, но ни разу в связи с государственными границами России: «страх велий в Азове и всюду расшириша», «преславные твои дела повсюду расширяем», «где ныне гордость их [турок. – *М. Л.*], яже в высость восходила, // Во все три части мира пространство расширила?», «и двалетние труды всего преславна воинства // Сими враты победны повсюду расширяем» [466]. Правда, в своем большинстве русские панегиристы первой четверти XVIII в. одинаково охотно рассказывали о славе российского монарха и о приобретении Россией новых территорий.

На первый план эта тема вышла в русских победословиях Северной войны, созданных через несколько лет после Полтавы. Например, в одном из анонимных рукописных епиникионов утверждалось: «Веселися светло, ты храбр многолетно, // Враги побеждая, царство сам с сыном расширяя», и далее: «Вся расширяя, грады велицы устрояяй» [467], а в предисловии к «Богомыслию» И. Гегарда (Чернигов, 1711) содержится следующее обращение к Петру: «Православный Монархо, милостивый Царю, // Многих земель широких славный Государю, // Распространяй державу от конец до конец, // Возложит ти на главу прещедрый Бог венец». Хотя, по мысли русских панегиристов, отдаленные области не только присоединяются к России, но и следят за ее военными успехами: «Восток и Запад, Юг и Север возвестят // Концы земли весде сие слово говорят: // Прекрасный государь войну так учреждает, // Да неприятеля сщастливо побеждает» [468].

При этом одна из наиболее часто употреблявшихся в произведениях, созданных после военных побед или с конкретными военными событиями напрямую не связанных, но повествующих о могуществе российского монарха, победных формул – «царская власть распространится до конец земных» – использовалась и в послеазовских, и в послеполтавских русских победословиях. В «Славе торжеств и знамен победных» (Амстердам, 1700) И. Копиевского говорится, что после взятия Азова «власть до конец земленых прииде такоже» [469]; в стихотворном послесловии к «Синаксарю» (Чернигов, 1710) – что «Благонадеждны вскоре тако собудется, // До конец земли Царска Рука распрострется» [470]. Затем в «Синаксаре» указывается последовательность приобретения российским царем

новых территорий: «Стопы лев Свейск за морем восточным немеет, // Благочестивый царь Петр тамо всем владеет. // К западу обратися на побеждение, // Узрит всей свейской земли порабощение» и «Егда приймет Стеколно, Свейскую столицу, // От Запада до Востока распрострет Десницу»[171].

Вместе с тем? эта «победная» формула встречается в русских текстах, созданных в самом начале Северной войны, сразу после Нарвы, например в «Книге, учащей морскому плаванию» (Амстердам, 1701) А. Деграфа. Это учебное пособие начинается с обращения к «читателю благочестивому» И. Копиевского, в котором, в частности, отмечается: «Пресветлейший и Великий Государь наш паче всех царей земных зело прославися великою своею премудростию и силою, наполняя государства свои людми, а моря кораблями, сицево же дело от века несть слышано, десница убо всемогущаго Господа Бога возвеличи Его царское Величество яко Величество Великого Государя возвеличися и досяже небес и власть до конец земных, узрят сие вси людие, племена и языци и убоятся и потрясутся от лица Его Царскаво Величества, видяще, яко не точию государствы и землями многими, но и морями всеми владеет, не токмо Хвалынским, и Черным, и Белым, но и Океан весь наполнен будет вкратце кораблями»[172].

Тема распространения власти российского царя «до конец земных» нашла отражение в вышедшей одновременно с переводом книги Деграфа поэме А. Стобаеуса «Нарва» (1701), однако в шведском сочинении говорится о неспособности потерпевшего поражение Петра осуществить свои планы, и таким образом создается панегирик шведскому королю. Точно так же замечание русского автора «Изъявления фейерверка» (М., 1709–1710), что Карл «...помышлял северным царем быть, а потом и универсальную (то есть общую, или единовластие вселенной) монархию себе учинить»[173] перекликается с фрагментом французского стихотворения «К бессмертной славе Карла XII», где Карл сравнивается с Александром и Цезарем – завоевателями мира.

И Копиевский, и Стобаеус говорят о могуществе российского царя как об исходной точке, основании для нового этапа его деятельности и отмечают, что будущее России Петр связывает с обладанием всеми морями. Но, в отличие от Копиевского, полагающего, что Петр занят «наполнением» своих морей кораблями, шведский автор утверждает, что после всех успехов русский царь захотел приобрести Балтийское море и именно поэтому начал осаду Нарвы. В поэме Стобаеуса эриния Тисифона обращается к Петру

со следующим призывом: «Теперь, когда тебе принадлежит так много полей, так много рек, так много лесов, так много земель, так много морей, и волны Белого моря признают в тебе великого господина; теперь, когда тебе подчинен Дон на побережье Черного моря и открыт путь к морю Азовскому, теперь, когда Волга, смешивающаяся с Армянскими волнами, допускает тебя в Персию, теперь, когда три моря лежат открытыми для тебя в различных пределах мира, когда тройной океан открывает свои барьеры, почему бы тебе, столь ужасному правителю, не добавить к этим обширным владениям, что пока еще не достойно столь великого императора, четвертое море? Балтийское море долго ждало, чтобы принадлежать столь почтенному владельцу, так, чтобы ты мог через него плыть с московитским флотом, пересекать мир и господствовать на остальной части вселенной. Это – легкая задача, и она будет достигнута, как только падет Нарва» [474]. В этой «речи» допускается возможность наполнять «тройной океан» русскими кораблями, но Петр, вняв совету Тисифоны, желает приобрести четвертое море.

Характерно, что и в русском, и в шведском текстах принадлежащие России моря пересчитываются и перечисляются. При этом в русском предисловии, написанном после нарвской катастрофы, на отсутствии в этом списке Балтийского моря акцент не делается, Стобаеус же этот факт, естественно, отмечает.

В отличие от лаконичного русского предисловия, в шведских текстах, повествующих о наполнении морей кораблями и о достижении «краев земли», содержатся обстоятельные рассуждения о развитии национальной торговли и о возможности поставлять сокровища в метрополию. Особенно четко эта мысль выражена в другой латинской панегирической поэме А. Стобаеуса – «Augur Apollo», написанной в 1672 г. и посвященной восшествию на шведский престол Карла XI: «Стокгольмские суда покроют целое море, быстроходные парусники пойдут по всему океану, служа готам; эти суда вышли из Северного моря...», далее речь идет о сокровищах Индии и золоте Америки, перечисляются многие другие страны и континенты, которые принесут огромные богатства «счастливому Стокгольму, вознесшему под небеса цитадель гиперборейского мира» [475] (в русском тексте небес достигнет «Величество Великого Государя»). В результате, «наполненная сокровищами экзотических стран казна переполнится, и магазины будут блестеть невиданным светом» [476].

При этом о страхе других государств перед могуществом Швеции речь здесь не идет. «Желтого креста на голубом фоне»

будут бежать враги, мешающие торговле, в первую очередь пираты. Кроме того, бояться шведов будут обитатели «концов земных»: «Скипетр Готского монарха пугает людей Ливии и Индусов на границе мира. Так, победоносные корабли поднимут свои паруса для благоприятных южных ветров и, сопровождаемые богами, они пройдут море... пересекая волны океана, достигнут известных побережий, прибудут к родным городам и заполнят гавани бесчисленными моряками»[477].

Начиная с 1710-х гг. и на протяжении всего столетия появление огромного российского флота стало одной из основных тем европейских сочинений (в том числе и шведских), посвященных правлению Петра. В «Феатре, или Зерцале монархов» (Амстердам, 1710) Наузеизиуса говорится, что о Петре Гомер писал бы иначе, чем об Агамемноне, имеющем 1 000 кораблей. В русском переводе «Записок» Страленберга сказано, что одной из величайших заслуг Петра является «учреждение же толь изряднаго флота на всех четырех морях, берегами России касающихся, сего прежде в России не токмо не видано, но мало и слыхано»[478]. В оде Х. Ш. Норденфлюхт Павлу Петровичу (1760) «храбрый отец» Елизаветы Петровны называется «русским Миносом».

Естественно, эта тема получила свое развитие и в русской литературе: например, в «Слове на погребение Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссийскаго Отца Отечества» Феофана Прокоповича говорится: «Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления всея вселенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до последних океана, до предел ползы твоея, до предел, правдою полагаемых...»[479]. Перекличка между этим пассажем и отмеченным фрагментом предисловия к книге Деграфа несомненна: Копиевский говорит о начале укрепления власти на суше и на море, Феофан – о завершении процесса (эта тема была подхвачена последующими русскими панегиристами: в «Слове о действии мужества в день Александра Невского» (1775) проповедника Московской Академии (впоследствии архиепископа Тверского) Иоасафа (Заболоцкого) отмечается, что Петр «единым мужеством сделался на земли превосходен, исправен на водах силою и славою военною и тем устрашил вселенную»[480]).

Правда, в отличие от Копиевского, который о положении дел на суше говорит как о вполне благополучном, Феофан утверждает,

что «застал он в тебе [в России. – *М. Л.*] силу слабую и зделал по имени своему каменную»[481], «власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкою и постоянную сотворил»[482]. Точно так же, если, по Копиевскому, начало создания российского флота логично и вытекает из всех предшествовавших этому событию успехов Петра, Феофан в «Слове о состоявшемся мире» отмечает: «Когда нужда настала прилежно смотреть, как бы целость отечества сохранить от столь сильных супостатов, было ли время и помыслить строить многотрудныя и многоценныя флоты? Помышлено и сделано»[483].

Таким образом, в победословиях Петровского времени неудачи Петра в начале царствования лишь подчеркивали последующие его успехи (говорилось ли о конкретном нарвском поражении или об общей ситуации в стране). При этом, по мнению Феофана, в самих неудачах Петр неповинен: слабой Россию он «застал»[484].

Можно предположить, что Феофан знал книгу Деграфа, был знаком с предисловием Копиевского, говоря в «Слове на погребение» о цветущем положении современной России, отталкивался от русского текста 1701 г. и использовал некоторые фрагменты интересующей нас «победной» формулы. При этом в книге Феофана эта формула упоминается (хотя нельзя не учитывать возможность простого совпадения), но не цитируется.

Говорить о происхождении этой формулы очень сложно, в Библии в том виде, как у Копиевского, она не встречается (хотя отдельные ее элементы обнаруживаются в Псалтири (21:28; 47:11; 97:3), в Книге Иова (26:24), Иеремии (25:31), Захарии (9:10). В то же время в русской панегирической литературе XVIII в. указанная формула, вне всякого сомнения, бытовала: после издания книги Деграфа она дословно повторяется в рукописном «Слове на день рождения Елизаветы Петровны» (1746 г.): «...величество твое возвеличися и досяже небесе и власть твоя до конец земли»[485].

* * *

В русских и шведских панегириках времен Северной войны имена героев античной мифологии и истории встречаются чрезвычайно часто; при этом и в русских, и в шведских текстах отдавалось предпочтение одним и тем же персонажам и сюжетам. Так, в панегирике Э. Сведенборга «Festivus applausus» (1714), посвященном возвращению Карла из Турции в Шведскую Померанию, упоминаются спасенные королем Андромеды – осажденные врагами,

но освобожденные Карлом города[486]. В русской поэзии начала столетия Персеем назывался, естественно, Петр или Россия: «Стенаше Ижерская земля зверю свийску // В снедь повержена, даже воставшу российску // Персеушу, свободна ныне ся являет, // Егда зверь три города нуждне изблевает» («Торжественная врата, входящая в храм безсмертныя славы непобедимому имени». М., 1703).

В русских и шведских литературных произведениях начала XVIII столетия постоянно называются «чудовищные» мифологические персонажи: гиганты, пораженные Юпитером («In victoriam Narvensem Hyperborei Monarchae Caroli XII vere Magni a foedifragis Moscis die XX Novembr. MDCC gloriosissime obtentam»[487] М. Реннова, «зверь», убитый Персеем («Торжественная врата...»), гидра, побежденная Геркулесом («Его царскому величеству на недавнее завоевание кораблей»[488]), а позднее и Бриарей, сын Урана и Геи, имевший 50 голов и 100 рук («Ты Бриарея победила, // Главу его в прах сокрушила»[489]). В русских текстах упоминалась химера, существо, состоящее, кроме прочего, из львиных и змеиных фрагментов и поэтому, по мысли русского панегириста, как нельзя лучше подходящее для обозначения Швеции: «перед львиный, зад козлищ, хобот змии ужасный, // Образ сей есть хитраго хищника прекрасный»[490].

Многие из встречающихся в русских панегириках мифологических существ были описаны в различных естественнонаучных сочинениях (например, в рукописной «Книге, глаголемой естествословной») и представлены как обитающие на границах вселенной. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии» сказано: «Во образ его царскаго пресветлаго величества страшнаго иным народам шведа победившаго: ему же в похвалу сие написахом: Крепчайшему варяжскаго моря обладателю и гнездящихся окрест его свейских лютых зверей и дивов победителю и смирителю»[491] (в свою очередь во французском панегирике Карлу XII 1703 г. «Портрет Карла XII, короля Швеции» появление чудовищ связано с конкретными мифологическими событиями: «монстров обуздал своей силой» Геркулес, то есть Карл XII[492]).

Правда, выявленные при сопоставлении русских и шведских текстов, содержащих упоминание мифологических героев, отличия носят принципиальный характер. В России для сравнения со шведами выбирались гордые, самоуверенные или хитрые персонажи. В «Торжественных вратах, входящая в храм безсмертныя славы непобедимому имени» описывается изображение истребления сыновей Ниобы: «верху из облаков Аполлон и Диана состреляют

сыны прегордыя Ниобы, сиречь свейския земли, яже и множеством и крепостью сынов своих ратных людей гордящаяся, множайших и честнейших в сей брани»[193]. Популярность в России сюжета о Фаэтоне хорошо известна[194]: «Иже ся в уме своем силна быти мняше // И аки бы Фаетон мир вжещи хотяше // Славою и мужеством множайшия силы // Падет же поражен Орла росска стрелы»[195], «Кто выше Орла хощет летать, давлеет иметь опасение от гордыя дерзости горчайшия овощи, аки Икар и гордый Фаетон»[196], или «Фаетон (из фабул или лжей овидиушовых), которой не по своей силе и чину захотел солнце везти, за которое его гордое дерзновение Юпитер громом убивает» («Изъявление фейерверка». М., 1709–1710). Достаточно распространенным было уподобление Карла «хитрому Какусу»: «Хитрый бе Какус, но глас крав не заклепа // Явил хитрость, тако тех лишен и вертепа. // Что Бог творит: зря шкоду, Геркулес Российский // Приближися с военным промыслом под Свийский // Вертеп»[197]. В свою очередь в шведских текстах встречаются Харибда[198], чудовище, пораженное Персеем[199], или Актеон[500].

Однако самым популярным мифологическим героем, встречавшимся в русских и шведский текстах и отождествлявшимся с Петром и Карлом, был Геркулес. При этом в шведской литературе Геркулес появляется уже в XVII в.: в панегириках шведским королям с ним сравнивается Густав Адольф и Карл XI, в напечатанных при королеве Христине придворных балетах действуют нимфы, Аполлон и Геркулес, в поэме Шернъельма «Шведский Геркулес» этот герой символизирует Швецию, в «Атлантике» Рудбека Геркулес назван сыном бога Тора и имеет шведское происхождение (в той же «Атлантике» рассказывается, что на собиравшемся в связи с рождественской ярмаркой рикстаге шведский король спрашивал у крестьян, кто во время летнего похода должен быть их вождем, или «Här-kulle» (här – войско, kullen – голова), а выбранный полководец получал имя Härkullen[501]); в панегириках XVIII в. Геркулес встречается и в «Ad Carolum XII» О. Гермелина, и в «Camena Borea» Э. Сведенборга, и в книге М. Реннова (Rönnow) «Hercules Genuinus Carolus Duodecimus Magnae Scandinaviae Imperator» (Holmiae / Stockholm, 1707), и в «Panegyricus illustrissimo» А. Гоединга (Goeding), где Карл XII назван «последователем великого Геркулеса»[502]. В шведских панегириках Карл не только достигал славы Геркулеса, но и превосходил его; так, в посвященной гибели шведского короля «Печальной эпической песне» (Упсала, 1719) О. Рудбека-сына говорится, что «когда взрослый

Геркулес не мог противостоять двоим, молодой и невзрослый Карл легко побеждал троих»[503].

Естественно, среди сюжетов, связанных с Геркулесом, русские авторы отдавали предпочтение его поединку с Немейским львом (в «Руке риторической» (1705) Стефана Яворского «попущение» иллюстрируется следующим примером: «уже ныне шведский лве одесную твою простирай гортань; челюсти ненасытныя раззияй; похищай корысть многим кичением изысканну и возимееши зверю ныне твоего обуздателя Ираклиа Российскаго»[504]); шведские – с различными чудовищами: гидрой или Цербером. Нередко шведские панегирические тексты сопровождались изображением Геркулеса: на одной выполненной карандашом иллюстрации к рукописному латинскому стихотворению Геркулес ведет огрызающегося трехголового пса; на картинке, украшающей изданный в 1686 г. панегирик Карлу XI, Геркулес представлен лежащим под коронами и одетым в рыцарские доспехи, под рисунком читается подпись на латинском языке: «Шведский Готский Геркулес в колыбели»[505] («Sueco Gothorum Hercules ante Cunas»; надо понимать, что речь здесь идет о Геркулесе-младенце, в колыбели задушившем чудовищных змей). В книге Нордберга «История Карла XII» напечатано изображение Геркулеса, поражающего трехголовое чудовище-Цербера и, на фоне Нарвы, многоголовую гидру.

* * *

Как известно, в России в Петровское время интерес вызывали «дивии» существа и встречающиеся в окружающей жизни курьезы: люди с двумя головами, несколькими конечностями и т. п.[506] Возможно, поэтому в русской панегирической литературе некоторые эпитеты, призванные прославить российского монарха, могли вызывать нежелательные ассоциации, и в таком случае автор был вынужден специально оговаривать недопустимость сопоставления царя с человеческими уродами. Так, рассуждая о многогранности талантов Петра, Феофан Прокопович замечает: «А где уже онии римскии Квинтии и Фабрикии, которыми удивляются историки, что бывше на время Диктаторы, не возгнушалися паки трудитися в земледелии. Помрачил славу их Петр, который купно и скипетр, и меч, и древоделная орудия носит: не урод телом, но велик делом, многоручный нарещися достоин»[507]. Однако чаще в русских и шведских панегирических сочинениях о физических аномалиях писали в связи с монархом вражеской страны.

Так, говоря о бегстве из-под Нарвы Голиафа, шведские авторы имели в виду российского царя: «...здесь побеждает Давид, который юн годами: первым бежал Голиаф...» (Narva Triumphans)[508]. Вероятно, здесь создавалась оппозиция: юный Карл – огромный Петр. В свою очередь русским панегиристам о физической «ненормальности» шведского короля позволяло говорить ранение Карл XII накануне Полтавской битвы. Правда, никаких ассоциаций с человеческими уродами или библейскими персонажами физическая ущербность Карла у русских авторов не вызывала, и, в отличие от сочинения Феофана, сама возможность подобных сопоставлений не учитывалась. При этом Карл (и шведский лев) был представлен не только пораженным в ногу (этому обстоятельству русские панегиристы придавали особое значение: «...сам же победителною ногою надеющийся в царствующий град внити, охромлен, побеже к варваром»[509]), но и вовсе лишенным ноги. Таким образом, *безногому* шведскому льву противопоставлялся *двуглавый* российский орел: «Орле парящи, шведа страшащи, // На лва безнога, // Ты, двоеглавный, ты, в мире славный, // – Найде тревога»[510] (кант «На Полтавскую викторию»).

В Швеции же обращали внимание на отсутствие в природе двуглавых орлов, но связывали российский государственный символ не с монструозными существами, а со сказочным драконом, которого побеждает герой (этот мотив рапространен в скандинавской эпической поэзии и в сагах: во включенной в «Старшую Эдду» песни «Речи Фафнира» рассказывается об убийстве Сигурдом змея / дракона Фафнира, а в «Саге о Рагнаре Лодброке и его сыновьях» главный герой побеждает змея, или, как сказано в исландском оригинале, «рыбу земли», драконы встречаются в «Саге о Гаральде и Бозе», «Вилькине саге», «Саге об Ингваре Видфарне и его сыне Свене»). В посленарвском панегирике «Эпическая песнь... на победу и одоление», изданном на разных языках в Стокгольме в 1701 г., говорится, что Карл «двухголового дракона низверг, и поразил...»[511] (о том, что Карл сразил в битве дракона, говорится и далее, но на количестве голов внимание уже не акцентируется).

Надо сказать, что это не единственный случай уподобления России дракону, правда, единственный – на основании внешнего сходства с чудовищным существом. В «Печальной эпической песни» (Упсала, 1719) О. Рудбека-сына с драконом сравнивается русский укрепленный лагерь под Нарвой: «Лагерь! Больший, чем крепкий город со стенами, рвами // И лучшим царским войском из 80 000 Славян, // С таранами, набитый пулями, огнем и поро-

хом, // Как дракон, плюющийся на много тысяч шагов. // Все это не ужасает Карла, великого Героя, // Который дракона уже уничтожил» [512]. В упоминавшемся выше панегирике С. Бреннер «Простые и большие мужчины и женщины...» говорится, что «Три золотых яблока хранит Славянский (Shlavonska) дракон» [513]; «Славянский (Schlavonske) дракон» встречается и в оде Далина «На резню под Вильманстрандом» [514].

Правда, в шведской литературе XVII – первой четверти XVIII в. драконом могли называться мусульманская Турция («Свет Твоего Лица сокрушит голову Дракона и всех тиранов, и никто не может стоять против твоей силы» [515] – в «Молитве против христоненавидящих врагов турок») и Папа Римский (в «Augur Apollo» А. Стобаеуса, или в «Посвящении Северному Льву» (т. е. шведскому королю Густаву II Адольфу) богемского ученого и поэта Венцеслауса Клеменса, Clemens; 1589–1636) [516]. В русской литературе дракон обозначал Турцию, Вражду (например, в описании Триумфальных ворот в Москве по случаю мира со Швецией говорится: «Дракона (вражды знамение) Орел и Лев терзают» [517]) и, крайне редко, – Швецию. Так, в «Песнопении» 1788 г. Ф. Козельского о воюющих с Россией Турции и Швеции сказано: «Поднялся лютый Готф по нем. // Се два дракона соплетенны // На зло России ухищренны» [518]. Правда, затем автор возвращается к более привычным обозначениям: «Сей чуть явит главу змеину, // Внезапно Павел отсечет, // Едва покажет паки львину, // И паки Павел ту сотрет» [519]. Однако во всех приведенных случаях сходство врага с драконом на многоглавости государственного символа не основывается, и «Эпическая песнь» оказывается единственным произведением, содержащим такого рода уподобление.

В свою очередь лев, государственный символ Швеции, в русской литературе с диковинными существами не сопоставлялся, и его поражение от российского орла изображалось лишь как потеря конечности, и не только «ноги». Так, в «Описании обоих триумфальных ворот, поставленных в честь... Елизаветы Петровны...» (СПб., 1742) Х. Крузиуса сказано: «Лев скрывается в пещеру, у которой отсеченный хвост лежит под пальмою... наша напротиву того слава наипаче из того умножается, что кичливого народа и дерзкого не только угрозы уничтожены, но еще таким образом, что чрез долгие веки стыда и безславия оной не позабудет» [520]. В русских текстах отсеченный хвост шведского льва становится знаком шведского поражения и позора. Вместе с тем, в шведской литературе и геральдике заметно то же стремление к «многочленности» госу-

дарственного символа, что и в России: так, характерной чертой изображений шведского льва, сделанных в Швеции, является его «двухвостость»: двухвостого льва составляют фигурные стихи в издании 1685 г.[521], изображение двухвостого льва сопровождает панегирик Л. Шернельда «Военные стихи и пожелание счастья на... Победу над вероломными врагами в Лифляндской стороне» [522]. При этом автор этого рисунка задействовал все конечности льва: задними лапами он попирает татарскую шапку, одной передней лапой – щит с изображением двуглавого орла, в другой передней лапе держит знамя с девизом на шведском языке: «С Божьей помощью». Таким образом, и в шведских, и в русских текстах множественность, и даже избыточность, конечностей государственного символа служила лишь прославлению отечества, в то время как потеря конечностей обозначала унижение и территориальные потери противника; при этом о физической ущербности поверженного неприятеля говорится лишь в сочинениях русских панегиристов.

* * *

Анализ некоторых тем гомеровского эпоса позволяет проследить, каким образом русские и шведские авторы обнаруживали сходство и различие между древними событиями и современностью и как описываемая современность возводилась к античной героике.

Так, в русские литературные произведения эпохи Северной войны входит троянская тема, хорошо известная в Древней Руси, в том числе из перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумно. В Петровское время эта книга была чрезвычайно популярна и несколько раз переиздавалась.

Можно предположить, что в русской панегирической литературе времен Северной войны троянская тема актуализировалась в том числе благодаря некоторым особенностям ведения военных действий: русские, как правило, выступали в роли осаждающих, шведы – защищающих города: «А шведов, сидельцев городовых, с женами и с детьми и с животы отпустили по государеву указу» [523], или «но солдаты наши... во оную крепость ворвались и в тот замок, где неприятелю доброй трактамент был» [524]. Взятие шведских городов вызвало к жизни ассоциацию, основанную на тезоименитстве Петра I апостолу Петру: «тако отворен замок ключем Петровым» [525], и далее: «Преименованный убо замок шведский в ключ российский, о коликая отворил благая» [526].

В русских панегириках шведы часто представлялись как надежно защищенная сторона безотносительно к осаде конкретного города. Так, в «Слове о богодарованном мире в день обрезания Господня 22 января 1722 г.» говорится: «Трудно сие и неудобоначинаемое дело явишеся с силным соседом, воинство регулярное искусное имущим, победами славным, хитрости исполненным, градами крепкими огражденным, лесами, болотами, каменми, реками, заливами морскими, езерами и самым морем от России заслоненным, флотом старинным защищающимся» [527] (правда, нередко в русских панегириках упоминается шведское нашествие: в «Слове похвальном о баталии Полтавской» (СПб., 1717) Феофана Прокоповича о шведах сказано как об «уже помощию Божиею прогнанных, которых нашествие горко было терпети» [528]).

С троянской темы начинается посвященный Полтавской битве «Епиникион» Феофана Прокоповича. Здесь троянская и шведская войны сопоставляются на основании их равной длительности: каждая продолжалась 10 лет, пока не совершилось решающее событие – взятие Трои или Полтавское сражение. Правда, это единственный пример, когда в русском или шведском панегирике использовалось сравнение успешной кампании с чрезвычайно продолжительной Троянской войной; Феофану, по всей видимости, требовалось уподобить нынешнюю войну великой войне древности на любом основании.

Как правило, в шведских победословиях отмечалось, что нынешний победитель одержал победу значительно быстрее, чем ахейские герои. Так, в панегирике Ю. Гейслера (Geisler) «Радостные мысли» по случаю дня рождения Карла (1709 г., напечатано в сборнике К. Карлссона) говорится, что ахейцы «десять лет под этим городом проспали», в то время как «наш король овладел Торном [1703 г. – *М. Л.*] через несколько месяцев...» [529].

В русских панегириках XVIII в. также подчеркивалась непродолжительность успешных для России войн, правда, троянские ассоциации в таких случаях не использовались. Например, в «Хвале на славы пространнаго одоления» (1709) указывалось, что одним походом «Алексеевич» превзошел Александра Македонского [530], а в русских произведениях, посвященных русско-шведской войне 1741–1743 гг. отмечалось, что, быстро победив Швецию, Елизавета превзошла самого Петра [531].

Точно так же не связывались с троянской темой и другие производившиеся русскими и шведскими авторами и касавшиеся продолжительности русско-шведской войны подсчеты. В «Слове по-

хвальном о баталии Полтавской» (СПб., 1717) говорится: «Как се досадно было им мыслити: Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страсная. Гофский народ, имя ужасное, народ гофский с Россиею девять лет борется, а еще бедно»[532]. В упоминавшемся парафразе 1721 г. Сведенборга «Дважды десять лет Север стонал от беспорядка» русского оригинала заменяется на «Север, теперь русский, стонал десять лет»[533] (Сведенборг хочет сказать, что к моменту заключения мира Россия владела бывшими шведскими провинциями уже десять лет).

Кажется, троянскую аналогию должно было вызвать взятие русской армией Нарвы в 1704 г: здесь и многолетняя осада, и предшествовавшие победе неудачи, и военная хитрость, и полный успех. В «Юрнале, или поденной росписи, что под Нарвою чинилось» (М., 1704) рассказывается, как была «вымышлена последующая воинская хитрость, дабы тем, неприятелей из города выманя знатных языков, и о сем получить ведомость», как русские на глазах у нарвского гарнизона разыграли сражение между «притворными шведами», то есть переодетыми русскими, и «нашими», и как шведы поверили в эту хитрость. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии» (М., 1704) Иосифа Туробойского этот эпизод отмечен, но так же вне какой-либо связи с троянской историей: «В верхнем крузе написахом тетерева, иже к подобию своего чючела, от охотников поставленнаго, прелетев, от них убиен бывает; написахом же ему: Своим прелщается подобием»[534]. В рукописном рассказе «О взятии Нарвы» автор обращает внимание лишь на наказание гордых шведов и никакими историческими или мифологическими событиями свое рассуждение не иллюстрирует: «Господь вручил преславный град дивным таким делом и неприятельскую гордость победи»[535]. Если завоевание Нарвы и вызывало какие-либо ассоциации, то отнюдь не троянские: «Змий убит, Ясон руно, свободив, приемлет. // Нарву пленив, Ингрию царь свободне вземлет»[536]. Правда, осада и взятие Трои упоминаются в «Торжественных вратах».

Русским авторам события Троянской войны напоминала и измена Мазепы; правда, «хитрость» гетмана позволяла сравнить (но не уподобить) его не с ахейцами, а с троянцами: «Повествует славный стихотворец римский Виргилий, яко, егда греки пленяху и раздрушаху град Трою, неции от троянов, побивше сшедшихся со собою некия воя греческия, броня их и щити на себе возложиша и, таковым покровенны суще видом, многих инных супостатов нечаянно побиваху; мняху бо тыи, яко свои суть, и без опаства схожда-

хуся. Не тако ли творяшеся и во смущении сем зменническом? Разве яко тамо доброю хитростию подвизахуся за отечество трояни, зде же диавольским наущением на пагубу своего же отечества мечтахуся клятвопреступныи зменницы» [537] («Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» Феофана Прокоповича).

Вместе с тем, в русских и шведских победословиях русские и, соответственно, шведы предпочитают открытый бой, презирают военную хитрость, и именно на этом основании строится большинство встречающихся в панегирических текстах троянских аналогий. В том же панегирике Ю. Гейслера «Радостные мысли» говорится, что «в Древней Греции было обещано, что Троя будет завоевана хитростью» [538], к которой Карл никогда не прибегал, а в одном из первых русских панегирических сочинений, посвященных победам над шведами, «Торжественная врата входящая в храм безсмертныя славы» (М., 1703), сказано: «...Троя греческим коварством по десятолетной осаде взята бысть; его же царскаго пресветлаго величества победы не коварством и хитростью, но явным боем быша» [539]. При этом, в отличие от русских авторов, как правило, вспоминавших Троянскую войну в связи с войной шведской, у шведских авторов Троянская история с русской войной не ассоциировалась никогда.

Кроме того, в отличие от России, в Швеции второй половины XVII в. Троянская война воспринималась как факт отечественной истории. Так, из предисловия к «Младшей Эдде» следует, что Один, достигший Швеции и правивший там, происходил из Трои; о Трое говорится и в комментарии к этому сюжету в шведском издании «Hervarar saga» [540]. В «Атлантике» О. Рудбек утверждал, что троянцы имели шведское происхождение, и ссылался при этом на Гомера и Гесиода [541] (поэмы Гомера являлись одним из основных источников сочинения Рудбека, а на связь «Илиады», «Одиссеи» и «Атлантики» указывает оформление издания книги Рудбека, фронтиспис которой украшает изображение Гомера [542]).

И, наконец, в отличие от русских панегиристов, шведские авторы XVII – начала XVIII в. обращали внимание на сходство шведских героев с ахейскими / троянскими вождями, в первую очередь с Ахиллесом. Так, в изданной до гибели шведского короля Густава II Адольфа поэме В. Клеменса (Clemens) «Gustavis» (Leiden, 1632), в частности, говорится, что Густав Адольф – «великий воин Бога, Ахиллес Севера» [543], в опубликованной в том же 1632 г. немецкой поэме «великий конфликт в Германии был аллегорически представлен как битва между Троянцами и Греками, и роль

Ахиллеса здесь отводилась Густаву Адольфу» [544]. О мужестве Ахиллеса говорится в посвященном Карлу XI стихотворении «Свет северной звезды» [545] (Стокгольм, 1680), в одном из панегириков, изданных после нарвской победы, Карл сравнивается с Аяксом, Ахиллесом и Александром [546]. Точно так же в «Camena Borea» Сведенборга подчеркивается, что «Лев [т. е. Карл. – *М. Л.*] имел дух Ахиллеса, а не смертного» [547]. В «Кратком извлечении из истории короля Карла XII» (Стокгольм, 1709) говорится о зависти Александра (постоянно имевшего при себе «Илиаду») к Ахиллесу [548].

В латинском стихотворении 1714 г. (троянские герои, и Ахиллес в первую очередь, появляются, как правило, в латинских текстах) благополучное возвращение в Швецию «Готского Ахиллеса» Карла XII уподобляется возвращению Ахиллеса в греческий лагерь. Правда, многолетний путь шведского короля домой после поражения под Полтавой вызывал у шведских панегиристов (например, у Э. Фрондина) ассоциации с путешествием Энея [549].

В шведских сочинениях начала XVIII в. Ахиллесу уподоблялся не только король, но и некоторые его полководцы: в опубликованном в той же антологии Карлссона стихотворении знаменитого шведского поэта Ю. Вервинга (Werwing) «На погребение фельдмаршала графа Дальберга» (1703) говорится, что он подавал «Несторовы советы» и имел «меч Ахиллеса» [550] (это сопоставление могло основываться, в том числе, на сходстве трагической судьбы обоих героев, при этом, сравнивая с погибшим ахейским героем павших в бою шведских королей, Густава II Адольфа и Карла XII, шведские панегиристы это обстоятельство не отмечают).

В свою очередь Петр если и сравнивался, то, как правило, с другими троянскими героями, с Улиссом или с владевшим множеством кораблей Агамемноном (при этом в панегирике А. Руделиуса 1703 г. также говорится, что Карл превосходил не только Ахиллеса, но и Агамемнона). Ахиллес упоминается в посвященной взятию Азова «Славе торжеств и знамен» И. Копиевского, а в созданной в 1743 г. «Оде на день тезоименитства Его императорского высочества государя Великого Князя Петра Федоровича» М. В. Ломоносова именем этого героя называется будущий российский император: «Под инну Трою вновь приступит // Российский храбрый Ахиллес» [551].

Таким образом, в литературе обеих стран троянская тема звучала достаточно часто, с той разницей, что в Швеции к ней обращались не только в панегирических, но и в научно-исторических сочинениях. Однако издания XVIII в., специально посвященные

Троянской войне, в Швеции появлялись редко, в частности «Троянская история» Гвидо де Колумно в каролинскую эпоху издана не была.

* * *

В русских и шведских панегириках времен Северной войны встречаются не только античные, но и библейские персонажи: Карл – вождь нового богоизбранного народа – уподоблялся Гедеону и Моисею [552], Петр – победившему льва Самсону, тем же Гедеону и Моисею. Одним из наиболее популярных у русских и шведских панегиристов времен Северной войны библейских сюжетов был поединок Давида и Голиафа.

В шведской литературе о победе юноши Давида над великаном Голиафом не могли не вспомнить после нарвской баталии: сразу после победы в Швеции вышла «Радостная песнь верных подданных о счастливом владычестве короля и помазанника, начиная с царя Давида...» (1700); в «Кратком размышлении» (1701) А. Гоединга Карл уподобляется Давиду, а «вероломные и бессовестные враги русские» – *филистимлянам* [553]; в упоминавшемся выше «Narva Triumphans» библейский сюжет так и не был реализован из-за малодушия русского Голиафа: «...здесь побеждает Давид, который юн годами: первым бежал Голиаф, и войско, как стадо овец, частью взято в плен, частью просило отпустить их домой в Россию» [554].

В стихотворных панегириках на других языках, посвященных Карлу, о силе Самсона, золоте Соломона и счастье Давида говорится в латинской оде Б. Гебхарда (Gebhard) на коронование Карла XII [555]; о могущественном Сауле и слабом, но «дерзком» Давиде – в немецком панегирике Гедвиг Элеоноре [556], о юном Давиде – во французской «Эпистоле королю Швеции Карлу XII, именуемому Великим» [557]. Особенно часто Давид упоминается в посвященной гибели Карла «Печальной эпической песне» (Упсала, 1719) О. Рудбека-сына, где, в частности, на вопрос «что здесь произошло?» следует ответ: «с Карлом умер Давид» [558].

В русских панегириках, посвященных русско-шведской войне, о поединке русского Давида со шведским Голиафом писали в связи с большинством одержанных побед; например, в «Преславном торжестве свободителя Ливонии» (М., 1704) Иосифа Туробойского говорится: «Изыде бо муж силен иноплеменник, аки вторый Голиаф в российское достояние и даже доселе уничижая и обидя нового Израиля российское царство, толь многолетне похищая страны и

грады его и поношая полку Бога живаго» [559], в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича Голиафом названо шведское войско, а его главой – Карл («И сотворися победа, подобная Давидовой над гордым филистином победе. Яко же Давид иногда, силою вышняго подкрепленный, поразив во главу Голиафа, исторже из руку его меч и темже обезглави его, тако и российское воинство, поразивши самаго Короля Свейского, сиесть самую главу новаго сего Голиафа, супостата нашего, поношающаго роду нашему, новому Исраилю полкам Бога живаго; поразивши, глаголю, великою язвою на теле, крайным же страхом на душе и сердци, исторже от руку еготоль славное и всем народам страшное оружие» [560]), а один из известнейших литературных памятников времен Северной войны имеет название «Божие уничижителей гордых в гордом Исраиля уничижителе чрез смиренна Давида уничиженном Голиафе уничижение» (1710). По мысли Иосифа Туробойского, восставая против России, Швеция восстает против Бога: «Камень еси, его же не Давид, но сам Господь из пращи праведнаго отмщения своего верже на прегордаго свейскаго Голиафа и порази его в чело, егда при твоих государственных градех начальный и аки чело свейския державы от сея страны Нарву град твоей державной деснице предаде» [561]. Здесь, как и в «Божием уничижителей гордых уничижении», панегирист акцентирует внимание на греческом происхождении имени российского монарха (М. П. Одесский, рассматривая прием восхваления «через имя» в форме «через этимологию», упоминает «Божие уничижителей гордых уничижении» среди драматических произведений, в которых «угадывается» «Петр-камень-орудие-на-врага» [562]).

При этом панегирическое уподобление завоевания вражеской территории Петром I нанесению физического ущерба «отрицательным» библейским героям (а не только обозначающему Швецию Льву) в литературе Петровской эпохи встречается неоднократно. Подобно тому, как Давид поразил Голиафа камнем в чело, Петр поразил «чело свейския державы» и отторг от нее Нарву; подобно тому как апостол Петр отсек Малку ухо, царь Петр «отсек» у Турции Азов: «Як верховны Петр мечем Малху задал рану, // Так царь Петр дал по уху турскому салтану, // Аки ухо десное от главы егова // Усече, когда добыл города Азова» [563].

* * *

Основные события войны 1741–1743 гг. изложены в переведенной в России «Краткой всеобщей истории г-на Ла Кроца» (СПб., 1766): «Во владение его [Фридриха I. – *М. Л.*] в 1721 году заключен в Ништаде вечный мир с Россиею, но в 1741 г. Шведы оный нарушили и в начатой ими войне побеждены они в том же году под Вилманстрандом, и сия крепость взята. После чего Шведы не могли нигде противостоять российскому войску, оставили в 1742 году зажженный Фридрихстам, а в 1743 году заключен мир во Або» [564]. Еще короче – в переведенной со шведского «Краткой истории королевской шведской фамилии, именуемой Густавов» (М., 1790): Фридрих I «объявил 1741 года войну России, которая была и окончена в 1743 году» [565].

В России эта кампания была представлена как победоносная и блестящая: Елизавета «...всю империю толь храбро расширила, что главного своего неприятеля сухим прежде путем после различных сражений к бегству, разорению и побегу привела, а напоследок, совершенно великою частию государства его овладевши, к таким договорам принудила, что оный чрез море в пределы свои к великому его постыжению отвергнут был» [566]. Результатом побед Елизаветы стали «возобновившееся благополучие перемен» и «приятный и мирный союз между Российскою империею и королевством Швецким...» [567].

В свою очередь в Швеции полагали, что война была развязана Россией, а победа русских не казалась столь бесспорной, как об этом заявляли русские панегиристы. Так, в переведенном с французского «Дружеском письме из Данцига к друзьям в Кенигсберг относительно дела под Вильманстрандом» (1741) графа А. Хепкена (Höpken) (1712–1789), известного шведского государственного деятеля, в 1741 г. служившего в иностранной экспедиции, сравниваются русская и шведская реляции и доказывается, что шведская значительно правдоподобнее. В частности, говорится, что Вильманстранд – не крепость, как ее представляют себе в России, а небольшое укрепление, и что в сражении шведы потеряли 900, а русские – 8000 человек. Последнее заявление подтверждается тем, что после сражения русская армия в спешке повернула назад, и «из этого можно сделать вывод, какова их победа была на самом деле и каковы были их потери» [568].

По прошествии 30 лет после этих событий в «Истории знаменитой Российской Императрицы Елизаветы» (Упсала, 1771) Ю. Буссера (Busser) (в своем сочинении постоянно акцентировавшего внимание на русско-шведских политических взаимоотношениях в елизаветинскую эпоху) говорится, что «Карелия и Нюланд попали в русские руки без сражения, без победы, шведы не получили возможности продемонстрировать свою храбрость», а победа в сражении при Вильманстранде «была куплена русскими ценой больших потерь» [569]. Правда, тут же добавляется, что «в Москву были доставлены штандарты, знамена и прочие знаки победы, которые были сложены к ногам императрицы» [570].

Накануне войны 1741—1743 гг. в Швеции появлялись произведения, имеющие явно пропагандистское назначение: так, не позднее 1741 г. вышел упоминавшийся выше «русский» конволют, содержащий, кроме прочего, шведские документы времен Северной войны, а также некоторые шведские сочинения начала 40-х гг. (например, «Сагу о шведской шпаге, русской сабле и татарском луке» А. Леенберга). Кроме того, в Швеции были переизданы все названные выше истории Карла XII: в 1740 г. в Стокгольме вышла «История Карла XII» К. Нордберга (Nordberg; в 1742, 1744, 1748 г. эта книга издавалась в Гааге на французском языке), а в 1741 г. в Стокгольме же был издан новый перевод книги Дрюандера на шведском языке, правда, в этот раз он получил название «История короля Карла XII в кратком представлении от его рождения до его смерти» и был сделан с французского издания 1730 г., вышедшего в Гааге (последнее шведское издание этой книги появилось в 1758 г.). В Амстердаме в 1740 г. была переиздана «Военная история Карла XII» Г. Адлерфельда (Adlerfeldt) на французском языке.

Панегирические оды, посвященные событиям войны 1741—1743 гг., выходили как с русской, так и со шведской стороны; правда, в отличие от Швеции, где число публиковавшихся поэтов-панегиристов было значительным, в России большинство изданных оригинальных и переводных од на «шведскую тему» принадлежало М. В. Ломоносову (Тредиаковский об этой войне практически не писал: одно из его редких стихотворений, изданных в начале 40-х гг., — «Всепресветлейшей и державнейшей государыне императрице Елизавете Петровне... поздравления на день ея коронации в царствующем граде Москве» (СПб., 1742)) [571].

В изданных в самом начале войны шведских стихотворных «Мыслях всякого честного шведа по поводу объявления войны царю России» (Стокгольм, 1741) говорится о забытом шведском

мужестве, о победах Карла XII и о будущих успехах шведского оружия[572]. Сразу несколько шведских од появилось после сражения под Вильманстрандом, которое в Швеции как неудачное не расценивали. Так, в оде А. Леенберга «Находящимся дома шведам радостное напоминание от их братьев в Финляндии, ...под командованием... Карла Хенрика Врангеля под Вильманстрандом доказавших свою храбрость» (Стокгольм, 1741) это утверждение опровергается сразу и решительно: «Мы проиграли! Что? Когда швед, погибая, забирал девять русских...»[573]. Основная тема шведских стихотворений, посвященных Вильманстрандской битве, – мужество шведов, сумевших противостоять огромной русской армии («Это ли не мужество, не вера, не сила, не отвага, // Чтобы стоять... под пулями, льющимися как дождь // И драться одному против двенадцати при свете молний, в дыму и пламени?»[574]) и нанести ей поражение («Когда сражение было закончено, и враги исчезли, // И наши люди собрались вновь, // Они увидели на месте тех, кто погиб и победил: ...менее девятисот медведей, // Которые отомстили за свою смерть восьми тысячам орлов», «Бог отнял у русских орлов их мужество и силу» и наказал их «дерзкое высокомерие»[575]). В концовке указанной оды А. Леенберга отмечается, что «если пятнадцать сотен могли противостоять шестнадцати тысячам, // Все, с Божьей помощью, пойдет еще лучше, // Когда Левенгаупт, наш новый герой, // С тридцатью тысячами шведов // Вновь одолеет русскую силу.., // И скоро будет им другой танец, // Когда наша армия морем и сухим путем в Петербург направит путь»[576] (подобные заявления делались и во время следующей войны, например, в вышедшем в 1788 г. стихотворении «К Магистрату и жителям Або» сказано, что «Там грохот шторма возвещает гибель наших врагов и имя Густава, // И победа преклоняется перед Карлом, // И славит меч в его руке, и Шведский Лев возвышается... над Волжскими берегами»[577]).

В оде О. Далина «На резню при Вильманстранде», как и в прочих шведских стихотворениях, посвященных этому событию, говорится о Божьей помощи шведам («еще жив Шведский Бог»[578]; ср.: «Бог помогает тебе, Швеция, моя Мать и Кормилица – Ты в Мужестве и Вере всегда постоянна»[579]; «ясно видно, что Бог был со шведскими медведями»[580]) и огромных потерях русских («Пятеро против одного полагали одержать победу, // Но потеряли половину своих сил»[581]). Однако о шведской победе речь здесь не идет («Хвастай, Россия, // Наша гибель превозносится в твоем радостном возгласе»[582]), а заключительная строфа этого стихотворения принципиально отличается от концовки оды Леенберга («Великий Бог... если

Ты не даруешь нам победы, // Хотя наш храбрый меч еще сверкает, наше сияние, однако кратковременно, // Ты можешь удручить нашего врага, // С твоей славой связано наше счастье, которое может стать добрым и крепким»[583]).

В шведских одах 1788–1790 гг. эта битва называется единственным шведским поражением, после которого последовали военные успехи. Так, в оде «На мир между Швецией и Россией» (Упсала, 1791) А. Г. Экеберга (Ekeberg) сказано, что «хвастовство огромных войск и заносчивую силу Вазы привыкли встречать с презрением», и далее: «Нет, Шведы! Никогда больше неприятель не увидит побежденную храбрость единственного Вильманстранда. // Вы имеете в Вашем Короле защитника и отца»[584].

В свою очередь в оде Ломоносова «Первые трофеи Иоанна III» сражение при Вильманстранде представлено как безусловное и к тому же бесславное поражение шведов:

Вдается в бег побитый швед,
Бежит российский конник вслед
Чрез шведских трупов кучи бледны
До самых Вилманстрандских рвов,
Без счету топчет тех голов,
Что быть у нас желали вредны.
Стигийских вод шумят брега,
Гребут по ним побитых души,
Кричат тем, что стоят на суши,
Горька опять коль им беда[585].

В шведских одах, посвященных заключенному в 1743 г. миру с Россией, или написанных сразу после войны, также прославляется шведское мужество и сила («Положи, Свеа-Готская рука, положи свой тяжелый меч»[586]), однако чаще в них говорится о спасении государства от угрожавшей ему катастрофы. Так, в оде Далина «На мир между Швецией и Россией» сказано, что Швеция находилась на краю гибели, и поэтому мир с Россией, заключенный «кротким Фридрихом», особенно желателен: «Бог, который управляет судьбой государства, // Именно когда твои основы дрожат, // Дарует тебе благородный мир»[587]. В стихотворении «Гнев бездны, молнии и грохот, небесная кротость, милость и чудо, размышления: На его королевского высочества герцога Адольфа-Фридриха возвращение в Швецию» (Стокгольм, 1743) А. Тернгрена (Tцrngren) говорится, что «После ночи Солнце этим светом радует наши сердца»[588]. В другой анонимной, не имеющей заголовка и входящей в

один конволют со стихотворением Тернгрена оде 1743 г. сказано, что Швеция может вновь поднять голову и что ее небо свободно от туч, угрожавших уничтожить весь Север.

Надо сказать, что в «государственной» шведской поэзии эта тема звучит и позднее; например, в «Добавлении к патенту относительно создания новой безымянной партии; доброжелательного отшельника» (1769) содержится требование объединиться и закончить раздор, государство уподобляется больному телу, автор призывает шведов украсить сердца старинной честностью (мотив, постоянно встречающийся в шведской литературе, например, в «Рассуждениях» Густава III) и вспоминает ярла Биргера[589].

В русской одической поэзии начала 60-х гг. XVIII в. мотив спасения от катастрофы также распространен, но связан не с военным поражением, а с «революцией» и восшествием на трон нового монарха. Так, в «Эпистоле» М. М. Хераскова на коронование Екатерины Великой (1763) говорится: «При новых радостях воспоминаем мы, // Как ты нас извела на свет из страшной тьмы»[590].

Идиллические картины «мирной» жизни изображались в русских панегириках и в 1742 г., и сразу после войны. Например, в «Изъяснении аллегорического изображения и иллуминации... в первый вечер Нового года 1742» Я. Штелина говорится: «В других землях слышан везде ужасной крик сражающихся войск, а в твоих границах бесчисленной народ радостнейший “виват, Елисавет Петровна” непрестанно произносит» (в соответствии с церемониалом именно так и должны приветствовать Елизавету ее подданные: в «Известии о церемониале по случаю торжеств на заключение мира со Швецией» (1743–1744), в частности, говорится: «При выходе из собора командующий генералитет, штаб офицеры и рядовые, подняв шляпы и махаючи оными, трижды кричать станут “виват, непобедимая императрица Елисавет, наша мать отечества”»[591]). В «Слове в день рождения Елизаветы Петровны» (М., 1747) епископа Псковского и Нарвского Симона Тодорского сказано: «Родилася еси Отечеству, ибо Матернее неусыпное о благополучии его имееши попечение, о чем свидетельствует лютое настоящее время: вся почти Европа военным возгорелася пламенем, своею обагряется кровию и погружается в ней. Мы же Божиим, по Бозе же твоим Высокоминистерским промыслом покоя, тишины и всякаго благополучия наслаждаемся»[592]; «высокоминистерским» «промысел» «российской Иудифи» назван потому, что монарх, как отмечено в «Слове о мире со Швецией» (СПб., 1723) Феофана Прокоповича, является «министром Бога»[593]. Напечатанное «со-

держание» «Увеселения, сочиненного и представленного от ея Императорского Величества Всепресветлейшия державнейшия Великой Государыни Елизаветы Петровны императрицы и Самодержицы Всероссийския... французских комедиантов при всенародном торжествовании заключеннаго между Ея Императорским Величеством и Шведскою короною вечнаго мира» (М., 1744) начинается со следующей экспозиции: «Театр представляет сады Ея Императорского Величества, а вдали город Москву. Аполлон по велению и совету богов вводит туда Мир, как в единое токмо безопасное убежище, которое для онаго на земле осталось».

* * *

Характерно, что некоторые панегирические приемы, использовавшиеся в «Увеселении», встречаются в позднейших русских сочинениях на шведскую тему. Так, кроме прочих комплиментов, в «Увеселении» читается следующий призыв к Миру: «Приди в сие жилище славы, // Внеси веселье и забавы, // Щедрота здесь цветы растит, // Астрея царство обновляет, // Никто в России не вздыхает, // Лишь разве кто в любви грустит». Для автора любовь – чувство, противоположное военному гневу, которому нет места в современной России: «Пришли часы оставить брань // И гнев смягчить в кипящей крови, // Покорствуйте теперь любови // И естеству несите дань». При этом вызванная миром любовь неизбежно сопровождается не подходящей к текущему моменту грустью, которая, однако, не способна нарушить наступившую идиллию (хотя сама Любовь призывает грусть оставить: «Любовь говорит: Ликуйте днесь, не воздыхайте») и лишь подчеркивает благополучие нынешнего состояния России: грусть порождена не несчастьями и лишениями, а любовью. В свою очередь в русских полемических предвоенных текстах 1788 г., содержащих описания счастливой жизни россиян, некоторые отмеченные неприятелем российские беды признаются существующими, но являющимися результатом благоустроенности, например «избытка», а не недостатка благосостояния (правда, в отличие от «Увеселения», полемический характер такого рода сочинений предполагает некоторую ироничность тона русского автора).

Так, в «Примечаниях и историческом объяснении на объявление его величества короля Швецкого» (СПб., 1788) Екатерина II, среди прочего, парирует обвинения Густава III в том, что в России люди умирают с голода, следующим образом: «что напротив того в

России много людей ежедневно умирает от излишнего употребления пищи, есть неоспоримая истина, но с голоду, сколько известно, никто никогда еще не умирал в сей Империи»[594]. По Екатерине, в России царит счастье и довольство, беды от общественного неустройства здесь невозможны в принципе, если же подданных императрицы и постигают какие-либо несчастья, то происходят они только от «положительных» явлений, в данном случае – от сытости и изобилия (эта тема нашла выражение в стихотворных панегириках времен русско-шведской войны: «Фелицына страна – Едем для всех обильный»[595]). Всему виной человеческая природа[596].

В то же время о смерти от переедания говорится в переведенных в России сочинениях скандинавских моралистов, которые таким образом пропагандируют необходимую для человека и государства добродетельную бедность. Так, во включенной в «Нравоучительныя и полезныя рассуждения, выбранные из разных авторов» (М., 1761) статье Л. Гольберга сказано, «что мало таких, которые бы с голоду умирали; и что напротив, того бесконечное есть число людей, которые от объядения и пьянства умирают; следовательно, можем познать, что в сем случае убогой благополучнее богатого»[597], а в «экстракте из речи, говоренной 29 генваря 1757 года... графом Г. А. Гилленборгом в Стокгольмской Академии наук при сложении Президентства» (напечатанном в «Ежемесячных сочинениях» в 1764 г. под названием «О мудром попечительстве древних шведов для пресечения расширяющиеся роскоши») отмечается, «что больше у нас от объядения, нежели с голоду умирают. Мнится мне, что они говорят справедливо; потому и я думаю утверждать, что безрассудное употребление лишнего имения больше государствам вреда чинило, нежели недостаток нужнейших потребностей»[598]. С точки зрения скандинавских авторов, смерть граждан от переедания знаком благополучия государства не может быть ни при каких условиях. Трудно сказать, воспринимала ли Екатерина этот мотив как «скандинавский» и связанный с проводимой в Швеции кампанией против роскоши, но очевидно, что в данном случае «моральная» сторона дела ее не занимала[599].

Конечно, в текстах 1743 и 1788 гг. указанный панегирический прием реализуется по-разному: Екатерина говорит о царящем в России изобилии, но не сводит все смертные случаи к перееданию, в то время как автор «Увеселения» единственную причину грусти россиян видит в любви, но не в ее избытке; Екатерина обращается к материи низкой, говорит о еде и обжорстве, автор панегирика Елизавете – к теме высокой, и говорит о любви и любовной грусти;

в конце концов, заявление Екатерины является полемическим ходом, в то время как автор «Увеселения» создает панегирик российской императрице. Однако сходство способа изображения современного российского благополучия в обоих сочинениях «шведской» тематики не вызывает сомнения. Надо сказать, что в шведской литературе этот прием распространения не получил, хотя о наступившем после войны 1741–1743 гг. шведском изобилии и счастьи мирной жизни писали много. В то же время в годы последней в XVIII в. русско-шведской войны 1788–1790 гг. полемические тексты, подобные русским «Примечаниям и историческому объяснению...», появлялись и в Швеции.

* * *

Во время войны 1788–1790 гг. в обеих странах активно использовался сходный пропагандистский прием: переводы текстов, написанных в стране-сопернице, издавались и комментировались. Так, в вышедших в России «Примечаниях и историческом объяснении...» (СПб., 1788) приводятся и тут же опровергаются обвинения шведской стороны. Разбив все доводы противника, Екатерина подводит итог: «Из всего вышеписанного явствует, с каким соседом Россия имеет дело, когда он попирает установленный союз общенародной и благоустройства и когда довольно показал своим самопроизвольным поведением, что он никаких других правил не знает, кроме собственной необузданной воли» [600].

В Швеции же издавались переводы русских текстов, напечатанных в европейских газетах и посвященных описанию некоторых сражений или иным событиям, связанным с продолжавшейся войной. Так, в 1789 г. в Стокгольме вышел перевод опубликованного в датской газете «Русского рассказа о морском сражении 26 июля 1789 года». В самой Швеции об этом морском бое говорилось в «Рассказе его королевского высочества, герцога и адмирала принца Карла» и «Копии письма из Карлскроны».

Издание русского донесения прокомментировано лаконично и язвительно; например, на предположение русского автора, что в этом году, по-видимому, морских баталий больше не будет, следует шведский «ответ»: «кто знает?» [601] (иначе говоря, русские, по мнению шведского комментатора, надеются уйти от очередного поражения). Зато включенное в «Анекдоты из Финляндии» (Стокгольм, 1789) (указывается, что эти тексты напечатаны в английской утренней газете) письмо Мусина-Пушкина принцу Нассау по поводу пе-

реписки последнего со шведским королем сопровождается чрезвычайно эмоциональными шведскими комментариями. Так, заявление русского адресанта, что «война, которую король Шведский желает предпринять против нас, противна природе и противоречит принятым среди цивилизованных народов правилам», содержит следующее примечание: «Конечно, разница в том, что русские устраивают поджоги и чинят ужасные насилия, со шведской же стороны нет ни единого примера такого рода за всю войну» [602]. В свою очередь в России подобные опровержения могли принимать форму обращения к противной стороне; так в Петербурге в 1789 г. вышло «Письмо королю шведскому и опровержение реляции о морском сражении: трагедия письменная».

Другим используемым в Швеции во время войны 1788–1790 гг. пропагандистским приемом было переиздание некоторых шведских книг, вышедших незадолго до войны 1741–1743 гг. Так, в 1789 г. появился «Героический разговор с храбрым и незаменимым... майором Малькомом Синклером в счастливых Елисейских полях в царстве мертвых» А. Оделя (Odel), впервые изданный в 1739 г. Надо сказать, что в Швеции накануне войны с Россией 1741–1743 гг. об убийстве шведского агента в Турции майора Синклера знали очень хорошо, он стал национальным героем и упоминался в шведских предвоенных и военных панегириках: в 1741 г. в Стокгольме был издан «Обстоятельный рассказ о... коварном и жестоком убийстве» майора Синклера, в «Призыве... Густава Адольфа и Карла XII из царства мертвых» (1741) Оделя говорится о «храбром Синклере... который пострадал за Швецию...» [603], а в «Мыслях всякого честного шведа по поводу объявления войны царю России» – о «пролитой крови верного Синклера» [604].

Как и во время всех русско-шведских войн XVIII в., в 1788–1790 гг. между шведскими и русскими поэтами разгорелась стихотворная полемика (правда, и в этот раз с творчеством поэтов вражеского государства в Швеции и России были знакомы очень мало). Так, в шведской оде К. Г. Леопольда «На победу при Хогланде 17 июля 1788 г.» упоминается «самонадеянный» Грейг [605], в русской оде «Памяти о славном Грейге, российском адмирале, сочинена 1788 г.» говорится, в частности: «Тот Грейг, что Готов величавых // Карал среди валов кровавых...» [606], или в «Стихах на кончину адмирала Грейга» – «Как громы тяжкие метал из жерлов смертных // На Шведов дерзостных, строптивых, лицемерных. // Как лев на Готфа он, сражаясь, сверипел, // А победив врага, как друг о нем жалел» [607].

В заголовке русской оды 1790 г. герцог Карл назван «посрамленным герцогом Зюдерманландским», в оде Леопольда сказано, что он «сделал Океан свидетелем своего мужества» [608]. В той же русской оде 1790 г. об адмирале Чичагове говорится, что он «муж, украшен сединою, // Искусной водит флот рукою», в оде «На мир между Швецией и Россией» (Упсала, 1791) А. Г. Экеберга (Ekeberg) – «... надменный Чичагов, который в этих шхерах полагает пленить все наши силы» [609]. Как неосуществимая мечта военные планы противника представлены и в русских победословиях: «Постойте, дерзновенны Шведы! // Мечтой не ослепляйте зрак! // Не так над Россами победы // Легки, как мните вы, не так» [610] (в той же «Оде, посрамленный герцог Зюдерманландский»).

При этом, кроме сочинений, содержащих резкие обвинения в адрес противной стороны (например, в «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами» Н. Эмина речь идет о корыстном «наемнике», который «спокойство общее постыдно продает» [611]), в Швеции и России выходили победословия, где враги не упоминаются вообще, или упоминаются крайне редко. В основном, о шведской армии повествуется, например, в стихотворении К. М. Бельмана «Погрузка на корабли 23 июня 1788 г.» и в одах на победу шведского флота у Хогланда 17 июля 1788 г. (К. Г. Леопольда и К. М. Бельмана); лишь в оде Леопольда появляются «самонадеянный» русский адмирал и «бегущие разбитые русские» [612]. В отличие от оды Нордфорсса, в этих панегириках не говорится ни о «лукавом царе», ни о «московитских могилах» [613], а в отличие от «Четырех совершенно новых военных песен», победитель Густав III уподобляется Густаву II Адольфу, а не Карлу XII («О кровь Густава Адольфа! О Отец Отечества» – в оде «На победу у Хогланда» [614] Леопольда; «соединенный подвиг Густава со славой Густава Адольфа» – в «Погрузке на корабли» [615] Бельмана).

Большое количество шведских и русских панегириков было посвящено заключенному в 1790 г. миру между Россией и Швецией, и теперь в России стихотворений на эту тему издавалось уже не меньше, чем в Швеции. В 1790 г. вышли «Ода... Екатерине II на заключение мира со Швецией» А. Бухарского, «На торжественное вознтверждение тишины с Швецией» Н. Жаркова, «Ода на торжество мира со Швецией» А. Колмакова, «Ода императрице Екатерине Алексеевне на заключение мира России со Швецией» И. Крылова, «Ода Екатерине II на заключение мира со Швецией» В. Петрова, «Ода на заключение мира с Королем Швеции» П. Плавильщикова, «Стихи на мир, заключенный между Россией и Швецией»

Г. Хованского, «Ода на высочайшее в Санктпетербург прибытие к торжеству о мире с Королем Швеции императрицы Екатерины II» Г. Р. Державина, «Ода на заключение мира с Готвами» Н. Эмина и анонимная «Ода на заключение мира со шведами».

Таким образом, к началу 90-х гг., с окончанием последней русско-шведской войны XVIII в., завершилась продолжавшаяся в течение всего XVIII столетия чрезвычайно своеобразная стихотворная полемика мало знакомых с творчеством друг друга русских и шведских поэтов.

IV. Взаимовосприятие народов

Сведения о взаимовосприятии шведов и русских в XVIII в. содержатся в основном в издававшихся в обеих странах оригинальных и переводных (французских и немецких) сочинениях исторического содержания, а также в различных «рассуждениях». Поскольку большая часть выходивших в Швеции и России произведений такого рода посвящалась не народу «соседственного» государства, а наиболее заметным его представителям, обзор целесообразно начать именно с этой темы.

* * *

В России XVIII в. хорошо знали последовательность правления шведских королей и деяния наиболее известных из них. Поименно шведские монархи были названы в «Людовика Гольберга сокращении Универсальной истории» (СПб., 1766; от Олава до Адольфа Фридриха; правда, в этом списке пропущен Фридрих I) и в «Краткой истории королевской шведской фамилии, именуемой Густавов, начинающейся от короля Густава I до нынешнего царствующаго короля Густава III» (М., 1790), переведенной и прокомментированной актуариусом московского архива государственной коллегии иностранных дел К. Мерлингом. Судя по объему включенных в эти книги статей, посвященных отдельным монархам, русскому читателю особенно хорошо известны были Густав I Ваза, Густав II Адольф, Христина и Карл XII.

О Густаве Вазе в России могли узнать, кроме указанных обзоров, из сочинений, посвященных шведской истории (например, из «Истории о переменах, происшедших в Швеции в рассуждении веры и правления» (СПб., 1764–1765) аббата Верто или «Всеобщего

Швеции изображения, или Краткого исторического и географического начертания сего государства» (СПб., 1797) Ж.-П. Катто-Каллевиля), и из романа «Геройский дух и любовные прохлады» Комона де ла Форса. Однако, за исключением романа, книги, специально посвященные Густаву Вазе, в России не издавались, и его история читалась среди историй прочих шведских королей.

Точно так же в России не выходили издания, повествующие о Густаве II Адольфе; в 1788 г. был издан «Монумент шведскому генералу Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии тридцатилетней войны за веру» К. Ингмана, однако, как было указано выше, в этом сочинении рассказывалось не столько о шведском короле, сколько о его полководце.

Главными героями изданных в России книг о шведских королях становились лишь Христина и Карл XII. «Записки Христины, Королевы Шведской» с примечаниями Д'Аламбера вышли в 1774 г.; сочинения, посвященные Карлу, начали появляться немного позднее, во второй половине 70-х гг. XVIII в.; в это время были изданы: «Разговор между Петром Великим, императором Всероссийским, и Карлом XII, королем Шведским, о славе победителей, сочиненный господином Ваттелем, советником его свт. курф. Саксонскаго» (СПб., 1777), «История или описание жизни Карла XII, короля Швецкаго» (СПб., 1777), «Письмо барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швеции» (СПб., 1788; впервые напечатанное в «Ежемесячных сочинениях» (1757, март)), «Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII» (М., 1789), «Известия, служащие к истории Карла XII, короля Шведского» (М., 1789) В. Тейльса и «История Карла XII» Вольтера (М., 1803). Характерно, что большая часть русских переводов, посвященных Карлу, появилась во время русско-шведского политического сближения (в 1777 г. Густав III посетил Петербург, был избран почетным членом Академии наук и стал кавалером ордена св. Александра Невского[616]) и, напротив, во время русско-шведской войны 1788–1790 гг.

* * *

В «Краткой всеобщей истории господина Ла Кроца» (СПб., 1766) на вопрос, «какие два государя обратили на себя наибольшее внимание Европы в начале сего века?», следует ответ: «Петр

Великий, император Всероссийский, и Карл XII, король Швецкий»[617]. Не случайно, лишь Петру и Карлу посвящены истории Вольтера, постоянно цитировавшиеся последующими европейскими биографами обоих монархов.

Оба правителя привлекали внимание историков и жизнеописателей своими талантами и деяниями, а Карл – еще и удивительной судьбой, напоминавшей сюжет романа. Это сходство было настолько очевидным, что авторам историй шведского короля (в том числе и переведенных на русский язык) приходилось специально оговаривать нелитературность своего сочинения: в предисловии к переведенной с немецкого «Истории или описании жизни Карла XII» (СПб., 1777) читателя предупреждают, что в «ей [истории. – *М. Л.*] не найдете никаких забавных и баснотворных перемен, каковыя бывают в повестях или похождениях какого-нибудь Кавалера» (правда, в «Краткой всеобщей истории г. Ла Кроца» (СПб., 1766) история определяется как «описание случившихся в свете приключений»[618]).

Вместе с тем, история Карла не только удивительна (в книге И. Г. Рейхеля «История о знатнейших европейских государствах» (М., 1788) говорится, что он был «в первые 9 лет ратник щастливый, а в другие 9 же лет пренещастный»[619]), но и поучительна. В «Истории или описании жизни Карла XII» встречается следующая «государственная» мысль: «Карл XII научает своими приключениями и примером других государей, сколь страшно имя победителя и сколь несчастливы те подданные, которые могут почитать своего владетеля одним только Героем, а не Королем»[620]. Та же идея проводится в «Истории Карла XII» Вольтера («В самом деле, нет такого Самодержца, которой бы, прочитав жизнь Карла XII, не излечился от безумной страсти завоевателей»[621]) и в главе «Карл XII и Святослав I» книги «Разговоры мертвых» М. Н. Муравьева (СПб., 1790) («Нет ничего столь блестящаго и превосходнаго, как жребий Государя, составляющаго блаженство народа своего просвещением, законами, умягчением нравов, возвышением сердец и разума»). По мнению Муравьева, обладавший несомненными достоинствами и талантами Карл, подобно русскому князю Святославу, «пренебрег первым обетом государей, благосостоянием народа», лишь «собирал бесплодные венцы» и «наполнял вселенную пустым шумом». Образцовым монархом Муравьев называет, конечно, Петра.

Вместе с тем, сопоставление Карла с героями древности позволяло современникам и позднейшим авторам XVIII в. прославить

или осудить шведского короля, само сравнение могло вызывать одобрение или становиться предметом полемики.

Естественно, предшественниками Карла были знаменитые полководцы древности: не случайно у Муравьева князь Святослав (малоизвестный европейскому читателю и появлявшийся лишь в русских сочинениях как русский аналог Карла) собирается повести шведского героя «в удел, посещаемой теми, которые прославились войною». «Особа чрезвычайных свойств: храбр и неустрашим и который с малым числом войска, но знавшим хорошо военное искусство, уносил с собою, как бурный вихрь, все, что ему ни встречалось»[622] («Краткое описание жизни и славных дел Петра Великого, первого императора всероссийского» П. О. Аллеца), Карл вызывал ассоциации в первую очередь с Александром Македонским, история которого была чрезвычайно популярна в Европе вообще и в Швеции в частности. В конце XIV в. с латинского на шведский была переведена поэма «Король Александр»[623], латинское издание истории Квинта Курция вышло в Швеции еще в 1638 г., на шведском языке эта книга появлялись в эпоху Карла XI, а ее последнее издание XVIII в. увидело свет в 1789 г., при Густаве III.

В сочинениях европейских авторов начала столетия, посвященных Карлу, Александр был одним из его прототипов и входил в ряд прочих героев: например, в посленарвском издании, составленном из панегириков Карлу на латинском, немецком, французском, греческом, шведском, голландском языках, он признавался достигшим славы Аякса, Ахилла и Александра[624]. При этом, в отличие от панегирического сравнения Карла с Ахиллесом, возможность его сопоставления с Александром становилась предметом полемики, а само это сопоставление — средством восприятия шведского короля в Европе и в России[625].

Особенно часто о сходстве Карла XII с Александром Македонским европейские авторы писали после разгрома русской армии под Нарвой в 1700 г.; в созданных в 1703 г. и, по всей видимости, принадлежащих одному и тому же автору, французских рукописных стихотворениях «К бессмертной славе Карла XII» и «Портрет Карла XII, короля Швеции» сравниваются обстоятельства жизни Карла и Александра, говорится о «великом завоевателе Азии... Александре, покорившем мир в 30 лет»[626], и отмечается, что Карл начал править на два года раньше царя Македонии (в 1703 г. Карлу был 21 год и, по логике автора, до покорения мира ему оставалось лишь несколько лет).

В шведских панегириках Карл не только уподоблялся Александру как величайшему герою, но и превосходил его: в «Печальной эпической песни» О. Рудбека сказано, что «нет никого, кто мог бы совершить более великие подвиги, даже сам Александр, хотя многие его прославляют»[627]. Обычно же шведские авторы лишь констатировали это сходство: например, о Карле – новом Александре в своей выпускной латинской речи говорил будущий автор «Состояния России при Петре I» Ларс Юхан Эренмальм[628]. При этом, по наблюдению О. Вестерлунда, шведские авторы, в отличие от европейских панегиристов, о сходстве Карла с Александром писали неохотно, а некоторые отказывались это сходство признавать. Так, в упоминавшейся книге «Мысли верного патриота и доброжелателя о сравнении и сопоставлении короля Карла XII Великого Шведского и Александра Великого Македонского» М. Блок утверждал, что «упрямый и беспокойный язычник» имеет мало общего с «мудрым и разумным христианским королем»[629]. А Ш. Оксеншерна в своем написанном после Нарвы письме отмечал, что уподоблять Карла Александру было бы несправедливо по отношению к шведскому королю[630].

Вместе с тем, хорошо известно, что Карл подражал Александру. В частности, в приложении к книге Ю. Дрюандера «Краткое извлечение из истории короля Карла XII» (Стокгольм, 1709) сказано, что шведский король «не хотел допускать его [Александра. – *М. Л.*] ошибки и иметь его слабости, которые История не упустила случая ему приписать»[631].

В России о сравнении Карла XII с Александром Македонским говорили и в полемических сочинениях начала XVIII в., и в изданных во второй половине XVIII в. жизнеописаниях шведского короля. С этой аналогией или не соглашались категорически, или ее оспаривали, или с ней соглашались, но с оговорками.

Как отмечалось выше, на одном из транспарантов, поставленных в Москве во время празднования Полтавской победы в 1710 г., был изображен «Карл XII, видящий во сне стоявшего перед ним Александра Македонского»[632]. В «Слове похвальном о баталии Полтавской» Феофана Прокоповича (СПб., 1717) союз Карла с Мазепой рассматривался через призму исторических ассоциаций: в отличие от Карла, и Александр Македонский, и Пирр Эпирский в свое время от услуг предателей с негодованием отказывались.

В русских изданиях второй половины XVIII в. Карл XII представлен как вызывающий почтение современников и потомков

трагический герой. Так, в опубликованном в 1774 г. «Рассуждении о турецкой войне» о нем говорится без злорадства, по крайней мере, унижение шведского короля явной радости у русского автора не вызывало: «Все Шведы здесь без ружья задержаны, и Король сам для своей немощи, которая от ярости и печали приключилась, на тюфяке и без шпаги в телеге повезен и свита его»[633]. В это же издание включена упоминавшаяся «Выписка из последних писем господина посла Матвеева из Вены», содержащая рассказ о калабалыке в Бендерах и о мужестве Карла во время этого сражения.

В таких текстах, в том числе и написанных во второй половине столетия, уподобление Карла Александру было возможным и уместным. В «Разговорах мертвых» М. Н. Муравьева признающему свои ошибки Карлу отдается должное: «Кто умеет так раскаиваться, как ты, не может не быть недостоин сего жилища... Представлю тебя Ахиллесу и Александру Великому. Они узнают в тебе добродетели, составляющие героя. Неутомим, безстрашен, чувствителен к одной только славе, презритель неги, великолепия, наблюдатель правосудия: ты был бы украшением человеческого рода...».

Правда, в сочинениях, изданных в России в связи с началом русско-шведской войны 1788–1790 гг., Карл XII уступал Александру. Так, в «Рассуждениях Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII» (М., 1789) шведский король сопоставлялся с Александром Македонским и Пирром Эпирским и оказывался «более сходствующим Пирру, нежели Александру»[634], то есть полководцу неудачливому, не умевшему довести войну до победы, предпочитавшему само сражение его результату. При этом Фридрих продолжает ряд ассоциаций, переходит к литературным персонажам и называет Карла «Дон Кишотом» (это не единственный пример такого уподобления: «коронованным Дон Кихотом» Карл назван во французском стихотворении первой половины XVIII в. (возможно, 1719 г.))[635].

Естественно, в русских или переведенных на русский язык книгах, посвященных этой теме, особая роль отводилась противнику Карла XII Петру I. В «Письме барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швецким» (СПб., 1788) автор предлагает разные гипотетические варианты развития давно прошедших событий, последовательно меняя местами Александра / Карла и Пора / Петра («...естли б по сему Александр при походе своем в Индию вместо Пора обрел Петра, пред собою стоящего, то бы и ему уповательно тож несчастие

было при Ганге, каковое Карлу при Днепре случилось»)[636], или Александра / Карла – Дария / Петра («...естли б российский Император был Дарий, то бы и Карл Шведский имел царя Македонского счастие; а естли б Петр Великий был царем в Персии, то бы и Александр подобно Карлу XII остался побежденным, ибо Шведское войско Македонскому в храбрости ничем не уступало и предводитель онаго такой же был разумный и искусный вождь, как Македонский»[637]). По А. Нартову, эти аналогии видел и сам Петр: «Брат Карл все мечтает быть Александром, но я не Дарий»[638]. Таким образом, панегирическое для европейских авторов сопоставление Карла с Александром становилось панегирическим приемом и в русской литературе: по логике авторов, Карл – великий полководец, одолеть которого мог только больший гений. Подчас же русские сочинители отказывались признавать саму возможность сопоставления Петра и Карла и вслед за европейскими писателями отводили шведскому королю лишь роль лучшего воина великого полководца. Так, в книге Осипа Беляева «Дух Петра Великого, императора Всероссийского, и соперника его Карла XII, короля Швеции» (СПб., 1798) содержится характерная цитата: «Итак, *по мнению* г. Вольтера, Карл достоен быть первым Петра Великаго ратником»[639] (точно так же, по мнению Монтескье, «Карл не был Александром Македонским, но мог бы стать лучшим воином Александра»).

Одной из причин, позволявших русским и европейским авторам отождествлять походы Карла против Петра с походом Александра против Дария, являлось географическое расположение их государств: Швеция (как и Македония) является западной, а Россия (как и Персия) – восточной страной. Кроме упоминавшихся панегириков на французском языке, об этом говорится в латинском стихотворении «In Mitoam»[640] (1701) О. Гермелина. В поэме Ломоносова «Петр Великий» Карл обращается к Востоку, но он «не найдет Дария, чтоб Александром стать»[641]. В «Сравнении жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей» (СПб., 1766) Л. Гольберга сказано, что Карл – «король шведский, котораго жизнь есть цепь удивительных приключений»[642], не может стать героем этого сочинения, поскольку он западный «великий герой». Петр же герой восточный, поэтому он здесь присутствует и сопоставляется с Акебаром, «сильнейшим монархом в Азии», который «государствовал гораздо прежде российского монарха», «владел малым и притом слабым народом, но учинил оный храбрым»[643].

Другим великим полководцем древности, с которым шведские панегиристы XVIII в. сравнивали Карла, был Цезарь. Правда, возможность сопоставления Карла с Цезарем осложнялась тем обстоятельством, что от имени Цезаря произошли наименования титулов упоминавшихся в шведских текстах европейских монархов: императора Священной Римской империи (в «Festivus applausus» Э. Сведенборга император Карл VI назван Germanicus Caesar)[644] и русского царя. В последнем случае сравнение с Цезарем становилось способом прославления Карла: так, в стихотворном предисловии-панегирике Карлу XII к «Nora Samolad» (Упсала, 1701) О. Рудбека-сына после рассказа о поражениях польского короля Августа II и Петра I от Карла говорится о бегстве Августа и Цезаря[645]. Больше того, как «преемник» византийских императоров Цезарем в Швеции именовался и турецкий султан (в «Optatae pacis spes rediviva» (1710) А. Стобаеуса он назван Byzantinus Caesar[646]).

Вместе с тем, в панегириках Карлу о его сходстве с Цезарем говорилось достаточно часто. Так, в изданном в Стокгольме в 1700 г. французском стихотворении «Королю Швеции Карлу XII» Карл признавался достойным имени Великого и ставился в один ряд с прославленными героями древней истории: Александром и Цезарем[647]. В «Опыте скромного стихотворца» (Фалун, 1788) Е. А. Виндаля (Windahl) помещено стихотворение «На смерть короля Карла XII, 30 ноября 1787 г.», в котором, в частности, говорится: «Ты не умер, Великий Карл, когда ты свой жизненный путь завершил... Цезарь и Карл не рождаются в тысячу лет»[648]. При этом в шведской панегирической литературе XVIII в. существовали различные способы отождествления Карла и Цезаря. Кроме прямого уподобления, шведские панегиристы комментировали деяния шведского короля принадлежащими Цезарю афоризмами. Так, в шведских победословных и исторических сочинениях описание побед Карла могло сопровождаться примечанием: veni, vidi, vici[649].

В России, как следует из приведенного Я. Штелиным анекдота, Цезаря цитировал сам Петр («Иногда боролся он с разъяренными волнами и жестокою бурею, при которой и самые искуснейшие мореплаватели лишались бодрости, и не только пребывал неустрашим, но еще и других ободрял, говоря им: “Не бойся! Царь Петр не утонет; слыхано ли когда – нибудь, чтобы русский царь утонул”»[650]), и, судя по отзывам, при сравнении Александра и Цезаря отдавал предпочтение последнему: «Александр – не Юлий Цесарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света»[651].

В свою очередь на сходство Карла с Цезарем русские авторы внимания не обращали и о Цезаре как прототипе Карла не писали (в «Записках Христины» отмечается: «историк сей столько предуверен о своих Государях, что он простирает похвалы о любви наук даже до Карла XII, который в жизни своей ничего не читывал, кроме Юлия Кесаря» [652], но здесь на месте записок Цезаря могла оказаться история того же Александра Македонского).

Зато в русских текстах начала XIX в. сам Карл XII становился образцом для последующих завоевателей. В «Жизни и военных подвигах шведского наследного принца Понтекорво, бывшего французского генерала Бернадота» (М., 1813) содержится следующий фрагмент: «Великий подражатель Карлу XII Наполеон мнил, что с избранием зятя его, бывшего прежде генерала Бернадота, в наследники Шведского престола он найдет в нем вассала, готового раболепствовать его властолюбию и хитростям, однако надежды его в разсуждении Шведскаго народа и принца Понтекорво не свершились» [653]. Больше того, благодаря Бернадоту (как следует из переведенных английских журнальных статей) «Швеция, почти изглаженная с лица и из памяти Европы, сделалась опять державою важною» [654].

Таким образом, в первой половине XVIII в. определился круг величайших европейских завоевателей, включавший в себя Ахиллеса, Александра, Карла и Наполеона. В России признавали преемственность Ахиллеса – Александра – Карла и Карла – Наполеона. В Швеции же из этого списка выключали французского императора: в письме от 7 апреля 1828 г. Тегнер писал, что «в отличие от Цезаря, Александра и Карла XII, я не смотрю на Наполеона иначе, чем с эстетической точки зрения» [655]. Однако главным прототипом шведских королей в шведской литературе XVII–XVIII вв. оставался все-таки Александр Македонский.

В Швеции (и в Европе) в XVII в. с Александром отождествлялся Густав II Адольф (в изданную преподавателем упсальского университета А. Дю Клу (Du Cloux) книгу «Gustavus Magnus sive orationes panegyricae» (Leiden, 1637) включен панегирик «Alexander Novantiquus sive magni Gustavi Adolphi Gothorum, Svecorum, Vandalorumque modo Regis gloriosissimi cum Alexandro Rege quondam Macedoniae et c. Cognomento Magno comparatio» немецкого ученого и писателя М. Вирдунга (Virdung), где Густав Адольф признавался монархом, превосходящим Александра [656]), и Карл XI (стихотворение 1689 г., посвященное дню рождения короля, заканчивается похвалой «бесподобной Милости» «Северного

Александра, который никогда не совершил чего-нибудь недостойного или заслуживающего упрека» [657]), а в XVIII в. – Густав III (в оде «На мир, который заключен в Вереле 14 августа 1790 года» [658] А. Бергштедта).

Некоторые тексты, содержащие сравнение шведских монархов с Александром Македонским, были переведены на русский язык. Так, в «Истории разных героинь и других славных жен» (СПб., 1767) Л. Гольберга о Густаве Адольфе сказано, что «он как второй Александр посреди своих побед скончался, будучи убит на сражении при Литцине» [659]. Самой главной героине этого сочинения – шведской королеве Христине, принадлежит сочинение под названием «Похвала Александру». В переведенных на русский язык «Записках Христины, королевы Шведской» об этом произведении шведской королевы сказано, что «Христина должна бы меньше хвалить сего государя и больше подражать ему не в том, чтобы иметь необузданную любовь ко славе и победам, но в величестве души его, в качествах, достойных царствовать, в знании человеков, в обширности его мыслей и в просвещенном вкусе его в науках и художествах» [660].

* * *

В русской переводной литературе XVIII в. Христина появляется чаще всех остальных шведских монархов, за исключением, конечно, Карла XII. Ее судьба, как и судьба Карла, представлялась европейским жизнеописателям удивительной и поучительной: «История ея показывает ясно, сколь велико различие между ученостью и рассудком» [661] («История разных героинь» Л. Гольберга; ср. с «нравоучительным» выводом Вольтера о Карле XII). Другие шведские короли своей жизнью таких поучительных примеров не давали, хотя в произведениях нравоучительного характера присутствовали наряду с Христиной, главной шведской героиней европейских сочинений такого рода.

В 1780 г. в Москве вышло адресованное детской аудитории «Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов» Л. Беранже. В предисловии к этому изданию отмечается, что «большая часть книг наводят детям скуку: наши стихотворения для них вредны, потому что они сочинены людьми легкомысленными или отважными», «Нравоучение» же содержит не скучные и полезные сочинения – в основном, истории о европейских, китайских и индийских

монархах, английских купцах и т. д. Особенно часто упоминается французский король Генрих IV – великий монарх и мудрый человек. Таковыми же были и неназванные в тексте шведские короли: «Истинный философ, вопрошен будучи Шведским королем, советовал добродетельному сему монарху воздвигнуть монументы, которые бы безпрестанно приводили на память его подданным, сколь добродетель величественна, а порок мерзок. Сей философ желает, чтоб все большие дороги, все публичные места, деревни, крыльцы храмов со всех сторон представляли полезные памятники сии» (глава «О воспитании относительно до пристрастия к игре» [662]). В том же «Нравоучении» Л. Беранже Христина представлена как отрицательный исторический персонаж (глава «Трагическая смерть г. Монадяки, Обершталмейстера Христины...»). Про шведскую королеву говорится, что она «...питала в себе великия страсти. Часто для укрощения или для удовлетворения им употребляла она страшные и жестокие средства; она услаждалась мучениями, которыя раздраженная любовь причиняет соревнующимся любовникам» [663]. Она подготавливает расправу над своим фаворитом, она его и убивает. После того, как убийцы «раздавливают голову сего нещастного и тащат к ногам Христины издыхающую ея жертву», «нет, воскликнула она, бешенство мое не удовольствовано. Знай, чудовище, что рука, излившая на тебя толикие благодеяния, дает тебе последний удар» [664]. В своих комментариях Беранже называет поступок Христины странным, ставшим «смертоносною эпохою для жизни и памяти сей Шведской Королевы» [665].

Эта история пересказывалась во всех сочинениях, посвященных Христине, и была хорошо знакома русскому читателю: «Она, находясь в сем году в Фонтенебле, учинила самое презренное дело, осудив на смерть одного из своих служителей и исполнив приговор самим делом. Сказывают, что она во время сей казни оказывала великое удовольствие и была чрезвычайно веселою» [666] («История разных героинь»; правда, в другом месте Гольберг замечает, что «она была столь милостива и сожалительна, что трудно было ее уговорить к осуждению кого на казнь» [667]), или «сие путешествие было только достойно примечания пагубною смертию Молдаветия, великого конюшего ея, которого она велела убить почти пред собою в Фонтенебло» [668] («Записки Христины»).

Не меньшее внимание всех биографов Христины привлекало ее отречение от шведской короны и переход в католичество (по Гольбергу, этот экстравагантный поступок шведская королева совершила лишь для того, «чтоб редкими необыкновенными и чрезвы-

чайными предприятиями прославиться»[669]). Не случайно датский драматург видит в Христине лишь актрису: «Королева Христина, оставив шведский престол, имела различную судьбину. Ибо как она должна была представлять в себе трагическую героиню, то вся ея жизнь была одно театральное позорище, наполненное романтическими и художественными или преестественными явлениями»[670].

По мнению европейских жизнеописателей шведской королевы, главная черта характера Христины – непостоянство, и это качество осуждается в ней в первую очередь: «Природа не пожалела ей ничего как в разсуждении наружных, так и внутренних дарований... сколь же не велики были сии преимущества, однако усматривали в ней всегдашнее непостоянство»[671]; «переменное поведение ея, непостоянство нрава и вкусов, малыя пользы, которыя она почерпнула от знаний своих и от разума своего, чтобы сделать счастливыми человеков...», вызывали мало уважения у людей, ее знавших[672].

В зависимости от своего отношения к Христине авторы (декларировавшие стремление сохранять объективность) по-разному передавали одни и те же высказывания о шведской королеве ее знаменитых современников. Так, пересказывая слухи о раскаянии Христины после отречения, Д'Аламбер приводит слова канцлера Акселя Оксеншерны, который, «будучи тогда уже на смертной постеле, сказал: "я ей предвещал, что она будет раскаиваться о сем поступке, но она всегда дочь Густава"»[673]. У Гольберга же Оксеншерна говорит значительно резче: «сказывают, что сей канцлер незадолго перед смертью своей выговаривал: она не имеет разума, но что я говорю, она дочь великого Густава»[674].

Естественно, Гольбергу нелегко оставаться объективным по отношению к шведам и Швеции. Говоря о «соседственном» государстве, он обязательно переходит к разговору о родной ему Дании. Так, непостоянство Христины подтверждается ее отношением к датскому королю, а отречение Христины от шведского престола Гольберг рассматривает с точки зрения датских интересов: «Дании не было никакой причины веселиться о том, что Христина сложила с себя корону, ибо Швеция никогда не была впредь столь мало опасна для Дании, как при таковой Королеве, какова была Христина в последних годах ея владения»[675].

В «Записках Христины», прокомментированных и изданных Д'Аламбером, естественно, присутствует французская тема, однако основное внимание здесь уделяется пребыванию Христины во Франции и ее приглашению в Швецию Декарта[676].

При этом, в отличие от рассуждений Гольберга, в сочинениях французских авторов, писавших на «шведскую» тему и говоривших о шведско-датском соперничестве, предпочтение, как правило, отдавалось шведам, персонажи-датчане изображались как порочные и не имеющие представления о добродетели. Так, например, о супруге датского короля Христерна Сигбрите в «Истории разных героинь» Гольберга сказано, что «О сей знаменитой женщине можно бы было весьма пространно говорить» [677], в романе Комона де ла Форса «Густав Ваза» – что «сия женщина имела много разума, а в протчем была прегнусная тварь и весьма недостойна того, чтобы быть единственным предметом любви Христиерновой» [678]. В свою очередь датский король во французском романе назван «наипрекраснейшем из мущин в свете»; «он был на то создан, чтоб возбуждать любовь, но сие толь прекрасное тело заключало в себе душу, лютостьми наполненную и всякими пороками оскверненную» [679]. Точно так же во «Всеобщем Швеции изображении» (СПб., 1797) Катто-Каллевиля о главных героях этой истории говорится: «Христерн стыдом и раскаянием ужасные злодеяния свои заглаживал, когда Густав I царствовал в Швеции» [680].

В «Сравнительных жизнеописаниях» «славных жен» Христина сопоставляется с Марией Стюарт и, как и в книге Беранже, относится к числу отрицательных исторических персонажей («Из историй сих двух королев видно, что они обе имели в себе высокие дарования природы, которые употребили во зло» [681]). Так, Христина и Мария Стюарт «обе ненавидели своих подданных и предпочитали пред ними чужестранцев» (причем «государство ей [Христине. – *М. Л.*] столько не нравилось, что она имела омерзение к народным нравам и обыкновениям, так что и самой шведской язык был ей весьма противен» [682]. По Гольбергу, оправданием Марии Стюарт служит то обстоятельство, что она «владела строптивым и непослушным народом», но Христина «имела послушных и охотных подданных, которые сносили терпеливо ея погрешности и со всем тем любили ее внутренно» [683]. И поэтому ее презрение к шведам извинить невозможно.

Особенно сильно Христина уступает Маргарите Датской, «северной Семирамиде», в которой Гольберг видит идеальную правительницу, не способную совершить и даже произнести что-либо, достойное осуждения. Так, приведенное в книге Гольберга известное напутствие Маргариты «молодому королю Эрику», что «Шведы должны тебя кормить, норвежцы одевать, а датчане защищать»,

сопровождается опровержением: «Но сие невероятно, чтобы она поступала со Шведами так презрительно» [684].

В свою очередь в Швеции в XVIII в. о Христине писали с неизменным почтением. Так, в «Нижайшей речи его величеству Густаву III на его День рождения» (Стокгольм, 1779) говорится: «Христина, единственная дочь Густава Адольфа, взошла на престол с обширными знаниями и с блестящими качествами, с любовью к государству и с таким готовым к его защите бесстрашным сердцем, что вся Европа была занята ее прославлением. Но это Солнце, которое при своем восходе так прекрасно сияло, служило и делало честь нашему Северу, склонилось к закату прежде полудня» [685]. В России подобные отзывы не переводились, и русский читатель располагал лишь переводами книг Гольберга и Д'Аламбера.

* * *

Кроме жизнеописаний некоторых шведских монархов отдаленных эпох, в России второй половины XVIII в. выходили издания, посвященные «нынешнему» шведскому королю Густаву III. К их числу принадлежат не только сатирические сказки и стихотворения военного времени, но и переведенные и изданные в 1792 г. шведские бюллетени, рассказывающие о покушении на короля и о его гибели: «Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля Шведского» (в Петербурге продавался шведский оригинал этой книги [686]) и «Достоверное известие о убивстве его величества короля швецкаго... 10 апреля 1792 г.». Из этих изданий русский читатель мог узнать о мужестве и величии духа Густава: «с таким точно спокойством и твердостью духа, с каковым сей монарх при многих случаях отваживал неустрашимо жизнь свою, и при сем случае не только снес терпеливо и с удивительною бодростию болезненное и мучительное рассматривание и перевязывание своей раны; но будучи в постеле допущал к себе весь Королевской Двор, многих придворных, государственных чиновников и чужестранных посланников, вступал с ними в разговоры и наконец учредил на время своей болезни Государственное Королевское правление...» [687]). В свою очередь покушавшийся на жизнь короля Ю. Анкерстрем представлен малодушным убийцей, не имеющим ничего общего с тираноубийцей: «Анкештрем, увидя, что Король от его выстрела не упал, хотел проколоть кинжалом, но оробел и ужаснулся, так что от робости кинжал выпал из

рук его на пол; почему он и пистолеты тихонько опустил и скрылся между народом, чтобы привести всех в безпорядок и кричал "Пожар! Пожар!", что также и многие другие повторяли» [688], а произошедшее событие – не имеющим аналогов в истории Швеции; как отмечено в «Достоверном известии о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля Шведского», оно «чувствительно во внутренности для каждаго вернаго подданнаго и до самаго несчастнаго того часа внутри пределов Шведского Королевства было не слыхано» [689].

* * *

В Швеции в XVIII в. правлению некоторых российских монархов посвящались специальные научные исследования, например «Dissertatio historico-politica de magno moscovitarum duce Johanne Basilide II, tyrannorum principe» (Upsaliae, 1738) Э. Фрондина (Frondin; главный научный труд этого ученого посвящен происхождению иероглифов: «De hieroglyphicis et sacris veterum literis» (1701)). Однако чаще о русских царях рассказывалось в шведских инвективных или панегирических сочинениях, жизнеописаниях и анекдотах.

Кроме Петра I (становившегося героем произведений шведской литературы от «Нарвы» (1701) А. Стобаеуса до «Петра Первого, императора Российского, или Собрания интереснейших эпизодов из жизни этого великого человека» (Стокгольм, 1814) Й. Х. Бауэра (в переводе К. Радемине)), большое внимание в Швеции уделялось императрице Елизавете Петровне, пользовавшейся здесь неизменным почтением.

Как отмечалось выше, в 1762 г. в Стокгольме вышло стихотворение «На ее императорского величества Елизаветы Петровны прескорбную кончину» Ю. Брелина, в 1771 г. в Упсале – «История знаменитой российской императрицы Елизаветы» Ю. Б. Буссера (Busser; для которого эта книга была не первым опытом жизнеописания монархов: в том же 1771 г. и также в Упсале был издан его «Исторический рассказ обо всех коронованиях шведских королей»).

«История Елизаветы» представляет собой сухой рассказ об основных событиях правления русской императрицы. Ее частная жизнь занимает шведского автора очень мало, хотя некоторые «анекдотические» детали здесь все-таки присутствуют. Так, Буссер неоднократно повторяет, что Елизавета имела привычку переоде-

ваться в мужское платье, но тут же добавляет, что происходило это на праздниках или во время посещения гвардии и что мужской костюм был ей к лицу («она представляла красивую и рослую мужскую персону» [690]). К внешней привлекательности Елизаветы Буссер возвращается постоянно и свое «короткое и ничтожное описание этой великой Принцессы» начинает с рассказа о ее удивительной красоте [691]. По мнению шведского жизнеописателя российской императрицы, Елизавета Петровна не только красавица, но и «образцовая монархиня», недостатки же ее простительны, так как «...и солнце не без пятен, но от этого земные жители получают от него не меньше пользы» [692].

Вместе с тем, основным источником сведений о российских монархах для шведского читателя XVIII в. были анекдоты на немецком языке или переведенные на шведский с немецкого. Сюжет пьесы Густава III «Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина» заимствован из немецкого издания «Анекдотов о Петре Великом» («Original Anecdoter von Peter dem Grossen». Leipzig, 1785) Я. Штелина; шведским переводом немецкой книги «Anecdoter aus dem Privatleven der Kaiserik Katharina, Paul des essen und seiner Familie» (Hamburg, 1797) являются «Анекдоты об императрице Екатерине II и императоре Павле I и о частной жизни его семьи» («Anecdoter utur Kejsarinnan Catharina II och Kejsaren Paul I jämte hans Familles Privat – lefnad». Stockholm, 1798). Правда, с немецкого языка на шведский переводились исторические анекдоты не только о российских императорах, но и о прусском короле Фридрихе Великом («Анекдоты о Фридрихе II» (Stockholm, 1786–1787) Ф. Х. Унгера (Unger); кроме того, в 1788 г. в Стокгольме была издана переведенная на шведский книга А. Ф. Бюшинга (Busching) «Характер Фридриха II, короля Пруссии»), а среди выходивших в Швеции сборников произведений этого жанра встречаются книги на немецком языке, не имеющие никакого отношения ни к России, ни к ее императорам (например, «Schwedische aneckdoten». Stockholm, 1761).

Как следует из предисловия к «Анекдотам об императрице Екатерине...», это сочинение является пересказом записок некоего поляка, служившего у Павла (не случайно большая часть книги посвящена именно Павлу, а не Екатерине), «громогласно рассказавшего о слабости и величии» российских монархов и кратко их охарактеризовавшего. Так, по его словам, «Екатерина была пылкая, стремительная и пламенная, она поступала так, как желала, любила, ненавидела, награждала и наказывала». Но «в ее бурной и

деятельной крови была капля мягкости», что Шекспир называл «страстным молоком»[693].

В издававшихся в Швеции анекдотах российская тема представлена достаточно широко. Например, в 1790 г. в Вестеросе вышли (а в 1793 г. переизданы) «Удивительные и забавные Сибирские анекдоты», переведенные, по всей видимости, с немецкого Ю. Гагнерном (Gagnern) и, вне всякого сомнения, относящиеся к разряду произведений художественной литературы. Это сочинение имеет достаточно сложную композицию: в предисловии к книге говорится о пребывании в Сибири двух плененных под Полтавой шведских офицерах и об их знакомстве с князем Нарышкиным, затем представляется рассказ князя о «происшествиях в семье Нарышкиных» и причинах, по которым русский вельможа оказался сосланным в Сибирь, затем говорится о хранящихся в библиотеке князя книгах по истории Сибири и о некоей ценной рукописи, повествующей о Ермаке и подробно пересказанной в отдельной главе. И, наконец, автор снова возвращается к жизни шведских офицеров в Сибири и заканчивает книгу рассказом о женитьбе одного из них на дочери князя Нарышкина.

При этом «вставные новеллы», истории Нарышкина и Ермака, занимают большую часть книги, а герой последней похож на реального Ермака лишь тем, что назван казаком и погибает в Иртыше: «Так кончил жизнь храбрый Ермак, когда победа была уже у него в руках. Он кончил жизнь, которую скорее влачил, чем пользовался, и его душа вознеслась, чтобы снова соединиться со своей любимой Великой» (возлюбленной Ермака, дочерью гетмана Мазепы [!])[694].

Кроме того, в Швеции выходили: в 1797 г. «Эма и Лемосов, русский анекдот»; в 1809 г. в Стокгольме «Анекдоты, касающиеся пребывания его величества короля в Петербурге в 1796 году и его неудавшегося бракосочетания с Великой княжной Александрой» Шарля Мазона; в 1814 г. «Забавные анекдоты из восемнадцатого столетия» Й. Х. Бауэра (Bauer) (первый том посвящен Петру I, второй – Карлу XII); в 1822–1823 гг. – «Анекдоты о князе Потемкине-Таврическом».

Помимо сочинений о русских и шведских монархах, в России и в Швеции издавались книги, посвященные наиболее выдающимся военным и государственным деятелям обеих стран. В России появился «Монумент генералу Банеру», в Швеции – жизнеописания героев русской истории XVIII в. Так, в переведенном с того же немецкого языка и посвященном А. Д. Меншикову «Разговоре между

шведским и русским офицерами о быстром возвышении всемирно известного статс-министра князя Меншикова при царе Петре I... и его падении при царе Петре II» (Стокгольм, 1734; книга была переиздана в 1767 г.) русский, отвечая на вопросы шведа, подробно излагает историю царского фаворита. При этом рассказ о Меншикове и Петре «очищается» от известных шведскому офицеру фантастических выдумок, которые приводятся и тут же опровергаются. Так, выслушав легенду о «князе Кушимене», прочитанную шведом у некоего автора (Ламбера де Герана), русский офицер говорит: «Это больше похоже на роман, чем на реальную историю, но я расскажу вам, мой господин, истинную правду» [695].

Другому известному деятелю русской истории XVIII в. – фельдмаршалу Миниху, посвящена вышедшая в Стокгольме в 1771 г. книга П. Юрингиуса (Juringius), содержание которой излагается в самом ее названии: «Описание жизни графа Бурхарда Кристофера фон Миниха, русского военачальника, известного своим походом на Данциг и Турок, участием в последней революции в России и длительным заключением в Сибири. Он умер в 1767 году» (Стокгольм, 1771).

Естественно, в этом жизнеописании Миниха не может не присутствовать «шведская тема»: в эпизоде, рассказывающем о турецкой войне и прибытии Миниха к Переволочной, упоминается Карл XII и сражение под Полтавой (фрагмент, заимствованный из «Записок» Манштейна), а замечание «герои редки, в то время как великие люди, хотя и не в большом количестве, существуют всегда» сопровождается характерным примером: «Все эпохи могли порождать Августа, но не все – Густава Адольфа» [696]. Миних же, по мысли Юрингиуса, принадлежит к числу Героев; это мнение отчасти разделял К. Х. Гъервелл, включивший книгу о Минихе в состав упоминавшегося выше сборника «Жизнеописания», куда, кроме указанного сочинения, входили рассказы о Жанне д'Арк, Генрихе IV, Катоне, Ганнибале, датском короле Христерне II («Тиране»), императоре Тите, Фридрихе-Вильгельме и Мартине Лютере. Этот список включает как безусловно положительных, так и отрицательных, на взгляд шведских авторов, исторических персонажей; о Минихе же здесь говорится, что «его жизненная история показывает, что не следует умалять его достоинство, и тогда его можно отнести к числу славнейших и удивительнейших людей нашего столетия; его гений и знания могут заслужить наше почтение, его жизнь, правда, не вся, желание подражать, судьба – наше внимание» [697].

* * *

Сочинения, содержащие описание народа «соседственного государства», а не его истории, деяний монархов, географического и экономического положения (например, русские переводы «Введения в гисторию европейскую» С. Пуфендорфа, «Всеобщего Швеции изображения» Катто-Каллевиля или «Краткого географического описания королевства Шведского и принадлежащих к оному в начале сей войны немецких провинций» [698]), в Швеции и в России в XVIII в. издавались нечасто. Одной из таких книг является вышедший в России перевод французской «Дорожной географии, содержащей описание о всех в свете государствах, их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстояниях их от Парижа и о ведущих к сему городу дорогах как морем, так и сухим путем» (М., 1765). Жители России и Швеции представлены здесь следующим образом: «Россияне росту посредственнаго, плотные, сильные. Простый народ имеет склонность к вину; однако дворяне Российские трезвы, учтивы, приятны к чужестранным, говорят многими языками и, между прочим, Французским, Немецким, Италианским. Российский язык несколько взаимствует от Греческого и произношение его весьма приятное» [699]; «Шведы лицем белы, пригожи, росту хорошего, сильны, храбры, добрые солдаты и обходительнейшие из северных народов. Говорят про них, что они ленивы и любят вино и хорошее кушанье. Шведский язык мало взаимствует от Тевтонского, однако Немецкий весьма общий в Швеции, так как и Французский между знатными персонами» [700]. При этом россияне и шведы, естественно, уступают французам, которые «с натуры великодушны, вежливы, разумны и приятны к чужестранним, они имеют вид веселый, поступки свободныя и непритворныя. Добрые солдаты, упражняются в художествах и науках с великим успехом» [701] (не случайно в книге указано расстояние до Парижа и дороги, ведущие к нему).

В русских и шведских сочинениях XVIII в. соответственно «шведской» и «русской» тематики Франция и французы (как и большинство описанных в «Дорожной географии» государств и народов) не упоминались ни отдельно, ни в связи с главным предметом изображения, однако с представителями других стран шведы и русские в таких произведениях сопоставлялись, а иногда и отождествлялись; и подобные сопоставления являлись одним из способов восприятия народа соседней страны.

О культурном и историческом родстве шведов и датчан русский читатель мог узнать из переводившихся и издававшихся книг Гольберга и Малле. Так, из «Истории датской» Гольберга следовало, что в древности оба народа поклонялись одним и тем же богам, с той только разницей, что в Дании особенно почитался Один, а в Швеции – Фреер («...после Одина был Фреер, азиятский же князь в великой силе, который по смерти почитаем был богом, а особливо в Швеции, где в прежние времена видим был посвященный ему храм в Упсале» [702]). В «Истории разных героинь» Гольберга о датской королеве Маргарите говорится, что благодаря ей была «основана великая северная монархия» [703], в которую входили и Дания, и Швеция.

Малле, рассказывая об истории Дании, нередко упоминает все скандинавские страны («Три главнейшие народа Скандинавии соорудили храмы в запуски»), хотя каждый скандинавский народ так или иначе выделяется на фоне остальных («но ни единый не был толико славен, как храм Упсальский в Швеции» [704], или «Самовластное правление было после опять возстановлено во Швеции при некоторых случаях, но всегда на короткое токмо время» [705]).

В то же время история шведско-датских политических отношений говорить о единстве скандинавских народов не позволяла. В исторических сочинениях Гольберга о многочисленных датско-шведских войнах рассказывается очень часто, и победа достается, естественно, датчанам, хотя мужеству шведов также отдается должное: «Сражение было 21 Сентября 1388 года и с обеих сторон с великою храбростью происходило, но напоследок Шведы были побиты, а Датчане одержали совершенную победу» [706]. В свою очередь шведские авторы датчан щадили очень мало: о датской хитрости и коварстве в XVI–XVII вв. писали Лаврентиус Петри (Laurentius Petri Gothus), Л. Форнелиус (Fornelius) и Пуфендорф (Pufendorf) [707]. Темой выходивших в начале XVIII в. шведских панегириков были победы, одержанные в том числе и над датчанами. Так, разгрому датского войска под Хельсинборгом в 1710 г. посвящены стихотворение Э. Сведенборга «Festivus Applausus in Victoriam qvam Celsissimus Comes Magnus Stenbock de Danis ad Helsingburgum 1710 Mart. Reportavit» [708] и «Optatae pacis spes rediviva» (Лунд, 1710) А. Стобаеуса, где честным шведам противопоставляются вероломные датчане [709]. В России XVIII в. об этой антитезе не знали ничего [710].

Зато российскому читателю были хорошо знакомы работы Гольберга, который, как житель «соседственной» и поэтому дале-

ко не всегда дружественной Швеции Дании, испытывал к Швеции отношение, свойственное всем датчанам. В «Лудовика Голберга сокращении Универсальной истории» (СПб., 1766) на вопрос: «какое нынешнее состояние Дании?» следует характерный ответ: «До последней войны с Швециею Дания в непрестанном страхе пребывала для возрастающей от дня в день силы шведской. Но по благополучном окончании войны и по стеснении Швеции почти в древних ея пределах, сей страх минул» [711]. К счастью соседей Швеции, «Шведы, полагавшие долго всю славу в одном оружии, напоследок искусством познав, что ничего, кроме зависти и пустаго имени, которое непостоянством щастия вскоре уничтожается, чрез войну приобрести не можно, обратили мысли свои к миролюбию, и сколько в прежние времена старались они к расширению пределов государства, столько в нынешние пекутся о распространении художеств, наук и купечества» [712] (в упоминавшемся панегирическом предисловии к «Nora Samolad» (Uppsala, 1701) Рудбека-сына военные успехи Карла XII, напротив, дают возможность «прекрасным искусствам давать ростки в его государстве» [713]). С точкой зрения знаменитого шведского поэта, издателя и историка О. Далина массовый русский читатель мог познакомиться только в начале XIX в. [714] и на протяжении всего XVIII в. знал о позиции лишь одной из сторон.

В свою очередь шведско-турецкое единство основывалось не на культурно-исторической близости, а на враждебности обеих стран по отношению к России. В XVIII в. политическая ситуация в Европе складывалась таким образом, что в России шведы воспринимались как ближайшие союзники турок. В русских одах, посвященных победам в войнах конца 80-х – начала 90-х гг., шведы и турки представлены как единая противостоящая России сила: в 1789 г. была издана «Ода на победы Россов над *турками* и *шведами* в 1789 г.»; в «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня» (СПб., 1790) Н. Эмина говорится, что «И Турк, и хитрый Готв меч брани извлекают...» [715]; в «Песнопении ея Императорскому Величеству... на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море» (СПб., 1788) Ф. Козельского представлен «грандиозный» образ восстающего против России ада (так автор представлял себе шведско-турецкий альянс):

Пять крат простершись, преклонился
От Юга к Норду злой Мехмет,
Пять раз с Густавом пошептался

И выше облак восстает,
Горящему столбу подобен,
Надмен, скрежещущ, горд и злобен,
Сверкающ жалом, как огнем,
Поднялся лютый Готф по нем... [716]

Правда, в самой Швеции отношение к Турции было традиционно враждебным. Так, о крайне отрицательном отношении шведов к туркам в XVII в. говорит фрагмент речи известного шведского ориенталиста Г. Лиллиеблада (Перингера) (Lillieblad [Peringer]; 1651–1710), произнесенной им в 1674 г. и посвященной восточным языкам. Рассказ о турецком языке Лиллиеблад предваряет следующим замечанием: «Я могу видеть, дорогие слушатели, что вы начинаете шептаться и что вы, которые до настоящего момента слушали меня с большой готовностью, радостно и приветливо, теперь (услышав это название) морщитесь и, кажется, не принимаете похвалу Турецкому языку, так же как хвалебные речи таким вещам, как лысость, лихорадка, глупость, слепота, грязь, несправедливость, вши и ослы. Вы думаете, что на этом языке ничего не может быть выражено надлежащим образом, кроме угроз, ран, убийств, преступлений, сражений, крови, ножей, сабель, кинжалов, поклонов, баллист, орудий, что в этих словах обязательно должно быть что-то ужасное, и вы полагаете, что слова этого языка, возводящие хулу на Бога и свирепые по отношению к людям, нужно отбросить подальше как боевой клич варварского языка, сопровождающийся ужасающей деформацией рта, губ и резким оскалом зубов» [717]. А в 1683 г. (во время осады турками Вены) в Швеции была издана «Молитва против христианских врагов турок» (в том же году эта молитва вышла под названием «Молитва против христоненавидящих врагов турок и их тиранических сторонников»).

Точно так же в XVIII в. в Швеции не сочувствовали Турции, терпящей поражение от России: в 1770 г. в Стокгольме были изданы «Письмо к Аристархусу касательно последней русской победы над турками» и упоминавшееся выше «Письмо о завоевании Бендер», а в речи Линдебека на именины герцога Карла (1791) рассказ о разгроме турок «российскими орлами» должен был лишь свидетельствовать о силе русской армии и величии герцога Карла, сумевшего нанести России поражение [718]. Однако особенно часто шведские авторы упоминали не дружественную Швеции Турцию в произведениях, созданных в начале 10-х гг. XVIII в., во время пре-

бывания Карла XII в Бендерах и после его возвращения в 1714 г. в Шведскую Померанию.

В этих сочинениях Турция представлена как освещаемая луной страна мрака, в которой скрылось шведское солнце – Карл XII. В латинском панегирике Э. Сведберга (Сведенборга) «Festivus Applausus» (1710) говорится, что «Северное Солнце» пребывает у «Турецкой Луны» (в произведениях Сведенборга это обозначение Турции встречается постоянно [719]). В изданном в 1713 г. стихотворении К. Бъеркмана (Biųrckman) «Шведская жалоба» сказано, что «Северное солнце прикрыто восточной луной» [720], в стихотворении «Всеобщая радость Шведского государства» (1714 г.) И. Бреанта (Breant) – что Карл-солнце «вышел из лунных стран» [721], а стихотворение О. Линдштейна (Lindsteen) 1714 г. имеет название «Яркое Солнце возвращается из мрака темной Луны» [722]. При этом образы Короля-Солнца (как и в поэзии любой европейской страны эпохи абсолютизма) и Турции-Луны (как и в поэзии любой христианской европейской страны) являлись традиционными для шведской поэзии XVII в.

Так, в шведском стихотворении, посвященном дню рождения Карла XI (1689 г.), король называется «ярким Солнцем, осветившим шведский Горизонт» [723]; при этом, возможно, благодаря «турецкой» истории Карла XII, в шведской панегирической литературе XVIII в. монарх, покинувший Швецию, сравнивался с солнцем, зашедшим до срока (например, в упоминавшемся выше фрагменте речи, посвященной дню рождения Густава III, – о королеве Христине [724]). О турецкой Луне, представлявшей опасность для всей Европы, писали и шведские писатели XVII в. (например, придворный проповедник королевы Хедвиг Элеоноры, пастор в Сорунде (1678) и в Енщепинге (1687) Э. Дрюзелиус (Dryselius; 1641–1798) в «Турецкой Луне, показывающей как в зеркале ненадежное владычество магометан» (Енщепинг, 1694)), и французские авторы латинских сочинений, посвященных Густаву II Адольфу и поэтому хорошо известных в Швеции (например, Э. Йоллюве (Jollyvet) в «Fulmen in Aquilam, seu Gustavi Magni... bellum Sueco-Germanicum» (Paris, 1636) и А. Гариссоль (Garissoles) в «Adolphidos sive de Bello Germanico... libri duodecim» (Montauban, 1649)) [725].

Вместе с тем, в одном шведском или новолатинском стихотворении XVII – начала XVIII в. шведское солнце и турецкая луна не встречались, и, таким образом, новая для шведской поэзии антитеза «северное солнце» – «восточная луна» появилась лишь в первой половине 10-х гг. XVIII в. В это же время тема пребывания

шведского короля в Турции получила развитие и в русской панегирической литературе, и при этом русские авторы использовали те же «астрономические» образы, что и шведские поэты.

Как и в шведских, в русских панегириках XVII–XVIII вв. основным обозначением Турции являлась луна: «Бисурман и с луною мрачною своею // Хотя градом владети и землею чужею» (анонимные «Стихи об Азове»), и «злочестие, жалея о погибели идолослужения и умножении благочестия, взжигает две кометы: луну таврикийскую, льва шведскаго, еже вредити православие» [726] («Торжество мира православного»). При этом, в отличие от шведских авторов XVII в., воспринимавших Турцию как страну хоть и опасную, но далекую и со Швецией никогда не воевавшую, русские панегиристы видели в Турции извечного врага, а в луне – символ вражеского государства. В русской панегирической поэзии территориальные потери Турции в войнах с Россией могло обозначать превращение полной луны в ущербный месяц: «Преполная луна у них ныне ущербляет, // Взятием бо Азова весьма ея умаляет» (стихи А. Виниуса Шеину на взятие Азова [727]), а борьба российского солнечного света с турецким лунным мраком – мотив, распространенный в русских панегириках турецкой тематики: «И солнцу подобный сотвори во власти, // Турецкой луне в нощи приидет и пропасти» [728].

Как и в шведских послеполтавских текстах, в русских панегириках, посвященных Полтавской битве и бегству Карла в Турцию, «лунная» Турция изображалась как страна мрака, но мрака духовного. Если для шведских авторов пребывание Карла в Турции подобно заходу солнца, то для русского панегириста шведский король отрекся от света христианства и погрузился во мрак «агарянства». В черниговском Синаксаре 1710 г. об этом говорится следующим образом: «Посрамися в надежде любяй тму помраченный ея правитель Король Свейский, не Солнце с Финикийским древными народы почитает, а луне агарянской екли-птичной в изменении чести и славе своей в веки пребывающий, темние обрати зеницы» [729]. Правда, по мнению русского панегириста, Карл, как и все шведы, «любил тьму» изначально, еще до своего бегства в Турцию: «Прилично свейску землю луною нарещи, выну бо есть в веры издревле измененна и непостоянна, никогда светом правды Солнца неосиняема» [730].

Несмотря на то что главная причина издания черниговского Синаксаря – Полтавская победа, о Турции здесь говорится много и не только в связи с пребыванием Карла в Бендерах: «Проклятый Агарянин многих сынов Церкви святой матере нашей в гортан на-

сыщенный тяжкой неволе восхитил», Петр же «грады агарянские пленя, страх и трепет победителною своею десницею врагом нанесши, многих сынов церкви матере восточной здравых от тяжчайшой его неволе бисурманской избави» [731]. Таким образом, речь здесь идет о двух побежденных врагах России: Швеции и Турции.

При этом автор Синаксаря четко разделяет турок и шведов по религиозному признаку: турки названы басурманами, шведы – еретиками (во фрагменте, посвященном взятию Ревеля, сказано: «...се слава истая Государя нашего сице устрояти // От скверн еретических грады избавляти»; или: «Коль презелне нашедшым еретическим от свей облаком малороссийское помраченно бе небо» [732], – так русским панегиристом развивается тема иноверного мрака).

В то же время в стихотворном предисловии к черниговскому Синаксарю Полтава связывается с победой христианства над «бусурманством»:

Все гласы к Богу возносили
Все усердно его просили,
Благодатию огради
Противны покори грады,
Даруй мирную тишину
Благочестием едину,
Сияющую во вселенной
В конец мира прославленной,
Победе под Полтавою
Увенчай его славою,
Рцем все обще буди, буди
Прославете царя люди,
Да вознесет христианский
Рог сокрушит бесурманский.
Вся чин и возраст желает
События ожидает.

Конечно, в России басурманами могли называть и европейцев, в том числе и шведов. Например, в «Записках» Желябужского о русско-шведских военных столкновениях сказано: «бусурман в том месте зело много побили Преображенского полку драгуны», или: «и как пришли на бой государевы конные и пехотные полки, и они, бусурманы, видя храбрость и мужество ратных государевых людей, не могли противу их стать» [733]. Точно так же лютеранство называется басурманством в старообрядческих сочинениях, где, в частности, говорится, что Петр «бусурманство-де на себя взял, веру у шведа перенял» [734].

Однако для русских авторов, четко различавших мусульманство и лютеранство и не воспринимавших всех «иноверцев» как врагов православия, подобная подмена была невозможна: турки назывались басурманами или агарянами, шведы – еретиками или иконоборцами. Например, «Сражением жестоким бусурманы побеждены...» [735] (в стихотворении Виниуса Лефорту на взятие Азова),

«проклинаю еретическое приятие, еже агарянским обычаем последоваше и не открытою главою молятся» [736] (в переведенной в Швеции в XVII в. русской антилютеранской инвективе) или «злочестивых бисурманов во вся покорил» [737] (в «Славе торжеств и знамен победных...» И. Копиевского). В многократно переиздававшейся в конце XVII – XVIII в. книге «Ектеньи на победу над супостаты» о «еретическом их шатании» сказано лишь в издании времени Северной войны – 1703 г., в то время как в издании 1687 г. (названном «Ектенья о победе на агарян») упоминается «безбожное христоненавистное агарянское царство».

В «Службе благодарственной... о великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом XII и воинством его, сделанной под Полтавой» (М., 1709) Феофилакта Лопатинского говорится: «Вознесый рог Христа Твоего и всех православны, сломивый же еретический» [738], то есть шведский. Можно предположить, что в посвященном победе над шведами черниговском Синаксаре словом «рог», как и в «Службе» Феофилакта Лопатинского, обозначается сокрушенная шведская сила, и басурманами здесь названы шведы. Однако, в отличие от Феофилакта, противопоставлявшего рог православный рогу еретическому (т. е. протестантскому), автор Синаксаря «рогу бусурманскому» противопоставляет «рог христианский», притом что басурманами в этом сочинении названы только мусульмане-турки. Значит, в стихотворном предисловии к Синаксарю речь идет не о православии и лютеранстве, а о христианстве и мусульманстве, победе которого, по мнению русских авторов, всеми силами способствует Карл XII (в «Кратком описании Славных и Достопамятных дел...» (СПб., 1788) Крекшина Карл «...рассуждал, хотяб все *христианство* пропало, а *бусурманство* умножилось» [курсив мой. – *М. Л.*] [739].

Неисключено, что через эту антитезу в «Синаксарь» вводилась «турецкая» тема, получившая дальнейшее развитие в самом тексте сочинения, и таким образом еще раз подчеркивалась враждебная России близость турок со шведами [740].

Можно допустить, что, по мнению черниговского автора, полтавская победа повлечет за собой окончательное торжество над турками («вся чин и возраст желает, события ожидает»; ср. с концовкой «Епиникиона» Феофана Прокоповича, где говорится, что после Полтавы будет возможно «сокрушити темницы варварския и ярем безмерный, и от долгих узилищ извести род верный, Да же вся победная совершивше рати, крест на стенах

Сионских водрузити златый»). В то же время столь же четкий и мотивированный, как у Феофана, переход от победы над шведами к победе над турками в Синаксаре отсутствует, и может возникнуть предположение, что «еретики»-шведы едва ли не отождествляются с «басурманами»-турками.

Кроме того, появление в русских победословиях XVIII века некоторых обличительных наименований шведов может объясняться в том числе присутствием в стихотворении «турецкой» темы. В «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня» Н. Эмина шведы названы тиранами: «На раны смертныя шлет новыя им раны, // Узнали тут его – но поздно уж, тираны»[741]. «Тираном, свейским лвом злым» и «прегордыми тиранами» Карл XII и шведы назывались в песне Полтавского цикла «Возвеселися, Россие, правоверная страна...», однако в панегирике Эмина на жестокости шведов и их попытках захватить Россию и угнетать ее жителей внимание не акцентируется.

В русских текстах XVIII в. склонность шведов к тирании в вину им не ставилась, хотя о деспотическом правлении некоторых шведских королей в России представление имели. Например, в «Краткой истории королевской шведской фамилии, именуемой Густавов... с присовокуплением некоторых замечаний» (М., 1790) об Эрике XIV сказано, что «...он после кончины своего родителя сделался как бы извергом своего поколения и причинил государству чувствительнейшие нещастия»[742].

В русской литературе XVII–XVIII в. тиранами назывались, как правило, правители Турции: «С того всего не трудно познать богатство и можность и силу того тирана, котораго не ни за что вменяя, Бога всемогущаго усердно молить непрестанно должны есмь, дабы его гордость смиривши, народ Христианский, братию нашу с под тяжкаго ярма Бусурманскаго свободил, а Православному Самодержцу нашему дал мужество, победу и одоление на Враги Христа Господня. Буди, буди!»[743] («вольный перевод» 1678 г. «Двора царя Турецкого» С. Старовольского), или: «Вострепещи, Отман презлобный... Привычная врагов прощать, // Чего не ведают тираны, // Твои престанет множить раны. // Противен ей твой смертный стон» («Ода на заключение мира с Королем Шведским» (СПб., 1790) П. Плавильщикова) или: «Мне мерзок таковой, монархиня, тиран // Который в гибели народов ищет славы» (пер. стихов г. Вольтера И. Богдановича). В то же время, как и в черниговском Синаксаре, в «Прологе» Эмина говорится о шведах и турках как объединившихся врагах России («И Турк, и хитрый Готв

меч брани извлекают» [744]; «Фелице в брани Турк и Готв тросник гнилой» [745]), и этим можно объяснить возможность переноса «турецких» пейоративных наименований на шведов.

В первой половине XIX в. о шведско-турецкой дружбе в России уже не писали, но об их былом альянсе помнили хорошо. Возможно, поэтому в вышедший накануне русско-турецкой войны 1828 г. сборник текстов турецкой тематики были включены «Мысли королевы Христины о турках» (имеется в виду королева Христина Августа), из которых ничего нового ни о турках, ни о Турции русский читатель не узнавал: «Опасаться турок не есть пустой страх», «К щастью, турки превосходят нас в невежестве и свирепости», «Разсуждая о вторичном приходе турок под Вену, видишь явно, что Бог ослепил их» [746].

По всей видимости, русскому редактору требовалось привести «антитурецкие» высказывания, исходящие от представительницы страны, традиционно расположенной к Турции (правда, сами шведы комплиментов здесь не удостаиваются; во входящем в то же издание «Кратком описании древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты» содержится следующий пассаж: «Карл XII неумеренною смелостью навеки, может статься, государство свое в такое привел состояние, в каком оно ныне находится» [747]). При этом о былом шведско-турецком альянсе здесь не говорится ничего.

В свою очередь в Швеции русские сопоставлялись, как правило, с восточными народами, с теми же турками, персами и татарами; так, в вышедшей в 1578 г. и посвященной осаде Ревеля брошюре рассказывалось о варварах-турках и варварах-московитах [748]. Во включенном в антологию шведской поэзии К. Карлссона стихотворении Вервинга «На маскарад, который произошел в королевском дворце в феврале 1700 г.» говорится, что «русский здесь виден, и татарин, и перс» (правда, чуть ниже упоминается испанец) [749]. В шведских победословиях XVIII в. с турками и персами русские не сравниваются, зато сходству русских с татарами уделяется чрезвычайно много внимания: в изображениях, посвященных нарвской победе, постоянно присутствует татарская шапка, либо попираемая шведским львом, либо теряемая бегущим Петром; накануне русско-шведской войны 1741–1743 гг. в Швеции вышла книга Лееенберга с характерным названием «Сага о шведской шпаге, русской сабле и татарском луке», а в изданной в связи с началом русско-шведской войны 1788–1790 гг. «Оде шведской армии» (Стокгольм, 1788) Нордфорсса, в частности,

говорится: «Что может помешать народу татарского рода разорить южные страны?» [750] Однако, в отличие от сопоставления шведов с датчанами и турками, это сравнение являлось, скорее, инвективным приемом.

Крайне редко в шведских текстах на русскую тему появляются и оказываются в одном ряду с татарами греки. Так, в оде А. Экеберга «На мир между Швецией и Россией» (Упсала, 1791) сказано: «Я не слышу больше, чтобы на Востоке гремел ужас, // Крик, который я слышу – это крик радости, // Который провозглашает, что Грек и Татарин // Только что стали братьями сыну Атлантики» [751] (то есть шведу).

В некоторых шведских панегириках XVIII в. (посвященных шведским и российским монархам) Россия получала свое древнее скандинавское название Гардарике (в шведском тексте «Hervar saga» специально указывается, что Гардарике – это Россия); например, в оде «На Ея императорского величества Елизаветы Петровны прескорбную кончину» сказано: «Ты великая Монархия! Ты гордое Гардарике, // Чья огромная мощь не имеет равной, // Чей достойный меч храбро защищищает свою землю // И бережно ограждает права твоих Соседей...» [752]. По всей видимости, здесь Россия XVIII в. отождествлялась с Древней Русью, которая в шведских сочинениях по истории Швеции воспринималась как страна, мало чем от Швеции отличающаяся: в рукописном переводе «Истории Швеции» О. Далина сказано, что «Финны... должны были признать над собою Шведское или Холмогердское державство, что было почти одно и то же» [753].

В стихотворениях, посвященных войнам Швеции с Россией-Гардарике, шведы уподобляются героям древности, а сами эти войны – древним походам; не случайно в оде Хесселиуса «Высказывание старого Старкоттера о деле с русскими под Вильманстрандом», где сказано, что готы «желают рубить мужей Гардарике», упоминается Вальгалла [754]. Точно так же в стихотворении некой Алетеи С... (Aleteja S...) «На высокорадостное приближение к нашим границам» возвращающегося из Турции Карла XII (1714 г.) говорится, что шведский король «уничтожил силу Гардарике» [755], а в «Предупреждении Старкоттеру» (1741) Ю. Холмберга повествуется о схватке «медведей Манхейма» с «ордами Гардарике» [756], и таким образом развивается тема военной славы древних шведов (повторим, что Старкоттером звали наиболее известного великана из числа населявших древнюю Швецию, а действующие в этом стихотворении шведы-медведи названы «гиперборейскими»).

Вместе с тем, в древнескандинавских сочинениях Гардарике представлена как сказочная страна на востоке, и «поэтому в сагах, описывающих события X–XI вв., поездки в Гардарики обычно больше похожи на “сагу о древних временах”, чем на сагу о более близкой эпохе»[757]. Называя Россию Гардарике, шведский автор XVIII в. также мог иметь в виду некую фантастическую страну мрака и ужаса. Например, в посвященном окончанию русско-шведской войны 1788–1790 гг. «Стихотворении на мир» (Еребро, 1790) Е. А. Виндаля говорится: «Среди горных хребтов Гардарике возвышается ужасно одна гора. // Там репейник и топи выдают тайну пустынной природы. // Там дикие звери, воют духи, там привидения ищут дом, // Там не ступала нога христианина, и нет дневного света»[758].

* * *

Большинство русских и шведских текстов XVIII в., содержавших сравнение народа соседнего государства с другими народами, было создано во время русско-шведских войн. Точно так же характеристики шведов и русских встречаются, как правило, в оригинальных русских и соответственно шведских победословиях или сочинениях, появившихся во время войны.

Превосходные военные качества шведов постоянно подчеркивались в русских и европейских сочинениях XVIII в. Неоднократно говорилось о шведской храбрости, шведском военном умении, шведской дисциплине и т. д.: «Нужда к войне иметь воинство не новое, но изученное и обыкшее; где тое лучшее, как в Швеции, которая людей своих и учением, и делом так в военном обхождении исправила, что, кажется, ничего иного, кроме войны, не умеют. Нужда есть и великая, дабы рядовой воин был сильный и во всяких трудах и безгодиях терпеливый; и того ради славные оные спартаны, как об них истории повествуют, закон или обычай имели младенцов своих в студеной воде купать, дабы от рождения терпения навыкали. А Швеция не требует таковаго предоберегательства, ибо, понеже терпеливодушие воинское на сугубой силе, аки на двоих раменах утверждается, на природе и искусстве» («Слово о состоявшемся между империей Российскою и короною Шведскою мире 1721 года» Феофана Прокоповича)[759]. О достоинствах шведских солдат было известно далеко за пределами Швеции, и некоторые восточные правители искали способ приобрести такое войско. В «Записках Вебера» приводится курьезная история о посланце бухарского хана, желавшем, чтобы «царь подарил ему несколько

шведских девиц или дозволил бы ему купить их, ибо де повелитель его слышал, что шведы народ воинственный, и он очень бы желал развести в своей стране такую воинственную породу» [760]. Петр отклонил эту просьбу.

В русских текстах шведской тематики некоторые подчеркивающие расположенность шведов к военному делу сравнения и эпитеты не сопровождаются объяснением. Так, посвященная Полтавской победе «Хвала на славы пространного одоления» (М., 1709) содержит следующий фрагмент: «Начнем веселым гласом викторию возглашати сердцем и благодарными устами поздравляти храбраго царя изнаполненнаго целомудрия, который для ползы его царства ни своей крови, ни жизни не жалеет, аки майор смелый в воинской погоде держался и храбро сквозь медных шведов простирался» [761].

В этом фрагменте традиционные для русских победословий образы и мотивы соседствуют с образами и мотивами, в русских панегириках не встречавшимися. Так, о бесстрашии Петра во время сражений, не только Полтавского, русские источники говорят постоянно, например: «его царское величество своим высоким прибытием к сей виктории зело много споспешествовал, ибо от полку до полку изволил ездить и добрыми распоряжениями и напоминаниями и храбрым прикладом своих возбуждал к мужеству» [762], а пробитая во время Полтавской битвы шляпа Петра в панегириках Феофана Прокоповича упоминалась неоднократно [763]. В то же время с «майором смелым» Петр не сопоставлялся никогда. По всей вероятности, автор имел в виду офицера не самого высокого звания, в обязанности которого входит непосредственное присутствие на поле боя; не случайно в русском переводе лютеранских молитв к воинским артикулам «в брани смерти не боятися» [764] просит только офицер. Особый эмоциональный настрой этого фрагмента подчеркивает окказиональная рифма, несомненно, выделяющая этот отрывок. И именно здесь прославленные шведы (ниже указывается, что «ныне, премогущий Монарх, чрез ваши храбрые действа заглушены трубы славы свейския похвалы» [765]) названы медными.

В русских панегириках времен Северной войны железо и медь называются «военными» металлами: «Нага воистинну и безоружна была Россия! Зде бо именем оружия не просто оружие, то есть железо и медь, на вред супостатам устроенныя, разумею, но доброе оружия употребление» («Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире» [766] Феофана Прокоповича) или: «Громы его железо и медь сокрушают» [767] (Копиевский И. «Слава торжеств и знамен победных...»). При

этом благодаря большим запасам железной и медной руды в Швеции оба эти металла воспринимались в России как шведские. Например, в том же «Слове о мире со Швецией» Феофан Прокопович замечает, что «шведский народ... железу *своему* подобный» [768]; об обилии в Швеции меди говорится, например, во «Введении в гисторию европейскую» С. Пуфендорфа («меди и железа больше от Швеции исходит, нежели от всех иных Королевств» [769]).

Твердость и прочность металла позволяли русскому панегиристу сравнивать с ним шведских солдат: «Таковое же о себе во народех ощущая мнение, безмерне кичитися и гордитися и народы презирати навыче: единаго себе помышляя быти непобедима и уязвитися не могуща, и аки бы от твердой руды составленна» («Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексеевичу... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» [770] Феофана Прокоповича). По всей видимости, Феофан имеет в виду железную руду, по крайней мере, в «Слове о мире со Швецией» говорится о прочности железа: «шведский народ природою самый северный (зимных бо климатов народи, яко удобнейшые к войне паче прочих от политиков похваляются), а искусством от частых походов ко всяким тягостям как железо закаленый и славному железу своему подобный» [771].

Возможно, в «Хвале» медь, как и железо, обозначает твердый металл (так, в описании краткими стихами иллюминации «На всерадостное ея императорского величества... Елизаветы Петровны... в Троицкую Сергиеву обитель пришествие» (М., 1744) говорится: «Левой щит держит рукой, мощно ждать победы // Мощно, щит составлен сей от прекрепкой меди»). Точно так же контекст этого фрагмента не дает никаких сведений о происхождении образа медного врага. Возможно, упоминание этого металла должно было вызывать библейские ассоциации («...и шлем медян на главе его [Голиафа. – *М. Л.*]... и поножи медяны верху голению его, и щит медян на плещу его» [772]), возможно, античные ассоциации (например, в значительно более позднем «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами» Н. Эмина: «И Турк, и хитрый Готв меч брани извлекают, // Се гидры медныя зев страшный разверзают, Блаженство Севера стремятся поглотить. // Благоволи, Зевес, их ярость укротить» [773]), возможно, панегиристу было достаточно найти металл, использующийся в военном деле и имеющийся в Швеции в большом количестве, «заменить» крепкое железо медью

или указать на деталь амуниции. Повторим, что никаких указаний на этот счет в тексте русского панегирика 1709 г. не содержится.

Вместе с тем, в русских сочинениях XVII–XVIII вв. сравнение героя с медью или употребление в отношении него эпитета «медный» никогда не являлось комплиментом. Так, в панегириках медь как дешевый металл, не наделенный «благородными» свойствами, могла сопоставляться с золотом, металлом дорогим и поэтому ведущим себя, как и герой панегирика, добродетельно и достойно. Например, эпитафия Стефана Яворского Варлааму Ясинскому, написанная незадолго до «Хвалы» (в 1707 г.), содержит следующее шестистишие:

Молчит злато под млатом, разнствуя от меди,
Подобне и Варлаам поношаше беды.
Тихостию роптания, тихостно многажди
Претерпе ненависти, клевети и вражди.
Се тихостию прият всех бед, зол и млати,
Тело убо перстное имело дух златий [774].

В русских текстах медь могла заменяться другим «дешевым» металлом: оловом (например, в «Недоросле» Д. И. Фонвизина) или тем же железом: «Проповеди преосвященства вашего, богомудрыи и набожныи, под спудом лежат. Сродно есть крушцу золотому и серебренному в недрех земных быти глубоко, а худого железца руде на верху» [775] (из письма Димитрия Ростовского Стефану Яворскому, написанному в том же 1708 г.). В свою очередь шведские авторы XVII–XVIII вв. находили, что шведская медь вполне сравнима с золотом: в поэме А. Стобаеуса «Augur Apollo» (1672) про медь рудника в Фалуне говорится, что она – «сокровище, которое имеет форму и цвет золота» [776].

В то же время в русских инвективах XVII–XVIII вв. эпитет «медный» подчеркивал отрицательные качества оппонента. Так, в Великих Минеях Четиих (сентябрь) сказано: «Железная выя твоя, сиречь непреклонна, и чело твое медно, рекше безстудно» [777], а в 8-й сатире А. Д. Кантемира – «Между тем другой, кому боги благосклонны // Дали медное лице, дабы все законный // Стыда чувства презирать не рдясь, не бледнея...» [778]. При этом в «Лексиконе славенороссском и имен толкования» (Киев, 1627) Памвы Берынды меднолицым называется «нестыдливый» (правда, в «Хвале» говорится лишь о «гордой дерзости» Карла, «бесстыдство» его войска здесь не отмечается). Вместе с тем, некоторые физические свой-

ства железа позволяли сравнивать с ним героев «похвальных слов», и не только победословий. Так, в «Нравоучительных мнениях, взятых из свойств Марии Владимировны графини Салтыковой» Ф. Карина говорится, что «Сердце Ея было железо, для которого все нежные и благородные чувствования были магнитом»[779].

Таким образом, можно предположить, что автор «Хвалы» подобрал металл, вызывающий у читателя целый комплекс в основном отрицательных ассоциаций. При этом само появление в этом тексте металлов объясняется несомненным интересом русского панегириста к «металловедению». Так, в концовке «Хвалы» приводится библейская цитата: «кровавый меч кровопролитие покинет и будет раскован в серпы», и авторское дополнение к ней: «или в непотреблении заржавеет»[780]. Такой финал традиционен для победословий, однако, говоря о ненадобности в мирное время оружия, панегиристы никогда не заостряли внимание на дальнейшей судьбе материалов, из которых оно сделано. Например, в изданной после победы в Турецкой войне «Эпистоле российским ратникам» (1775) Сумарокова СенНикола говорит: «предайте в недра мира оружие свое, еще парящееся кровию врагов ваших... наслаждайтеся спокойно приятностию славныя жизни, приобретенныя вашим победоносным оружием, более не подчиненным опасности браней и которое не ослабеет, ибо вы не ослабеете и пребудете во упражнениях военныя науки»[781]. В свою очередь автор «Хвалы» отмечает, что меч либо подвергнется перековке, либо попросту заржавеет.

* * *

Из текста «Хвалы» не ясно, имел ли в виду русский автор зрительное восприятие шведского войска и, следовательно, интересовал ли его цвет меди. Вместе с тем, о сине-желтых цветах шведского флага говорится в поэме Стобаеуса «Augur Apollo»[782], сине-желтые цвета мундиров шведских солдат называются в оде К. Бельмана 1788 г.[783] и в помещенном в «Беседующем гражданине» русском «Послании из царства мертвых»: «Уж Стиксовы брега мундирами оделись, // Синеют все поля, долины зажелтелись»[784]. В свою очередь о желтом цвете меди говорится в сочинениях шведских авторов: в «Augur Apollo» Стобаеуса и в «Российской грамматике» (Стокгольм, 1750) М. Гроенинга в разделе «О рудах, драгоценных и простых каменьях», где различаются медь красная (koppar) и медь желтая (messing).

Правда, в русских текстах первой четверти XVIII в. шведским цветом был признан не желтый, а лазоревый. Так, при описании мундиров шведских солдат русские авторы, как правило, называют лишь синий цвет: в «Юрнале или поденной росписи, что под Нарвою чинилось» (М., 1704) об упомянутой выше военной хитрости сказано, что некоторые русские пехотные и кавалерийские полки «убраны были в синие кавтаны, а драгуны в синие епанчи, и прибраны знамена таких же цветов, как у швецких войск бывают»[785].

В «Описании триумфальных ворот в Москве по случаю мира со Швецией» представлено следующее изображение: «Две царицы объемлются: одна в памодаменте красном, Россию знаменующая, а другая в лазоревом, знаменующая Швецию. Надписание: "Правда и мир облобызает сея"»[786].

При этом в шведских текстах XVIII в. не упоминаются ни цвета мундиров русских солдат, ни русские национальные цвета (о пурпурных одеяниях шведских монархов в шведских панегириках говорится постоянно, но русским красный цвет не назван ни разу). «Цветовое» восприятие противника в шведских сочинениях отсутствует как таковое. В России же сама Северная война была представлена как «война цветов», красного русского и лазоревого шведского. Так, на гербе завоеванного Петром Выборга остались шведские три короны, изменения коснулись лишь его цветового оформления: «шведский» лазоревый цвет был заменен на «русский» красный[787].

Естественно, в русских текстах XVIII в. встречаются прямые оценки шведов. В сочинениях времен Северной войны они назывались высокомерными, хитрыми, вероломными и неправедно разбогатевшими: «супостат бе... богат, иже умножил богатство своя в Полще, и в Литве, и в Селезии, потом же в Саксонии, везде грады и храмы святыя обдирая и разграбляя, тяжкия везде дани взимая» (в «Слове благодарственном о победе под Полтавою» Гавриила Бужинского)[788], или: «но еще природную свою силу безмерне умножил бяше безмерным богатством, имением и прибытком, нещадне и многократне по Литве, и Полщи, и Саксонии, по Сленску и Курляндии награбленным» (в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» Феофана Прокоповича)[789]. К началу 40-х гг. XVIII в. русские авторы отмечали бедность Швеции: «Разройте гнезда их, добыча хоть мала, // Однако будет в том велика вам хвала. // И с ней довольство нам чем вашу храбрость пети. // Не возьмем хоть богатств, но будем мир имети» (ода

Юнкера «Венчанная надежда Российския империи в высокий праздник коронования... Елисаветы Петровны» в переводе М. В. Ломоносова). В начале XIX в. Швеция называлась «самым бедным государством в целой Европе»[790].

В свою очередь в шведских сочинениях XVII–XVIII вв. русские представлены как народ заносчивый, грубый, невероятно жестокий, мало способный к военному делу и варварский[791].

* * *

В отличие от шведов, боевые качества русских солдат долгое время в Европе оценивались очень низко. В приведенных выше выдержках из европейских «известий» о победе шведов под Нарвой изумление авторов вызывало то обстоятельство, что в разгромленной русской армии служили представители известных своей храбростью народов, победа шведов над русскими удивительной не была. В дневнике И. Корба сказано, что «оружия царей боятся одни только татары. Если они одержали верх над Польшей или Швецией, то это, полагал бы я, надо приписывать не их доблести, а какому-то паническому страху и несчастию побежденных народов»[792]. Точно так же в «Рассуждениях Фридриха II короля Прусскаго о свойстве и воинских дарованиях Карла XII» (1788) русские солдаты отождествлялись с незнакомыми с воинским искусством дикарями. Про Нарвскую победу шведского короля в этом сочинении говорится: «Шведы могли ожидать, что они над Московцами те же выгоды иметь будут, каковыя приобретали Гишпанцы над дикими Американскими народами»[793].

По наблюдению европейцев XVII в., русские не имеют представления о воинской чести и долге («Московиты не знают, что в человеке таится некая божественная искра, в силу которой доблесть ведет его похвальное честолюбие к венцу славы, не взирая на самую смерть и раны»[794]), а природным малодушием объясняется их необыкновенная жестокость («а по всему городу неистовейшим убийством москвичи (якоже народ толико свирепейш, поколику природою боязлив) свирепствовали против поляков»[795]).

И в шведских победословиях времен Северной войны, и в некоторых одах конца XVIII столетия русские изображаются как угрожающие Европе полулюди, само существование которых противно Богу. Так, например, в «Ad Carolum XII, Svecorum Regem, de continuando adversus foedifragos bello» О. Гермелина сказано: «Позволь Московии изрыгать дальше несметные толпы. // Эти банды долж-

ны, однако, быть вырезаны. // Позволь России выпускать из темниц ее силы. // Позволь несчастной Сибири посылать ее юнцов, которые могут лишь преследовать робких животных на горных хребтах. // Позволь отвратительным варварским ордам выйти из их пещер...», и далее: «Московит – смертельный мор и ужас для соседних стран» [796]; в «Оде шведской армии» (Стокгольм, 1788) К. Г. Нордфорсса (Nordforss) говорится, что «славянский народ с берегов Двины жестоко... властвует в твоей [Швеции. – *М. Л.*] древней стране... хочет ужасать землю и предписывать Европе законы», что «московит подобен лесному тирану, нашедшему стадо, не охраняемое пастухом... жаждущему крови и пылающему бешенством, не довольствующемуся грабежом... но вонзающему убийственные зубы в новорожденного ягненка» [797].

В поэме Стобаеуса «Нарва», как и в оде Гермелина, говорится о «варварской дикости негодного народа», который «мечом и огнем разрушает храмы, дома и деревни» [798] (в оде Нордфорсса также упоминается «варварская сила»). При этом употребление шведскими авторами эпитета «варварский» по отношению к русским имело особый смысл и вызывало у читателя исторические ассоциации: начиная с конца XVI в., военное противостояние с Россией в Швеции воспринимали как борьбу против варварского мира. Так, в речи 1590 г. король Юхан III «сравнивал свою ситуацию с положением Александра Великого, который в своей схватке с варварами был покинут практически всеми» [799]. В предисловии к упоминавшемуся сочинению Рудбека и Палма 1614 г. говорится о победе короля Густава Адольфа над «варварским народом русскими», и, по наблюдению К. Таркиайнена, после 1610-х гг. слово «варварский» стало обычнейшим эпитетом при упоминании русских, по крайней мере, среди шведов, «имевших вкус к античной культуре» [800].

В свою очередь русские авторы XVII в. отказывали в праве называть русских варварами всем, в том числе и эллинам: «Варварами именуют... яко “всяк не еллин, варвар”, а мы не еллины все, то есть не греки, и того ради по их зломудрствию варвары» [801]. Остальные европейские народы, считающие русских варварами, по мнению русских полемистов, сами же варварами и являются: «Вы наше мерное убогое житие хулите и токмо в грубость, в барбарство и в нечистоту почитаете, а об своей буйности и разкошном да прокшеном житию тако судите, быдь то бы то все от неба было пришло и никакова греха б в том не было» [802].

В начале XVIII в. обвинение в варварстве считалось в России чрезвычайно оскорбительным. Так, после выхода в Вене в 1700 г.

«Дневника» Корба русский посланник П. А. Голицын докладывал в Москву: «Истинно, как я слышал, здесь такова поганца и ругателя на московское государство не бывало; с приезду его сюда нас учинили барбарами»[803]. В русских сочинениях начала XVIII в. признавалось лишь былое, преодоленное варварство и культурная отсталость (например, в «Слове на день Святого Благовернаго князя Александра Невского» (СПб., 1720) Феофана Прокоповича об эпохе этого князя говорится: «Жаль велми, яко времена оная малоискусная в деле книжном и не прилежная ко Историам не оставиша нам пространной о нем повести, а имели бы мы, надеюсь, много полезнаго учения»[804]). Нынешняя, новая Россия в русских текстах первой четверти XVIII в. изображалась как страна цивилизованная и европейская (например, в часто цитируемой «Речи на Ништадтский мир» сказано: «Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на Феатр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и во общество политичных народов присовокуплены»[805]).

Схожие мысли высказывались авторами шведских «пророссийских» сочинений второй половины XVIII в. Так, в анонимном «Друге отечества» говорится, в частности, что Петр I «сделал из русских счастливый народ, превратил диких зверей в людей»[806]. В «Рассуждении» Густава III сказано: «Нравами и познаниями россияне сильно отличаются от тех, что были в начале 1700 г.; смерть помешала Петру I закончить начатое», но Екатерина II продолжает реформы «с тем же успехом, что и он, хотя и с большим человеколюбием»[807].

В свою очередь в России второй половины XVIII в. продолжали бороться с пережитками варварства и при этом, как и в начале столетия, скрывали его следы от иностранцев. В инструкции 1777 г. для русских священников, отправлявшихся в Швецию, сказано: «Чудес и видений не вымышлять и другим того делать запрещать»[808]; кроме того, русским священникам повелевалось «бессопожно... не ходить, но в сапогах чистых, какие там употребляются или в башмаках с чулками черными»[809].

Однако, повторим, в начале XVIII в. варварство русских в Европе сомнений не вызывало и находило различные доказательства. Одним из чудовищных подтверждений русского варварства, по мнению шведской стороны, являлась способность пить человеческую кровь.

* * *

В письме арестованного в Швеции в начале Северной войны российского представителя при шведском дворе А. Я. Хилкова Головину содержится следующий рассказ о плененном под *Нарвой генерале Бутурлине*: «Зело злобу велику имеют все что есть в Стекхольме, большие и простые, на генерала-майора Бутурлина в том будто, как прислан был из Ругодива в Новгород к воеводе порутчик для проведывания о заставе на рубеже и того посыльного будто генерал-майор бил по лицу и взем кровь его на свою руку будто пил...» [810] Об этом происшествии известно, что фэнрик Симон Даниель Барон был отправлен с письмом от коменданта Нарвы к губернатору Новгорода, по дороге взят в плен и во время допроса избит Бутурлиным (сохранились «распросные речи шведскаго прапорщика Симона Дангеля о гарнизоне города Нарвы» [811]). По словам самого Барона, Бутурлин показал присутствующему на допросе царю окровавленную руку и объявил, что так он намеревается поступать со всеми шведами. Петр Бутурлина похвалил и назвал верным слугой. После победы шведов под Нарвой Барон был освобожден, а в 1704 г., после взятия Нарвы русскими войсками, вновь попал в плен и вернулся в Швецию только в 1722 г. [812]

Этот случай был описан в нарвской газете 9 декабря 1700 г., сразу после сражения: Барон «был захвачен в плен, мучим, пытан огнем для того, чтобы он описал положение дел в крепости» [813]. Однако в этой статье о кровопийстве русского генерала не сказано ничего. Первым шведским автором, рассказавшим историю о русском военачальнике, пьющем кровь пленных шведов, был Э. Лиллиемарк: «да, это слишком ужасно; затем он ударил его в лицо (так он сам рассказывал) и кровь, сопровождая все это варварскими словами, варварским же образом поглотил» [814]. Кстати, на портретах русских пленных, написанных в Швеции Элиасом Бреннером (Elia Brenner), только Долгорукий и Бутурлин (по наблюдению Алмквиста) имеют истинно «московитский», то есть свирепый и варварский, вид [815].

Отклик Лиллиемарка – не единственный пример сочинения европейского автора, в котором говорится об употреблении крови представителями других народов. Так, в «Истории Франции» (Амстердам, 1755) Г. Даниэля (Daniel) рассказывается, что по прибытии будущего французского короля Генриха III на царствование

в Польшу один из встречавших его шляхтичей разрезал себе руку и выпил собранную в ладонь кровь. Свой поступок он объяснил следующим образом: «Государь, горе тому из нас, кто не готов пролить всю кровь, которая у него в жилах, на службе Вам – поэтому я не хочу терять ни одной капли своей»[816]. Поведение Бутурлина во время допроса Барона также оценивается шведами как верноподданническое, однако символическим действием кровопийство здесь не называется: единственное шведское объяснение поступка Бутурлина – его варварство. Показательно, что Хилков лишь пересказывает эту историю, вину генерала не отрицает, Бутурлина не оправдывает и, в отличие от польского шляхтича, произошедшее никак не объясняет[817].

В то же время кровожадность русских – общее место шведских победословий времен Северной войны. Так, в поэме А. Стобаеуса «Нарва», царь Петр «кричит в ярости: "...берите оружие в ваши запятнанные кровью руки... я собираюсь залить Нарву кровью"»[818], Карл желает сразиться с самим Петром, «чтобы выяснить, вооружится ли свирепый тиран так же охотно, как он пьет кровь убитых жертв»[819]. Точно так же в изданном после Нарвы стихотворении «Несколько простых стихов» упоминаются «русские толпы», «которые жаждали только крови»[820]. Таким образом, рассказ о кровопийстве Бутурлина становился не только употребленным в пропагандистской войне примером русского варварства и нечеловеческого обращения с пленными, но и реализацией распространенной в шведской литературе метафоры.

При этом об обилии проливаемой врагом крови писали и русские, и шведские авторы панегириков начала XVIII в. Естественно, в текстах, содержащих подобные описания, широко использовались библейские цитаты и аллюзии: «иже бо древне стрясе гордаго Фараона всадники и тристаты и вся вои его погрузи в чермнем мори, сей и ныне равного Фараону гордостию и суровством в чермнем крови воев его потопи мори супротивнаго, мы же пришедше посуху посреде кровавого сего моря, начинающу Моисею, царю нашему, и Мариами России с лики и тимпаны воскликнем: поем Господеви, славно бо прославися»[821]. В стихотворениях С. Бреннер, посвященных Нарве и включенных в сборник «Стихотворения, написанные на разных языках, в разное время и по разным случаям» (Стокгольм, 1713 г.), говорится о черной крови русских, однако, описывая бегство неприятеля после Нарвского разгрома, шведские панегиристы ограничиваются сравнением их гибели с гибелью войска фараона; Красное море с кровью врагов в шведских

постнарвских панегириках не отождествляется. Так, в поэме Стобаеуса «Нарва» говорится: «Бог Саваоф наказал высокомерных египтян; все войско утонуло в волнах, и дети Нила были погружены и погибли» [822].

В «Преславном торжестве» Иосифа Туробойского кровавые потоки уподобляются потопу: «чрез Ґелле же утопающую разумеем свейскую державу от Ингерманландии изверженную и в волнах крове своея утопающую»[823]. В прозаическом переводе стихотворения на победу при Лесной говорится, что «тысяща ручьев крови текущей в пыли наполнили дороги великого его побега» [824]. В свою очередь в упоминавшемся стихотворном предисловии Рудбека-сына к «Nora Samolad» и в «Пожелании счастья» Карлу XII говорится об устроенной под Нарвой «кровавой бане», а посвященное тем же событиям стихотворение знаменитого шведского поэта И. Хольмстрема (Holmstrцm) имеет название «Русская баня» (Стокгольм, 1701).

Вместе с тем, как показывает переиздание некоторых русских молитвословных текстов, в правление Екатерины II официально декларируемое отношение к неприятелю изменилось принципиально. Так, изданная впервые в 1687 г. «Ектенья о победе на агарян» (в последующих изданиях 1703, 1722, 1742 и 1757 гг. – «Ектенья на победу на супостаты») содержала следующий фрагмент: «Помощниче Христе и избавителю наш, скоро прииди в помощь нашу, пролей гнев твой на злочестивые супостаты (в издании 1687 – «безбожныя агаряны»), и оружие их сокруши в конец, и грады их разруши, и имя их в век века, и память их с шумом потреби, да уведа, яко имя тебе Господь» (точно так же в «Ревности православия» (М., 1704) сказано, что Божья десница «...враги, яко содомлянов огнем зазже и градские стены разруши, из него же избегоша не мнози» [825]). В 1768 г. «Ектенья» по-прежнему содержит ссылку на 108 псалом («в роде едином да потребится имя его ... и да потребится от земли память их». Псалтирь. М., 1693), но этот фрагмент меняется: «Помощниче Христе и избавителю наш, скоро прииди в помощь нашу, пролей гнев твой на злочестивыя супостаты, и оружие их сокруши в конец, и величеством славы своея умягчи их жестокосердие, да сведят, яко имя тебе Господь силный в бранех и готовый покровитель неповинности». Предписанная в Псалтири жестокость по отношению к врагу оказывается невозможной в просвещенной и изжившей былое варварство России [826]. Об этих декларированных в России переменах было известно и в Швеции: в изданном в 1799 г. в Лунде переводе сказки Екатерины II о добродетельном и

мудром царевиче Февее жестокое обращение с пленными врагами называется противоречащим морали и варварским обычаем[827].

* * *

Вскоре после издания сказки Екатерины II в Лунде же вышла книга К. К. Берлинга (Berling) «Отрывочные известия касательно русской нации, ведущие к лучшему уразумению русского национального характера» (Лунд, 1803). По мысли автора, это произведение, являющееся ответом на многочисленные шведские сочинения XVII–XVIII вв. о «старом смертельном враге» (К. Таркиайнен), было призвано разрушить складывавшееся в Швеции веками представление о России и реабилитировать русских в глазах шведов: «Убежденный в том, что ценность Правды осознает каждый честный человек, и в том, что предрассудки и заблуждения причиняют вред, осмелился я взять перо для того, чтобы оставить эти разрозненные записки, освещающие русский национальный характер, который во многих писаниях представлен в противоречии с правдой и оскорбительным для русского народа образом» [828]. В книге Берлинга приводятся и тут же опровергаются обвинения, традиционно выдвигавшиеся шведами против русских. Так, о склонности к пьянству и мошенничеству как типично русских чертах Берлинг пишет, что эти пороки присущи всем европейским народам, а о русском варварстве – что своими достижениями в науках и искусствах русские сами ответили на этот упрек. При этом русские – «самый веселый европейский народ», «сохраняющий свою живость в любых обстоятельствах», терпим (особенно Берлинг настаивает на религиозной терпимости), верен друзьям и гостеприимен[829].

Книга Берлинга подводила итог вековой полемике, однако итог промежуточный. В первой половине XIX в. шведские авторы продолжали писать о складывавшейся веками неприязни шведов к русским, о недопустимости такого отношения и о неудовлетворительном знании России и ее культуры в Швеции: «...ничего не может быть несправедливее и даже безрассуднее такой неблагосклонности, когда она доходит до того, что подавляет желание ознакомиться с предметами, которые во многих отношениях так близки к нам» [830] («Заметки о России». Стокгольм, 1838; пересказ отдельных фрагментов напечатан в «Современнике». 1842. № 4). В этом же сочинении содержатся сведения о русской литературе XVIII – начала XIX в.: Ломоносов сопоставляется с Шернъельмом, Херасков, по наблюдению русского издателя, назван Scheraskow, а Гоголь –

Glagolej [831]. Однако эти книги относятся к новому этапу развития русско-шведских культурных и литературных отношений, итогом которого является в том числе и предисловие К. Бальмонта к «*Истории скандинавской литературы*» Ф. В. Горна.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Воинские артикулы от Великовельможнейшаго Короля и Государя, Государя Карола XI Свейскаго, Готскаго и Венденскаго Короля лета 1683 обновленные и постановленные и к тому принадлежащие деяния

Молитва высокого лица Командующаго над войском

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 120*) Господи великий Боже, иже не токмо нарицается Бог мира, но и Господь Саваоф. Силен в брани Ты и меня по твоему благоволению выбрал головою и началником твоим людем и сему настоящему войску. Ведаю, что войну невозможно сщастливо весть без истинного благочестия, высокаго ума и храброго сердца. А понеже сие твое дарование и от человеческия мощи не приходит, от сердца молю ти ся: даждь мне истинное благочестие мне само не токмо боятися призывати Твое святое имя, но и тщанием остерегати да грех между моих подлежащих возбранился, но и благочестие (*Л. 120 об.*) без лицемерства умножился. Даждь мне мудрость и разум увидети, еже мне и моим вредно или полезно может быть, и их не без нужды иногда непотребно в беду не весть. Господе, их кровь может проливатися, разсуждая, что и они человецы, яко аз, и что Спаситель Иисус их так драгоценно, яко меня искупил, и мне за их жизнь и кровь некогда ответ дати. Господи, дая храбрость и мудрость, даждь мне и неустрашимое сердце, когда мне неприятелю встречю итить. Господи, да не боюся их множества или инаго, еже неразумные боятся, но на Тебя уповати, смотря на праведно дело и ему равно (*Л. 121*) помогати немногими, неже многими, немощными, неже силными. Владыко, исправля всю мою думу и намерение

и даждь Твое святое благословение к всему моему начинанию Иисус Христом. Аминь.

Молитва офицеру

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 121*) О крепкий и живый Боже, иже силен в брани и велие дела можеши сотворити с немощными, когда хощеши помогати уповающим на Тя. Аз изнеможение свое познаваю, хотя аз приставлен иных водити, однако, с своея силы весма негоден владети над ними и дерзновенно пред ними стояти, когда нужда позовет (*Л. 121 об.*). Но Ты можеши мне дать и совесть, и сердце, сего ради Тя в том призываю. Молю Ти ся дати мне то Тебя ради, о Господи, даждь мне в брани смерти не боятися и страху ради перепятие чинит службу мне поврученную верно отправить. Но наипаче почитати короля моего и отечества благостояние неже своея жизни вели аггелом Твоим во весь живот мой проводит мя, да не боюся, что же могут человецы мне творити, когда Ты мя защищаеши. Даждь моим подлежащим последовати мне в брани и послушание отправить повеления, еже аз им началства ради дам. Даждь соединение и любовь (*Л. 122*) между нами в благом, яко братие совокупленно пребывати и верно службу нашу совершити в святаго имяне Твоего славу и честь, и короля нашего ползу и благоволение. Господи, услыши молитву нашу и даждь нам пожелание наше Иисус Христом. Аминь.

Молитва рядовому салдату

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 122*) Благоутробный Боже и святый Отче, иже еси бедным помощь в нужде и защищение Тя призывающим. К Тебе упражняя молитву мою молю ти ся умиленно Иисус Христом моим Господем и Спасителем Твоею благодатию мя прияти и с аггелами (*Л. 122 об.*) Твоими на всех путех и стопах мя сохранити, понеже Ты ведаеши, в какой бедной службе аз пребываю, и Ты Един можеши помогати, когда неприятель мя утесняет. Господи, даждь мне христианское сердце и соблюди мя от греха и злобы, отврати сердце мое от неми-

лосердия и от желания ближняго моего крови и о животов. Даждь мне благодать жалованием моим удоволится и никогда ближнему моему не сотворити, еже я не хощу да ближный мой мне паки сотворил. Научи меня, о Боже, началству моему верным и послушным быти, не замедля то верно совершити, еже мне от офицеров моих во имя его повелевается (*Л. 123*). О Господи, даждь мне волю Твою сотворити, содержая сердце мое при едином имяне Твоего боятися. Аминь.

Молитва, когда полевый бой или иные страшные случаи бывают

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 123*) Господи Боже, небесный Отче, иже с Сыном Твоим и Святым Духом не токмо власть имеющий умерщвляти, но и нам, окаянным человеком, жизнь одержати во великих бедах. Ты ведаеши, какий страшный час ныне настоит, и, может быть, что токмо пядию от смерти разстояние имам. Того ради аз (*Л. 123 об.*) ныне тело мое и душу в Твое божественнеи руце предаю. Ах, мой Боже, прости мне вся согрешения моя и не причитай мне беззакония моя, но Иисуса смертию и страданием буди мне милостив и щедр. И есть ли Твоя воля мне ныне умрети, даждь мне постоянную веру в Тя, истинного и живаго Бога, и сохрани ону во мне до последняго дыхания, яко да блаженно скончатися и воспрянути во Авраамом лоне, где мир и веселие непрестанно между теми. Даждь мне великодушие неустрашимо и без всякого гневу и горести против неприятеля моего битися. Укрепи мою мышцу, оживи мой ум и сердце (*Л. 124*) честно Короля моего службу и чин мой отправить. Даждь и всем, которые со мною против неприятеля нашего биются, храбрость, благополучие и победу, дабы супостаты наши увидели, что Ты, Боже, с нами еси ратуеши за уповающие на Тя. Аминь.

Den svenska KATEKESEN

Текст печатается по книге: Catechismus. Item en liten Bönbok (Luthers lilla katekes på svenska). Stockholm: Amund Laurentsson, 1567.

Fadher wår som äst i Himlom
Helghar warde titt nampn
Tilkomme titt Rike
Skee tin wilie såsom i himmelem
så ock på iordenne.
Wårt daghligit brödh giff oss idagh
Och förlåt oss wåra skuld såsom
ock wij förlåte them oss skuldige äre.
Ock inleedh oss icke i frestelse
Uthan frelss oss ifrå ondo.
Amen.

Bönen

Текст печатается по книге: Lutheri Cathechismus. Narva, 1701.

Fader wår / som äst i himlom
Helgat warde Namnet titt
Tilkomme rijket titt
Skee wiljan tin / som i Himmelen / och på jorden.
Brödet wårt dageligit / gif oss hwar dag.
Och förlåt oss skulder wåra / som ock wij förlåte
skuldnärom wårom.
Och icke inled oss i frestelsen / uthan frelss oss ifrån ondo
Amen.

Molitwa

Текст печатается по книге: Lutheri Cathechismus. Narva, 1701.

Otзe лasch / ische iesi na nebesiech.
Da swiatitsiä imiä twoie.
Da priidet ™arstwie twoie.
Da budet wola twoia / iako na Nebesi i na ™emli.
Chlieb nasch nasustschnuii / daschd nam dnes.
I ostawi nam dolgi nascha / iakosche i mui ostawliaiem
dolschnikom naschim.
I ne w`wedi nas wo iskuschenie / no i™bawi nas ot lukawago.
Amin.

На русское празднование Ништадтского мира
Э. Сведенборг

Текст печатается по книге: Emanuel Swedenborg. Ludus Heliconius and other Latin poems, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1995. S. 70–72.

1.Стихотворение на транспаранте в Амстердаме.

Marte triumpharunt aqvilae, jam Pace triumphant.
Qvo Mars ante stetit Pax sedet alma loco.
Bis denis gemuit Septentrio turbidus annis,
Ast laetam retulit Pacis oliva diem.
Sangvinis iverunt, jam flumina nectaris ibunt,
Marte Catenato Bacchus ad arma venit.
Орлы одержали победу в войне, теперь побеждают в мире.
Где раньше Марс стоял, теперь животворящий Мир сидит.
Дважды десять лет Север стонал от беспорядка.
Но олива Мира возвратила счастливые дни.
Текли реки крови, теперь будут течь реки нектара,
Когда Марс прикован, Бахус принимает его оружие.

2. Парафраз Сведенборга

Morte* triumpharunt aqvilae, sic Pace triumphant. *Caroli*
Qvo* Mars ante stetit Czar sedet ipse loco. *Carolus*
Et denis gemuit Septentrio Russicus annis,
Ast laetam retulit Pacis oliva diem.
Sangvinis iverunt, jam flumina nectaris ibunt,
Marte* Catenato Bacchus** ad arma venit. *Carolo*
***Muscovitarum*

Deus

Орлы одержали победу через смерть*, теперь побеждают в мире
**Карла*
Где раньше Марс* стоял, теперь сам Царь сидит *Карл*
И Север, теперь русский, стонал десять лет
Но олива Мира возвратила счастливые дни.
Текли реки крови, теперь будут течь реки нектара.
Когда Марс* прикован, Бахус** принимает его оружие.

**Карл*
***Бог Московитов*

Повесть Герварская, или О походах на древнем Готфском языке

Текст печатается по списку: РНБ. Эрм. № 308.

Герварская повесть

Глава I

(*Л. 2*). В Древних книгах повествуют, что земли, лежащия к Северу Гандвика и к Югу Лундсландия назывались Нетагем. До выхода Турок и Азиатцев на Север для поселения жили в тех Северных странах великаны и полувеликаны. Великаны брали себе жен из Мангема (Швеция), иныя же отдавали туда в замужество своих дочерей. Гудмунд имяновался владелец Нетагемский. (*Л. 2 об.*) У него была деревня Грунд и область Глезисвал. Он был богатый и мудрый человек; достиг до такой старости, что он и все подданные его пережили многих народов; язычники же верили, что владение его было Царство безсмертных и имянно такое место, в котором болезни и старость не постигали туда приходящих, и будто бы тамо никто не умирал. Царь Гудмунд родил сына Гейфудера, который мог предсказывать будущее и был весьма мудр и остроумен. Он, будучи поставлен судьею над близлежащими землями, (*Л. 3*) судил всегда в Правду и никто не отважился отменять или нарушать его решений. Горный житель именем Анграмер взял из Швеции себе в супружество Олаю Имову дочь; сын их Гергример именовался Колдуном и жил то с горными великанами, то в Швеции; был силен как великан и при том злой волшебник и боец, он взял себе в супружество из Истагема Унгу-Альфу Фустерову и прижили сына Гримера. Старкутер Алудренг жил тогда в Алупоте; он происходил от Тусарнов и был им подобен (*Л. 3 об.*) силою и крепостию, имея восемь рук; отец его был Стурверкер; Унг-Альфа-Фустер была Старкутера невеста, кою Гергример у него отнял, когда Старкутер ездил чрез Эльвогу; по обратном же его прибытии вызвал он Гергримера на поединок, дабы решить, кому она достанется в супруги. Они билися при Трольгете; Старкутер, рубяся четырью мечами в одно время, победил и убил Гергримера; она смотрела на бой и, увидя, что Гергример пал, пронзила себя Мечом, не желая

отдаваться во власть Старкутера. (*Л. 4*) Старкутер взял все, что у Гергримера было и притом сына его Грима, которой, будучи воспитан у Старкутера и вошед в лета, был велик и силен. Алфер Царь владел Алфемом (так назывались земли, лежащия между реками Гета и Рома), дочь его была Алфгилдер. Осенью приготовились у Царя принесть великую кровавую жертву богине Фриге, и Алфгилдер, быв других женщин прекраснее, обречена была к принесению на жертву, ибо весь народ Алфемский был грубее других того времени народов. Когда ночью Алфгилдер готовилась кровию окроплять кумиры, (*Л. 4 об.*) то Старкутер Алудренг увез ея в дом свой. Царь Альфер просил бога Тура о сыскании ея, и Тур, убив Старкутера, отпустил Альфгилдеру в отцовской дом и с нею Грима, сына Гергримера. Грим, достигши 12-ти лет, отправился в поход и был весьма знаменитый воин, он, взяв себе в жену Бергерд Альфгилду Старкутера, Алудренга дочь, и поселился в Смоландии на острове Больме и назывался потому Гримером Больмским; сын его был Андгример Богатырь, живший после того в Больме и был весьма славный воин.

Глава II

(*Л. 5*) В то время пришед с востока Азиатцы и Турки поселились в Северных странах, воевода их Удин родил много сыновей, которые Зделались великими и сильными людьми; одному из них, Сигурламию, дал Удин Царство Горд (Россию), где он владел; он был весьма пригож и взял за себя Шведскаго Царя Гильфа дочь Гейду, у них был сын Свафурлами. Сигурлами вступил в войну и сражался с великаном Тияссем; Свафурлам, уведомившись о поражении отца своего, принял его царство и, владея оным, зделался (*Л. 5 об.*) грозным. Некогда случилось, что Свафурлам был на охоте и целой день искав оленя, не мог найти его до захождения солнца и, заблудившись в лесу, не знал как выехать. По правую сторону находилась гора, на которой видел он двух карликов, на коих напал под горою с обнаженным мечем. Они предлагали ему выкуп за свою жизнь, и он спрашивал о их именах, на что ответствовали, что одному имя Дирен, а другому Двален. Он, ведая, что они были из всех карликов самые искусные и замысловатые, велел (*Л. 6*) им зделать себе меч самой лутчей с золотым ефесом, душкою, наконешником и портупеею, прибавя к тому, чтоб оным можно было метко попадать и чтоб никогда не ржавел, рубил железо, камень и сукно, и сверх того доставлял бы на войне и на поединках победу тому,

которой его носить будет, чрез что самое избавятся они от смерти.* В назначенной срок пришед они, принесли ему меч. Двалин, стоя в дверях, сказал: да поражает меч твой всякаго, когда обнажаешь и да производит три наибольшия смертныя раны. (*Л. 6 об.*) Свафурлам ударил мечем карликов, и вострее прошло в камень. Свафурлам, сохраняя сей меч, назвал его Тирфингом, нося его на войну и на поединок, и, убив оным великана Тиясса, взял за себя дочь его Фридур, с коею прижил дочь Эйвор, которая была весьма прекрасная и мудрая Царевна.

Глава III

В ней повествуется о морских разбоях и воинских походах богатыря Андгрима в областях Свафурлама, где он, грабя и разоряя селения, убил Царя Свафурлама и взял себе (*Л. 7*) дочь его Эйвору, с которою прижил 12 сыновей, кои, ходя всюду войною приобретали грабежем великия добычи; они в бешенстве своем сражались с большими каменьями и деревьями.

Глава IV

В сей главе упоминается, что из двенадцати сыновей Андгрима один Гиорвардер с протчими братьями ездил в город Упсал для испрошения у Царя Инга дочери Ингеборги себе в супружество.

Глава V

Бияртемар боярин, владея Альдеиеборгом, (*Л. 7 об.*) хотя не происходил от знатной породы, однако, был столь же богат и силен, как и другой Государь. Он имел дочь Свафу, благонравную девицу совершенных лет, которая вышла за Ангантира, сына Андгрима.

Глава VI

Бияртемарова дочь Свафа родила дочь Гервор, которая была весьма пригожа. Она, обучившись стрелять и владеть луком, мечом и щитом, делала всегда больше зла, нежели добра и, скитаясь по лесам, убивала и грабила людей.

* *В шведском оригинале* – «как сукно».

Глава VII

(*Л. 8*) Гервор одна в Муском платье и вооруженная ездила по морям и, пристав к морским разбойникам, назвала себя Гервардером*, то есть предводителем.

Глава VIII

Царя Гудмунда сын Гауфудур с согласия отцовскаго браком сочетался с Герворою, дочерью Ангантира, с которою прижил двух сыновей: Ангантира и Гейдрекера. Ангантир был благонравный и кроткий, а Гейдрекер, будучи злонравен и свиреп, убил брата своего Ангантира.

Глава IX

(*Л. 8 об.*) В сей главе упоминается только о том, что Гейдрекер, раскаиваясь в братоубивстве, удалился в лес и, пристав к разбойникам, зделался над ними предводитилем, а после того принял правление над народом.

Глава X

Царь Гаральд Ритгетский имел дочь Гельгу, которую Гейдрекер получил купно с половиною Государства в удовлетворение за усмирение неприятелей Царя Гаральда и за возведение его паки на Царство, котораго лишился было от неприятелей своих.

Глава XI

(*Л. 9*) Царь Гаральд при старости родил сына Гальдана, и зятю его Гейдрекеру родился сын же Ангантир. Но как по причине зделавшейся в Царстве дороговизны с общаго согласия положено было, чтоб знатной породы младенцов приносить в жертву для удовлетворения Богов, то Гейдекер с дружиною отправился к своему отцу Гауфудеру, требуя о том совета, на что сей ответствовал, чтоб сына своего Ангантира яко знатной породы принес в жертву. Но Гейдрекер вместо того, чтоб сына своего принесть (*Л. 9 об.*) в жертву, убил своего тестя Гаралда и его сына Гальдана и

* Подчеркнуто в рукописи.

окропил их кровию кумиры, о чем сведав, Гаральдова дочь Гельга с печали повесилась в лощине Дизарской.

Глава XII

Царь Гейдрекер напоследок был весьма силен и богат и, предпринимая частые наезды и походы, ходил войною в Сакс, где взял себе в супружество Улаву – дочь Царя Гака и прижил с нею сына Ангантира, но за ея неверность возвратил отцу. Потом ходил он в Гунскую землю и взял (*Л. 10*) в добычу Свафу, Царя Гумля дочь, с которою незаконно прижил сына Глаудура, которой был воспитан у Царя Гумля. После того, будучи в некоторой союзной с ним области, взял прекрасную женщину Сифку, которую увез себе в наложницы.

Глава XIII

В оное время был в Царстве Горде (России) Рулаугер, сильный и обладающий многими землями Царь, за которым была царица Герборга, всем народом любимая. Они прижили (*Л. 10 об.*) сына Герлаугера и дочь Гергерду, кои были прекрасны. Царь Гейдрекер, оставя все отцовские советы, отправил в Горд к Царю Рулаугеру послов с тем, что желает воспитывать его сына. Когда приехали к Царю Гордскому послы и предлагали о препорученном им деле, объявляя при том и желание Царя Гейдрекера заключить с ним дружеской союз, то хотя Рулаугер крайне не хотел послать сына своего для воспитания к такому Царю, которой был весьма порочен, говоря: «Приятели де и родственники его дали ему большое Государство, и он обманул их»; но Царица на то отвечала: «Государь, не говорите сего, (*Л. 11*) вы знаете, что Гейдрекер великой воин и победоносец, соделовающий премудростию своею великия подвиги, вы не будете безопасны, буде он зделается вам неприятелем, и для того полезнее бы было согласиться на его предложение». На сие отвечал Царь: «Быть по-твоему, и я благодарен за совет твой, когда благополучно сие окончится, но буде не благополучно, то ты много виновата будешь». После сего вручили они послам младаго Герлаугера, с коим отправились они восвояси. Гейдрекер принял Царевича весьма благосклонно и, воспитывая его с великим попечением, как (*Л. 11 об.*) сам, так и Сифка крайне его любили. Отец Гейдрекеров учил сына своего, чтоб никому не открывал того, что желает содержать в тайне: почему Гейдрекер, никому не открыва-

ясь, отправился со многочисленным войском в восточное море и прибыл в Царство Царя Рулаугера, от коего для воспитания получив сына, имел свободной въезд. Царь Рулаугер, отправя к нему на встречу своих чиновников, приглашал его к себе на пир. Чего для Гейдрекер, созвав своих ближних, советовал с ними, согласится ли на приглашение Царя Гордскаго или нет? Все бояры (*Л. 12*) представляли ему, дабы помнил он отцовское завещание, на что Гейдрекер отвечал: «Мне ни малейшей в том нужды нет, буду ли наблюдать завещание родительское, но я поеду на пир». Гейдрекер, разделя свое войско на три части, оставил одну для збережения кораблей, другую взял с собою, а третей приказал, пробираясь ночью лесом, наведываться, не будет ли ему нужды и в последней части войск. Потом отправился он со Сифкою и Царевичем Герлаугером и, прибыв, увидел множество людей и великолепные приуготовления. На другой (*Л. 12 об.*) день поутру, когда Царь с дружиною был одет, то вывели много коней, на которых поехали на охоту для стреляния зверей и птиц и, собравшись в обеденное время, возвратились в город. Гейдрекер с прочими, сев за стол и не видя Царевича, питомца своего, спрашивал, где он? На сие отвечал ему Рулаугер: «Он де, конечно, с детьми играет на дворе». Гейдрекер во весь день был не весел и со Сифкою рано лег спать. Наедине спрашивала Сифка Царя, для чего он не весел и здоров ли он? «Не могу тебе того сказать, – ответствовал он, – ибо жизнь моя в опасности (*Л. 13*) будет, ежели ты кому-либо то откроешь». Сифка с притворною ласковостью неотступно просила, чтоб он ей открылся, и на сие сказал ей Гейдрекер: «По усильной прозьбе твоей не могу не открыть тебе печаль мою: когда мы ездили по лесу и отстали от дружины нашей, и я был один с Царевичем, то, увидя кабана, бросился убить его копьем моим, но кабан оборонялся так, что копье переломилось, и я, слезши с коня и обнажа меч Тирфинг, убил его. Как же меч сей такого свойства, что должно всегда окропить его человеческой кровью, то (*Л. 13 об.*) убив кабана, хотя и искал других людей, однако никого не нашел, кроме Царевича, котораго ранил я смертельно, и за то будет мне смерть, буде Царь Рулаугер о том сведает, ибо против него у меня мало с собою войска». Сие Сифка услыша, заплакала горько и продолжала плач свой и на другой день, сидя за столом. Царица Герборга, спрашивая ее, просила, дабы она поведала ей причину своей печали, и как она отвечала, что сказать того не смеет, а Царица повторяла просьбу свою с ласковостию, то Сифка открыла ей все, что Царь Гейдрекер (*Л. 14*) ей расказывал. Царица, услыша сие и встав из-за стола, вышла в

свои комнаты и, обвив голову свою платком, горько плакала. Рулаугер, разведывая, чего ради вышла она столь скоро из-за стола, пошел за ней и спрашивал, о чем она плачет? Царица объявила ему все, что Сифка ей сказывала, и Рулаугер отвечал: «Он зделал весьма дурно и должно ему за то отмстить». Царь приказал своему военноначальнику, собрав и вооружа войско, войти с ним в сад. Гейдрекер, вышед из покоев, стал рассуждать о том, что Царица и Сифка между собою говорили, и велел войску своему тайно (*Л. 14 об.*) выбратца за город. Рулаугер, будучи в готовности к выходу, просил Гейдрекера, чтоб он с ним переговорил наедине. И когда Гейдрекер пришел в сад, то, схватя его, связали ему руки и сковали ноги толстою цепью. Царь Рулаугер приказал вывесть Гейдрекера в лес на то место, где обыкновенно казнили, и тамо повесить. Когда вели Гейдрекера из города, тогда воины его, спеша с оружием и с знаменами ему на помощь, играли на трубах, что услыша поставленное в лесу Рулаугерово войско отвечало им воинским криком. И как Русскаго Царя люди (*Л. 15*) увидели, что войско идет на них со всех сторон, то обратились в бегство, и Гейдрекеровы воины, освободя царя своего, развязали, потом, бросясь за бегущими, многое число из них порубили. Рулаугер, услыша о сем, со всеми людьми своими, спасаясь сам, ушол в лес. Гейдрекер, взяв великую добычу, отправился на свои корабли с раненым Царевичем Герлаугером, которой им между тем препоручен был стоявшему в лесу войску его. После того Гейдрекер в Царстве Гордском или Гардарикском, везде разъезжая, грабил. Рулаугер советовал с Царицею своею (*Л. 15 об.*) и с боярами, что ему делать и не итти ли на Гейдрекера войною, ибо он подлинно слышал, что Царевич еще жив и у Гейдрекера в руках находится, которой за ничто почтет убить его, когда уже убил невиннаго брата своего. На сие отвечала Царица: «Я советую тебе, Государь, отправить к Царю Гейдрекеру послов с предложением о мире и с уступкою из Царства твоего, что он сам изберет». И так Рулаугер отправил послов с предложением о мире и с назначением места, где им мириться. В замирении положено, между прочим, чтоб Царь (*Л. 16*) Рулаугер выдал за Гейдрекера дочь свою, отдав в приданство землю Венден и великое множество золота и драгоценных вещей. После чего разъехались они друзьями, и Царь Гейдрекер, отправясь в свое Государство и приготовя великолепное пиршество, сочетался браком с Гергердою, дочерью Царя Рулаугера, и жив с нею согласно и союзно, прижил дочь Гервору. Она была прекрасна и весьма добродетельна, быв воспитана у некотораго честью и добродетелью славнаго вельможи именем

Урмера. Гервора, пришед в возраст, обучалась стрелять и обходиться с оружием. Она была велика ростом и сильна как мущина.

Глава XIV

(*Л. 16 об.*) В сей главе упоминается только о том, что Царь Гейдрекер был весьма премудрый и богатый Государь и, оставя наезды, правил свое Государство благоразумно, по примеру лутчих и знатнейших того времени Царей. В протчем, жертвуя богине Фриге, молился ей больше всех своих Богов и имел в Готфах неприятелем богатаго вельможу, которой был слеп и назывался Гестер.

Глава XV

Вышеупомянутый Готф Гестер примирился с Царем Гейдрекером (*Л. 17*) и согласился по требованию Царя предлагать для разрешения разныя загадки.

Глава XVI

Царь Гейдрекер от взятых им в Южной Шотландии в плен знатной породы девяти невольников ночью, на корабле, стоявшем у пристани Ундерганд, со всеми при нем спавшими убит. Сын его Ангантир принял после его Царство и клялся отмстить смерть отца своего, что исполнил, казнив убийц.

Глава XVII

Второй Гейдрекеров побочный сын Лаудур, (*Л. 17 об.*) сведав об отцовской смерти, требовал от брата своего Ангантира, чтоб разделил с ним все отцовское имение, Государство и людей, на что Ангантир согласился, окроме отдачи меча Тирфинга.

Глава XVIII

Лаудур, возвратясь в Гунскую землю к царю Гумлю, дяде своему, объявил ему, что брат его, Царь Ангантир, согласился на его требование, а потом пошел с дядею, Гунским Царем Гуммлем, войною на Ангантира за то, что старик Гисор, которой воспитывал (*Л. 18*)

Гейдрекера, находился при Царе Ангантире и, услыша об отделении ему половиннаго имения, назвал его побочным сыном.

Глава XIX

На сей войне Лаудур с дядей своим Царем Гунским разбил Ангантирово войско, бывшее под предводительством сестры его Герворы, и ее убил. Но после того Ангантир, разбив Гуннов в Дунской степи, убил брата своего Лаудура и с дядею, Царем Гуммлем.

Глава XX

Ангантир долгое время Царствовал в Ритгетском (*Л. 18 об.*) Государстве. Он был богатый, щедрый и сильный Государь, и от него произошли Царския поколения. Сын его был Гейдрекер-Ульфгаммур, владевший долгое время в Ридготландии. Он прижил дочь Гильдур, которая была Галдея – Снеля мать. Ивара-Вид-Фарна отец Ивар-Видфарн, как в царских повестях упоминается, пришел с войском своим в Швецию. Царь Ингиельд-Ильрод, опасаясь его прихода, сожег себя со всеми своими придворными в деревне Ренинге, и Ивар-Видфарн покорил себе всю Швецию Готфскую и Сакскую (*Л. 19*) землю и все земли на востоке к России. Он владел и полуденною Саксов землею, и покорил себе часть Англии, Нортумберланд называемую, равно как и Данию, в которой поставил Королем Вальдара, выдав за него свою дочь. Сыновья их были Гаральд-Гильдестан и Рандвер. По кончине в Дании Вальдара, принял Царство сын его Рандвер, а другой сын Гаральд-Гильдетан, наимяновав себя Царем Готфским, покорил себе все вышепомянутыя земли, принадлежавшие Царю Ивару-Видфарну. Рандвер взял себе (*Л. 19 об.*) в супруги Азу, дочь Царя Гейрардарсскаго в Норвегии Гаральда, сын их был Сигурд-Ринг. По смерти Царя Рандвера принял Царство Дацкое сын его Сигурд-Ринг, которой, сражаясь с Царем Гаральдом-Гильдетаном в Брувальской степи Южной Готфии, убил его со многими людьми. Сие сражение по древним повествованиям было знаменитее и кровопролитнее одержаннаго Ангантиром в Дунской степи над братом своим. Сей Царь Сигурд-Ринг владел Даниею до кончины своей, а после него сын Рагнар-Лодброок. Гаральда Гильдетана (*Л. 20*) сын имянем Остен-Ильрод принял после отца своего Швецию и владел оною до тех пор, пока

его убили сыновья Рагнара-Лодброока, как упоминается в повествованиях. Оныя Рагнаровы сыновья покорили себе Швецию, а после смерти Рагнара сын его Биорн-Иернсид Сигурдур выбрал себе Данию, Гентсерк восточныя земли, а Ивар-Бенлесе (безногий) Англию. Сыновья Иернсидовы были Эрик и Рефил, великий полководец и мореплаватель, а Эрик, Царствовав после отца своего, жил не долго. После него принял Царство Рефил, сын (*Л. 20 об.*) Эрика, которой был великий воевода и сильный Государь. Биорновы сыновья были Эрик Упсальский и Царь Биорн. В сие время была Швеция паки разделена между братьями. Сии оба приняли Государство после Царя Рефила. Царь Биорн жил в городе Геге и потому имяновался Биорном Гегским, при нем был Браги скалд. Царя Амунда сын Эрик получил отцовское владение в Упсале и был богатый Царь. Во время Царствования его воцарился Царь Гаральд-Горфагер в Норвегии, которой из своего поколения был первый Самодержавный Царь в Норвегии. Царя Эрика Упсальскаго (*Л. 21*) сын Биорн, приняв после отца Царство, правил оным долго. Биорновы сыновья были Эрик-Сегерсел и Улафер, кои после отца приняли Царство и правление. Улафер был отец Стирбьерна-Старки. В их время умер Царь Гаральд-Горфагур. Стирбиорн, сражаясь с дядею своим, Царем Эриком, в Ферисвале, был убит, а Царь Эрик правил Государством Шведским до кончины своей. Он имел в супружестве Сигрид-Стурроду, а сын их был Улафер, которой после отца своего принят Царем в Швеции. Он был тогда еще (*Л. 21 об.*) младенцем, и Шведы, возя его с собою, наименовали сначала Швет-Конунгом, то есть призренный Царь, а потом Улафом-Шведом. Он во время Царствования своего был сильный Государь и первый из Шведских Царей, по коем протчия назывались Шведами. В его время стали называть Швецию Христианскою державою. Царя Улава Шведскаго сын был Аммундер, которой вступя на Царство после отца, умер. В его время убит Царь Улафр святый в Норвегии при Стикле Стаде. Вторый сын его был Эмунд, которой принял после (*Л. 22*) брата своего Царство. В его время Шведы Христианство наблюдали худо, и он не долго владел. Стенкил был в Швеции богатый вельможа знатной породы. Мать его была Астридур, дочь Мальфина Скияльги из Галоголанда, а отец ее был Рагвальдер старший. Стенкил был первый в Швеции Ярл, и по кончине Царя Эмунда возведен был Шведами на престол. С ним пресеклось поколение древних в Швеции Царских родов. Стенкил был великий начальник и имел за собою в супружестве дочь Царя Амунда. Он скончался в то время, (*Л. 22 об.*) когда убили в Англии

Царя Гаральда. Стенкилев сын Ингемундр возведен был Шведами на престол. После Царя Гакона Инги долго Царствовал в Швеции и быв всеми любим, был добрый христианин, истребил идолопоклонничество и велел народу своему креститься. Но Шведы много веровали языческим богам, держася древняго обряда. Царь Инги взял себе в супруги Царицу Мею, коея брат Свен, будучи Царевым Любимцем, был в Швеции Сильный вельможа. Шведы, говоря, что Царь Инги нарушает закон, уничтожая (*Л. 23*) установления Стенкилиевы, предлагали ему на съезде два вопроса: желает ли он остаться при древнем законе и обряде или здать Царство? На сие отвечал им Царь, что он не отступит от веры настоящей, и Шведы с криком бросали в него каменья и выгнали его из собрания. Шурин же его Све, оставшись после его в собрании, предлагал Шведам, что будет наблюдать служение Богам языческим, буде дадут ему Царство. На сие согласились все вообще, и Свен возведен на престол всею Швециею. (*Л. 23 об.*) Потом вывели коня и, разрубив его на части, раздавали в ества, окропили кумира кровию и уничтожа Христианство в Швеции, ввели паки идолопоклонничество. Царь Инги, будучи выгнан из Государства, отправился в западную Готфию. А Свен (наимянованный кровавым) Царствовал 3 года. Царь Инги, разъезжая с небольшим числом придворных своих имел при себе не много войска. Он объехал Южный край Смоландии, поехал в западную Готфию, а оттуда в Швецию, и, продолжая путь свой денно и нощно, наехал поутру (*Л. 24*) нечаянно на Свена и обступя дом его, сжег со всеми с ним бывшими, а в том числе богатаго и знаменитаго вельможу Тиофура, которой прежде того был при Свене, а Свен хотя и спасся, но был взят и убит. Инги же сев на Шведский престол, ввел паки Христианство, правя Государством до кончины своей. Галльстеин, брат его и сын Царя Пенкиля, Царствовал купно с братом своим Инги. Сыновья Галльстейна Филипп и Инги приняли Самодержавство после Царя Инги старшаго; Филипп взял Ингигерду, Царя Гаральда Сигурда дочь в супружество и царствовал не долго.

Повесть о Геральде и Бозе на Шведском языке, изданная Профессором Олаем Валерием и напечатана при Упсальской Академии в 1666 году.

Текст печатается по списку: РНБ. Эрм. № 307

Глава I

(*Л. 2*) Повесть сия начало свое имеет и выдумана не для какого-либо тщетнаго увеселения или шутки, но справедливость оной удостоверяется Родословием и старинными пословицами, которыя из описуемых здесь приключений имеют свое происхождение.

В Остерготландии царствовал Король имянем Ринг, сын Короля Готскаго, а внук Одена, пришедшаго из Азии, и от котораго родословие славнейших Государей в севере имело свое начало. Ринг со стороны отцовской был брат Королю Гетрику, а с матерней (*Л. 2 об.*) родство его было еще знатнее. Он был женат на Сильге, дочери Смоландскаго владельца Севара, которая была пригожа и добродетельна. Братья же ее Даг-Фарре и Нат-Фарре пребывание свое имели при дворе Датскаго Короля Гаральда Титетанда. Ринг и Силга имели сына, имянуемаго Геральд, виду и росту прекраснаго. Он был силен и имел особливое сродство к изучению разных художеств. Всеми был он любим, но своим отцем однако ж ненавидим по причине, что Король в младых своих летах имел побочнаго сына, называемаго Сиот, котораго любя (*Л. 3*) отменным образом, давал ему знатное содержание и имел при том такую к нему доверенность, что все государственныя приходы и расходы поручены были ему в ведение. В доправлении зборов был Сиот чрезвычайно строг, а скуп к выдаче и платежу. Со всем же тем государю своему был верен и особливое о благе его прилагал рачение. Из его имени произошла пословица Siodfellder*, то есть наполнители кошельков, и яко такия люди, которыя всячески приискивают корысть и пользу. Места, где Сиот сохранял сокровище (*Л. 3 об.*) своего государя, назывались всходственность имяни его Fesioder**, что им доправляемо было свыше того, что подлежало, наполнял он маленкия кошельки,

* *Испр., в ркп.* Sefiodrr.

** *Испр., в ркп.* Sefiodrr.

имянуя их Sldgpungar, то есть яко такия, в кои хитростью и выдумками деньги наполняются, и из которых содержал он столь своего государя, а государственныя между тем доходы оставались без уменшения. У простаго народа был он в ненависти, напротиву чего Король его весьма много любил и дал ему одному власть над всем в государстве его господствовати.

Глава II

(*Л. 4*) Был некто называемой Твари или Бритвари, живущей неподалеку от Королевскаго замка. Он в младости своей будучи один из искуснейших мореходов, имел притом и разныя сведении во многих художествах. В одно время странствуя по морю, встретился он с девицею, которая называлась Брингилдур, дочь Ноатунскаго владельца Ангара. Он с нею имел сражение и ее изранил столько, что она не в состоянии была владеть ни одним членом. Твари (*Л. 4 об.*) тогда взял ее в плен и получил весьма знатную притом с нею добычу. Потом приказал ее лечить, однако все была она после того рубцами обезображена и потому назвалась она Брингильдур-Бага, то есть обезображенная морщинами. На сие невзирая, Твари на ней женился, и от брака сего имели они двух сыновей. Старшей назывался Смидер и был не велик ростом, но собою пригож и сроден к разным художествам, а младшей Бозе. Сей был большаго росту и силен, смугл лицем и не пригож, (*Л. 5*) нрав же имел своей матери. Он был весел и шутлив, в намерениях своих постоянен и не пременял того, что уже один раз им было предпринято. Ниже долго размышлял, что делать ему подлежало. Не боялся никого, хотя б то был и такой, с коим ему биться следовало. Противу же приятелей своих честен и был матерью своею любим до того, что она дала ему название всходственность своего имяни Баге-Бозе.

Глава III

Буфла называлась одна старуха, которая у Тваре (*Л. 5 об.*) прежде была наложницею, воспитала его сыновей и была при том великая волшебница. Смидер был ей покорен и учился ея искуству. Она хотела было также волшебству обучать и Боза, но он объявил, что он не хочет жизнь свою означить тем, что он что-либо силою волшебства произвел такое, которое инаково предлежало мужеству его и добродетели. Гералд и Боз были почти в одних летах и

весьма между собою жили дружно. Боз был при Короле безотлучно и забавлял его (*Л. 6*) всячески. Сиот досадовал часто, что Геральд, снимая с себя платье, отдавал Бозе, потому что сей последней имел одежду всегда почти изодранную и ветхую. У Боза были суровыя ухватки, когда он в игре бывал с протчими, многия чрез то им были недовольны, хотя в протчем и не смели они в том жаловаться Геральду, зная, что он всегда держал его сторону. В одно время Сиот просил придворных, чтоб они начали играть с Бозом в намерении дабы (*Л. 6 об.*) посредством оной игры Бозу причинить обиду. Боз, приметя сей их умысел, зделался тем отважнее и храбрее, невзирая на неприятныя из того следствии. Игра их состояла в бросании мяча, и как в оной все напали на Боза, то он так сильно бросил мячем в Сиота, что оным вывихнул ему руку. На другой день выломил одному ногу, на третий же день как на него напали шестеро и начали делать ему при том разныя ругательства, то он тогда у одного вышиб глаз, а другаго бросил на землю так сильно, что (*Л. 7*) тот, переломя у себя шею, на месте же и умер. Другия сие увидя, бросились на него с оружием и хотели его умертвить, но в то время Геральд подоспел к нему на помощь со множеством людей и лишь только хотел вступить с бозовым соперником в сражение, как вдруг король приходом своим ему в том возпрепятствовал и по представлению Сиота приказал Король Боза послать в сылку. Геральд, узнав о сем, его скрыл так, что не знали потом, куда он делся. Вскоре после сего Геральд вознамерился странствовать и просил Короля, (*Л. 7 об.*) чтоб он ему дал несколько военных судов для приобретения себе в свете славы, в случае, если ему в том послужит щастие. На предложение сие Король согласился и дал ему 5 Экипированных кораблей. Хотя то впротчем и было противу Сиотова желания.

Тогда поехал он из Готландии на полдень в Данию. В один день, едучи близ берега, увидел на горе стоящаго человека, которой просил, чтоб они его на корабль приняли. На то ответствовано ему было, что для него в пути (*Л. 8*) корабль остановиться не может и естьли он неотменно на нем быть желает, то чтоб он сам к оному приплыл. По сем бросился Боз в воду и приплыл к корме корабля. Тогда Геральд, узнавши, что то был он, обрадовался ему чрезвычайно и зделал его первым по себе на корабле начальником. Из Дании отправились они в Смоландию, рыцарствуя везде, куда ни приезжали, и чрез то доставали себе великия сокровища. Таким образом, странствование их продолжалось 5 лет.

Глава IV

Сиот тем времянем, (*Л. 8 об.*) разтощив казну отца своего под видом Гералдова вояжу, поехал с подданных доправлять подати. Он требовал от Тваре, отца Бозова, необычайной платы за то, что сын его, будучи в игре, убил человека. И как Тваре не хотел платить ему ничего, в разсуждении его в сем деле невинности, то он, разломав у него кладовую, забрал к себе все его имение. Тем времянем Геральд и Боз были на возвратном своем пути в отечество. На море тогда зделалась такая (*Л. 9*) буря, что Геральдовы Корабли были разбиты. Сам же он спасся в шерах у Гета-Эльф, а Бозево судно бурею занесено было в Финляндию. В то время Сиот попался ему навстречу и которой ехал из России, имея великия с собою сокровища.

Боз, узнав его, вступил с ним в сражение и, наконец, вошедши к нему на корабль, отрубил ему голову в отмщение за то, что Сиот отца его ограбил. Потом, взявши его богатство, поехал в Готландию к брату своему Гералду. Приехав туда, первое (*Л. 9 об.*) его было старание премириться с Королем за то, что он убил сына его Сиота. Герал сколько ни старался исходатайствовать Бозу от Короля прощение, но то было тщетно. Чем он и огорчен был до того, что, вышед от Короля, делал ему великия угрозы.

Глава V

В сей главе описывается, что Король, собрав войска свои, начал производить сражение противу Гералда и Боза. Сии были, наконец, побеждены и посажены в оковы для предания их казни. В то время Бозов* (*Л. 10*) отец Тваре просил волшебницу Булфу, чтоб она посредством искуства своего избавила сына его от смерти. На сие она, соглашась, пошла к Королю и начала делать ему наижесточайшия заклинания и угрозы, естьли он не согласится на то, чтоб жизнь Гералда и Боза осталась в безопасности. Король как ни супротивлялся требованию волшебницы, однако она следствием науки своей и преужаснейших заклинаний произвела то, что король зделался с места своего неподвижным. (*Л. 10 об.*) Тогда обещал он освободить их от смерти и для удостоверения волшебницы принужден был ей в том дать свою присягу.

* *Испр., в ркп.* Бозова.

Глава VI

На другой день Король, созвав свой совет, объявил, что он по прозьбе любимцов своих решился Бозе освободить от смерти с дозволением выехать ему из государства и не прежде возвратиться в оной, пока он не достанет ему яйцо, на котором означены золотыя литеры, и когда он ему привезет оное, то тогда с ним и примирится. (*Л. 11*) Брату же его Гералду даст он полную власть предпринять что он хочет. Вскоре после того Гералд и Бозе оставили отечество и по желанию волшебницы поехали в Нореботнию, а оттуда отправились в Биартманландию и там взяли свое пристанище под одним лесом.

Глава VII

В сие время в Биартманландии царствовал Король Гарек. Он имел двух сыновей. Первой назывался Рюрик, а младшей Сиггей. Они были великия витези и жили при дворе Глетсисвальскаго (*Л. 11 об.*) Короля Гутмунда, сестра их называлась Эдда и славна была красотою своею и разумом. В одно время Гералд и Бозе, пошедши на охоту, встретили одного Старика именем Гоф=кетиль. Пришедши они к нему в дом, Боз влюбился в его дочь и предуспел столько в своей к ней любви, что она наконец возъимела к нему совершенную доверенность. Боз следствием оной открылся ей, не знает ли она, где можно ему найти яйцо с золотыми литерами (*Л. 12*) и для котораго они в сие место приехали. Она ему объявила, что есть в лесу один храм, принадлежащей королю Гареку, в котором обожается истукан, Юмола имянуемой. Что в оном хранится великое множество сокровищ, которыя принадлежат Королевской матери Колфросте и что она слывет великою волшебницею. С таким при всем том упреждением, что в Храме сем находится один хищный зверь, которой проклят и обколдован. Что оным охраняется означенное (*Л. 12 об.*) яйцо и что к нему никто без потеряния жизни своей не может приближится. Бозе, поблагодаря за такое зделанное ею ему откровение, на другой день пересказал о сем Гералду и потом принято ими было намерение искать онаго Храма. По претерпении великих трудностей наконец нашли оной и лишь только хотели они войти в Храм, как вдруг зверь на них бросился. Боз с ним долгое время сражался и наконец вонзил копие свое в сердце сего чудовища

(*Л. 13*) и его тем умертвил. Потом нашли они там означенное яйцо с золотыми литерами и великое множество золота. При выходе оттуда примечен ими был в стороне потаенный ход, ведущей к одному покою. Вошедши в оной, нашли там женщину плачущу и к стене прикованную. Она им объявила, что она называется Ледур и сестра Глетсисвальскаго Короля Гудмунда и что начальница Храма Колфронста волшебством своим завела ее туда для жертвоприношения. Чтоб ее (*Л. 13 об.*) из темницы сей выручить, Геральд предложил ей сочетаться с ним браком. Она сим была довольна и согласилась за ним повсюды следовать. После того, убив они начальницу и взяв все, что в храме драгоценнейшаго ни было, возвратились на свое судно.

Глава VIII

По прошествии двух лет приехали они в Готландию. Бозе, явясь к Королю, подал ему желанное им яйцо и тогда по обещанию своему, простил он ему прежнее его преступление. В то время (*Л. 14*) от Короля требовано было вспоможения для бруволагетской баталии. На сей конец послан был туда Геральд с такою поспешностью, что ему время тогда не было и совершить своего брака. Он взял с собою Бозе с 1 000 человек воинов. На сражении сем убито было 15 королей и великое множество витязей, в том числе жизни своей лишились и королевины братья Даг=Фаре и Нат=Фаре. Геральд же и Бозе были весьма изранены.

Глава IX

(*Л. 14 об.*) Между тем как Геральд и Бозе занимали себя войною, Глатсисвальской Король Гудмунд, лишась дочери своей Ледур, поручил находящимся при нем Рюрику и Сигею ее искать с обещанием выдать ее замуж за того, которой из них ее отыщет. Для осведомления об ней Сигей поехал к начальнице Биартмаландскаго Храма. Не нашедши ее нигде, поехал он к ея отцу, которой ему сказал, чтоб он ее искал в Храме (*Л. 15*) Юмола. Сигей, приехавши на то место, где храму быть надлежало, нашел вместо онаго один только пепел. Потом, ходя тщетно по лесу, пришел наконец к жилищу старика Гофтекеля. Сей ему объявил, что Храм был ограблен и сожжен двумя готами, называемыми Геральд и Бозе и что им и дочерью его примечено было, что они, возвращаясь с добычею на корабль,

имели с собою Ледур – сестру Короля Гутмунда. Сигей потом, возвратясь домой и взяв с собою множество (*Л. 15 об.*) судов и народа, поехал в Готландию. Там убил Короля Ринга, опустошил государство и увез оттуда принцесу с великим имением. Король Гутмунд, получа к себе таким образом сестру свою обратно, принял намерение выдать ее замуж за Сиггея, не взирая, что принцесса сему всячески противилась.

Глава X

Месяц спустя после того как Сигей и Рюрик увезли принцесу, Гералд и Бозе возвратились из своего похода. Как же (*Л. 16*) скоро узнали они, что увезена принцесса, то они вознамерились ее выручить из рук Сигея Хитростию и потому, взяв от волшебницы Буфлы наставление, которая притом дала им обвороженное покрывало, чтоб посредством онаго быть невидимыми, отправились в Глатсвальское Государство. Приехав туда, первое попечение было Боза отыскать дочь того Старика, в которую он был влюблен прежде. По щастию, нашел ее вскорости и проведал от нее, что король в немедлительном (*Л. 16 об.*) времяни намерен выдать принцесу за Сигея, что к торжествованию брака уже все в готовности и что строжайшия приказы отданы были, чтоб никто из иностранцов допущен не был к сему торжеству из опасения, чтоб инаков без сей предосторожности Гералд и Боз не могли свидетелями быть сему происшествию.

Глава XI

Все сии обстоятельства Боз на другой день пересказал Гералду, и потом принято ими было намерение во первых ехать (*Л. 17*) к Королевскому любимцу, называемому Сигур, котораго встретя, Бозе заколол и, взяв платье его на себя, пошел на свадьбу. Там он не только никем признан не был, но и игрою его на Гарфе Король весьма был доволен.

Глава XII

Посреди сих веселостей и в коих напитки наивеличайшее имели участие, вошел туда Гералд и напал на Короля дерзновенно. Во время замешательства сего и пока все собравшиеся отчасти напит-

ками, а частию и смятением (*Л. 17 об.*) были в изумлении, один из сотоварищей Геральда, взявши принцесу на руки, побежал с нею на корабль. Таким образом, Геральд увез от Короля свою невесту и хотя множество народа за ними гналось, но Геральд успел от них так скрыться проворно, что когда народ прибежал к берегу, то уже они были в море. Боз, отъехавши на некоторое от берега разстояние, просил Геральда, чтоб он ему дал не большее судно для некоторой ему надобности на том берегу, (*Л. 18*) от котораго они отъехали. Геральд не без труда согласился на сию прозьбу и его от себя отпустил на самое короткое время. Боз, прибывши туда помощию разных вымыслов подговорил некоторых придворных, чтоб они Королевскую дочь вызвали из замка в лежащей неподалеку от онаго лес. В сем он предуспел, и как скоро она к нему вышла в препровождении одного придворного, то он сего изрубил, а сам, взявши принцессу на руки, отнес на свое судно (*Л. 18 об.*) и потом, не теряя времени, отправился в Готландию.

Глава XIII

Чтоб отомстить Геральду и Бозу за причиненное ими безчинство Королю Гутмунду, Рюрик и Сигей, взявши с собою 43 корабля, поехали во первых в Биартманландию к отцу их Королю Гареку. Потом, совокупясь с ним и которой взял с собою также до 15-ти судов, поехали все трое воевать в Готландию. Лишь только они туда прибыли, то все уже там было к сражению готово. Битва (*Л. 19*) сия долгое время оставалась в нерешимости, но наконец помощию волшебства Буфлы Геральд и Боз одержали совершенную над королем и его сыновьями победу и отняли у них все, что они с собою ни имели, имянно, суда их и богатство. Потом как все успокоилось, начато было торжествование браков Геральда и Боза и оное продолжалось целой месяц, а как все сии празднества кончились, то Геральд принял на себя королевское достоинство как над Готландиею, так (*Л. 19 об.*) и над протчими управляемыми отцом его областьми.

Глава XIV

Наконец в сей последней главе предъявляется, что Бозе общим согласием Биартманландскаго народа также королем был избран, потому что он имел супругою дочь прежняго их Государя Гарека. По возприятии царства сего, ездил он в Глетсвал для примирения

короля Гудмунда с Геральдом. Сей последней с супругою своею Ледур имел дочь, называемую Тора (*Л. 20*) Боргартиорт, которая выдана была за Короля Рагнал Лотброка. В взятом же Гералдом и Бозом в Биартманландии Яйце нашлась желтаго цвету змея. Сие яйцо отдал Гералд дочери своей Торре, и змея онаго так наконец зделалась велика и страшна, что никто к Принцесе не смел приближится. Как король сие почитал волшебным делом, то и обещал он дочь свою выдать за того замуж, которой подойти к ней отважится. В сем предуспел Рагнар Лотброк, почему он с дочерью его браком (*Л. 20 об.*) и совокупился. О Бозе известно, что он был Государь добродетельный, Царствовал долгое время и благополучно. О детях же его точно неведомо, имел ли их или нет. Что ж принадлежит до Гералда, то у него был сын, называемой Ригардер и был отец того Конрада, которым предпринято было путешествие в Орманландию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Горн Ф. В.* История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М., 1894.

[2] Москвитятин. М., 1842. № 10. С. 33.

[3] *Nikolajeva M.* När Sverige erövrade Ryssland. Stockholm / Stehag, 1996. S. 90.

[4] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). М., 1993. С. 129.

[5] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 3.

[6] *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительные очерки. М., 1883; *Берков П. Н.* Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958; *Он же.* Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730 // Revue des études slaves. Paris, 1958. V. 35; *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964; *Он же.* Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века // Лит. наследство. М., 1982. Т. 91; *Панченко А. М.* Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969; *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989; *Claveria C.* Estudios hispano-suecos. Granada, 1954; *Östman H.* English fiction, poetry and drama in Eighteenth century Sweden; 1700—1764. Stockholm, 1985 and etc.

[7] *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»: synen på Ryssland i Sverige 1595—1621 och andra studier kring den svenska Rysslandsbilden från tidigare stormaktstid. Uppsala, 1974. S. 43.

[8] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmskiöld collection, 15.

[9] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Риф-

ма. Строфика. М., 2000. С. 34.

[10] В русской поэзии начала XVIII в. перекрестная рифма встречается в стихотворениях Феофана Прокоповича, использовавшего, кроме того, октавы и «сложные строфы с разной системой рифмовки» (*Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 119).

[11] Выбор шведским поэтом именно этих размеров объясняется тем обстоятельством, что 3-стопный ямб и 4-стопный хорей «объединялись в сознании XVIII в. ... в западноевропейской поэзии аналоги их были обычны в песенной поэзии (3-стопный ямб преимущественно в светской песне, 4-стопный хорей также в духовной» (*Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 68). Таким образом, подтверждается намерение автора написать «русское» стихотворение 3стопным ямбом:

[12] J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia, 1684—1687 (editor Ulla Birgegård). Stockholm, 2002. P. 325. Благодарю У. Биргегорд за помощь в атрибуции текста.

[13] *Almquist H.* Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700—1709. Karolinska forbundets årsbok. Stockholm, 1942. S. 50.

[14] Ibid. S. 51.

[15] *Jensen A.* Die Anfänge der schwedischen slavistik Archiv für slawische Philologie. Berlin, 1911. Bd. 33; *Петровский Н.* Analecta metrica. VI. Мелкие заметки // Русский филологический сборник. Варшава, 1914. Т. LXXI. Вып. 2; *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. (к проблеме тонического стиха) // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1; *Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения (неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда) // XVIII век. М.; Л., 1958. Т. 3; *Биргегорд У.* Плачевная речь по Карлу XI на русском языке // Подобает память сътворити: Essays to the Memory of A. Sjöberg. Stockholm, 1995.

[16] Corona Gothica Saavedriana en majus historia gothica Lumen Annexa a J. G. Sparfwenfeldt // ОР Библиотеки университета Упсалы. Н. 286.

[17] *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII в... С. 66—67.

[18] *Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения... С. 453.

[19] Некоторые ритмические перебои могут быть объяснены тем обстоятельством, что для автора — иностранца и лингвиста (и поэтому, по наблюдению У. Биргегорд, чрезвычайно внимательно относящегося к грамматике чужого языка) перенос ударения не должен повлечь за собой изменения смысла слова. Так, в стихе «Sljépa kak Chótschet sljep pút Pokásati» в слове «показати» ударение падает на второй слог (при том что во втором стихе двустишия ударение женское: «Drúgh drugha búdet Propást prowos`cháti»); так же ударение стоит и в издании 1709 г. (где текст набран значительно небрежнее, чем в книге 1704 г.: вместо besedje — bedsedje, вместо chwaliti — cchvvaliti, вместо jasnych — jesnich). По всей видимости, Спарвенфельд употребляет глагол «показывать», а не «показать» («Покáзую: являю, указую» — в «Лексиконе» (Кутеин, 1653. С. 110) Памвы Берынды).

[20] Конечно, Симеон Полоцкий, в отличие от Спарвенфельда, едва ли

видел в этих фрагментах силлабо-тоническую основу (ср. с замечанием А. И. Соболевского к работе В. Н. Перетца: «В. Н. Перетц, привыкший к тоническим размерам, увидел в них [в стихотворениях Глюка и Пауса. — *М. Л.*] тонические стихи; а Тредиаковский, смотревший на стихи сквозь призму силлабической теории, едва ли мог усмотреть в них что-нибудь для себя новое» — Разбор сочинения В. Н. Перетца академиком А. И. Соболевским. СПб., 1905. С. 6).

[21] Oförgripelige Anmerckningar öfver Swenska Skalde Konsten. Stockholm, 1737. Afd. VII: Fyrfota Qwinlige af trenne Dactylig och en Trochaes.

[22] Samling af Werser på Swenska. Stockholm, 1751. S. 121.

[23] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003. С. 168.

[24] *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 591.

[25] Там же.

[26] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 27.

[27] Den kort Berättelse och Underwisning om Wår Christeliga Troo och Gudjtienst uthi Swerige... Westerås, 1640.

[28] *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»... S. 29.

[29] *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России ... С. 591.

[30] *Rudbeck J.* Bibliotheca Rudbeckiana: beskrivande förteckning över tryckta arbeten, vilka författats eller utgivits av medlemmar av släkten Rudbeckius-Rudbeck samt handla om dem eller deras skrifter: en släkthistoria i elva led från 1600—1900-talen: bibliografi. Stockholm, 1918. S. 71—72.

[31] Всего при Густаве Адольфе работало 2 типографии, при Карле XII их количество выросло до 17 (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 59).

[32] *Кан А.* Шведско-русские культурные связи в XVII—XVIII вв. // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 240.

[33] Православное исповедание веры. М., 1696. Л. 5 об.

[34] Цит. по: *Голубцов А. П.* Прение о вере, вызванное делом королевича Вальдемара. М., 1891; 1897. С. 376.

[35] Цит. по: *Birgegård U.* Protestantismens irrläror i en ortodox trosbekännaras ögon // Explorare necesse est: Hyllningsskrift till Barbro Nillson. Stockholm, 2002. S. 38—39.

[36] *Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения... С. 449; *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей... С. 89.

[37] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России. СПб., 1862. Т. 1. С. 13.

[38] Цит. по: *Музаркевич Н. Н.* Подметное воззвание Левенгаупта 1708 г. // Русская старина. 1876. Т. 16. С. 173.

[39] О Малой России. Манифест // ЧОИДР. М., 1847. С. 46.

[40] Цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... Т. 2. С. 77. В России обвинения шведской стороны в пасквилянстве звучали и в XVII в. Так, на книгу Петра Петрея следует следующий отзыв Ю. Крижанича: «Петер Петреиш Немчин есть написал книги дебелыя об сем царству; а в них на всяком листу все полно ядовитых, лаячных, ненавидных вещей и ложных повестей. Он своя книга зовет Историею Русскою,

сем ти вестинными книгами; али по правде имаит ся звать пасквината, се есть оговорныя, ущипливыя, шутския, поругательския книги» (цит. по: *Козубский Е.* Заметки некоторых иностранных писателей о России в XVII веке // ЖМНП. 1878. № 5. С. 9—10).

[41] Цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... Т. 1. С. 13.

[42] *Крекшин П.* Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого ... представленное разговорами в царстве мертвых ... с шведским королем Карлом XII. СПб., 1788. С. 85.

[43] *Nyholm A.* Tva «svenska» ryska katekeser på ryska. Uppsala, 1996. S. 86.

[44] Ibid. S. 55—56.

[45] Ibid. S. 11.

[46] Försök til et biographiskt lexicon öfver Namnkunnig och Lärda Svenska män af Georg Gezelius. Stockholm, Uppsala; Åbo, 1778. T. 1. S. 77.

[47] Катехизисы на иностранных языках, изданные с миссионерской целью, появлялись в России значительно позднее: в 1800 г. в Москве был издан «Краткий катехизис, переведенный на чувашский язык, с наблюдением российскаго и чувашскаго просторечия для удобнейшаго познания онаго, воспріявшим святое крещение».

[48] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 43.

[49] Воинские артикулы от Велможнейшаго Короля и Государя, государя Карола XI Свейскаго, Готскаго и Венденскаго Короля лета 1683, обновленные и постановленные и к тому принадлежащие Деяния // ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215. В научный оборот этот текст ввел Д. М. Шарыпкин — Шведская тема в русской литературе Петровской эпохи // Русская культура XVIII в. и западно-европейские литературы. Л., 1980. С. 15.

[50] Воинские артикулы... Л. 120 об.

[51] Там же. Л. 121 об.

[52] Там же. Л. 122 об.

[53] Там же. Л. 123.

[54] *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 82—83.

[55] Воинские артикулы... Л. 119.

[56] *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 21.

[57] *Пуфендорф С.* Введение в гисторию Европейскую. СПб., 1718. С. 435.

[58] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 22. В то же время в России единодушия в отношении к протестантизму не было и в Петровское время. В официальных документах «шведской» тематики самого конца XVII — первой четверти XVIII в. о враждебном православию лютеранстве шведов не говорилось ничего, они назывались христианами. Так, в «докончальной» грамоте 1699 г. отмечалось, что шведский король клялся «своей королевского величества душею пред святым Евангелием» (РГАДА. Ф. 96/3. № 65. Л. 7 об.), по словам самого Петра, Россия спорит со Швецией «не о вере, а о мере, також и у них крест есть» (Цит по: *Кузьмин А. И.* Военная тема в литературе Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 176). П. П. Шафиров в предисловии к «Рассуждениям, какие законные причины его величество

Петр Великий ... к начатию войны против Короля Карола Шведского 1700 году имел» спрашивал: «...кто в продолжении оной [Северной войны. — *М. Л.*] столь великим разлитием крови Християнской и разорением многих земель виновен» (*Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины его величество Петр Великий, император и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая к начатию войны против Короля Карола XII Шведского 1700 году имел. СПб., 1722. С. 1). А в «Слове о богодарованном мире в день обрезания Господня» (1722 г.) сказано: «Подобно егда ныне благодатию Божиею Россиа с Свеею десницы даша себе в знамение вечнаго дружества, вся вселенная, непокорствующаяся Христу, истинне и правде, не возможет противу стати им» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 2. № 53. Л. 291 об.).

При этом во время Северной войны инвективы против лютеран-шведов появлялись очень часто. Например, в стихотворном послесловии к Синаксарю (Чернигов, 1710) обнаруживается характерная аллюзия на 108 псалом («Да будут противу Господу выну, и да потребится от земли память их» // Псалтирь. Киев, 1708. Л. 140): «Память их погибшаяболей не восстанет // Ныне Богу в Троици слава не престанет. // Сокрушенны там Кирхи, Церкви воздвиженны, // Духовны краснопевцы зело умноженны» (Синаксарь... Л. 37 об.). По мнению автора, идет религиозная война, и православие одолевает лютеранство.

[59] Цит. по: *Шарыпкин Д. М.* Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. С. 91.

[60] *Некрасов Г. А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964. С. 193.

[61] Схожий мотив встречается в «Славе печальной», но, в отличие от шведского издания, где слова о бессмысленности земных трудов подытоживают речь, в «плачевной трагедии» реплика Смерти не является выводом из всего сказанного о Петре.

[62] РГАДА. Ф. 2. № 22.

[63] РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 2. Эта рукопись, содержащая два прозаических перевода стихотворений о победах над шведами, состоит из панегириков, посвященных морскому сражению («Его царскому величеству на недавнее завоевание кораблей»), и битве под Лесной («В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в 28 сентября 1708»). Можно предположить, что в первом стихотворении речь идет о произошедшем в августе 1720 г. сражении при острове Гренгам. Из текста следует, что написано оно после гибели Карла («...Гидра, родившаяся от праха льва...») и что в этом сражении шведский флот потерял 4 корабля («монстром (или чюдо) потерял четыре головы») — в «Журнале, или Поденной записке» сказано: «августа в 6 день получена зело изрядная ведомость от генерала князя Голицына из Финляндии от острова Сандо с галеры "Февры" чрез маиора Шипова Июля от 31 дня о щастливом бою в Ламеланде при острове Грейнгам со Шведами, где было их 1 корабль, 4 фрегата, 3 галеры, 1 шкава, 1 галиот, 3 шхербота, 1 брегантин, и из оных 4 фрегата с помощию Божиею от Российских галер в 27 день взяты» (Журнал, или Поденная записка.

Ч. II. Отд. I. СПб., 1772. С. 135). Следовательно, эта рукопись может датироваться предположительно 1720 г. (а не 1708 г., как указывает С. И. Николаев — *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 25).

[64] *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими. СПб., 1720. Л. 6 об.

[65] Список изданных в России книг шведских авторов приведен в книге Г. А. Некрасова «1 000 лет русско-шведско-финских культурных связей IX—XVIII вв.» (С. 250—251).

[66] Издание этих книг осуществлялось при участии О. Верелия, про которого в «Истории скандинавской литературы» Ф. В. Горна сказано: «антикварские сочинения его были называемы современниками “нитью Ариадны, ведущей сквозь лабиринт отечественной древности”» (С. 252).

[67] Список этих шведских изданий приведен Г. А. Некрасовым: *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.)... С. 238—246.

[68] *Kenneth J. Knoespel.* The Edge of the Empire: Rudbeck and Lomonosov and the Historiography of the North // In Search of an Order. Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason / Edited by Ulla Birgegård and Irina Sandomirskaja. Södertörn Academic Studies. № 19. 2004. P. 141.

[69] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 16—17.

[70] Там же. С. 295.

[71] Там же. С. 220.

[72] Там же. С. 295.

[73] ОР РНБ. Эрм. № 308. Л. 26.

[74] Там же. Л. 25 об.

[75] ОР РНБ. Эрм. № 307.

[76] Там же.

[77] Там же. Л. 10 об.

[78] Там же. Л. 12.

[79] Там же. Л. 8.

[80] Там же. Л. 12.

[81] ОР РНБ. Эрм. № 301. Л. 2 об.

[82] ОР РНБ. Эрм. № 308. Л. 6.

[83] Там же. Л. 8 об.

[84] ОР РНБ. Эрм. № 290. Л. 11 об.

[85] ОР РНБ. Эрм. № 298. Л. 5.

[86] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 91.

[87] Сам Рагнар упоминался в «Повести о Геральде и Бозе»: «По восприятии царства сего, ездил он в Глетсвал для примирения короля Гудмунда с Геральдом. Сей последней с супругою своею Ледур имел дочь, называемую Тора Боргартиорт, которая выдана была за Короля Рагнар Лотброка. В взятом же Гералдом и Бозом в Биартманландии яйце нашлась желтаго цвету змея. Сие яйцо отдал Герald дочери своей Торре, и змея онаго так наконец зделалась велика и страшна, что никто к Принцесе не смел приближится. Как король сие почитал волшебным делом,

то и обещал он дочь свою выдать за того замуж, которой подойти к ней отважится. В сем предуспел Рагнар Лотброк, почему он с дочерью его браком и совокупился» (ОР РНБ. Эрм. № 307. Л. 20 об.).

[88] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 98.

[89] Комментарий к слову Вальгалла мог включать другие строфы этого стихотворения, например 25, где в переводе Малле древние скандинавы пили пиво из черепов своих врагов: «Мы бились ударами меча, но я ныне преисполнен радостию в разсуждении того, что приготовляется для меня пиршество в чертогах Одина. Вскоре, вскоре сидя в блестящем жилище Одина, мы будем пить пиво в черепах наших неприятелей. Мужественный человек нимало не боится смерти. Я не произнесу слов, изъявляющих ужас, входя в столовую Одина» (*Малле Г.* Введение в Историю Датскую. СПб., 1785. С. 165). В исландском тексте используется кеннинг «деревья лба зверя», т. е. рога (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 92).

[90] ОР РНБ. Эрм. № 301. Л. 3.

[91] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. 185.

[92] Historia Hialmars regis Biarmalandice. Stockholm, 1700. S. 13.

[93] ОР РНБ. Эрм. № 298. Л. 1.

[94] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. 44—45.

[95] История датская, сочиненная г. Гольбергом. СПб., 1765—1766. С. 143.

[96] Там же. С. 145.

[97] *Татищев В. Н.* История Российская... С. 301.

[98] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. XVII—XVIII.

[99] Там же. С. XXV.

[100] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 95—97. О Гаральде русский читатель мог узнать и из многотомного труда О. Далина «Шведская история», вышедшего в Швеции в 1747—1762 гг., отдельными фрагментами переводившегося в России в XVIII в. и изданного на русском языке в начале XIX в.: «Галетан оставил по себе двух сынов: Филиппа и Инге, которые после были королями в Швеции. Первого еще при своей жизни сочетал он с овдовевшею Датскою королевою Ингердою, Норвежского короля Гаральда Гардреда дщерию, коея мать была Елизавет, дщерь Российского короля Ярислава и Шведскою Принцессы Ингигерды» (ОР РНБ. Эрм. № 326).

[101] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. 246—247.

[102] Беседующий гражданин. 1789. Апрель. С. 378.

[103] ОР РНБ. Эрм. № 307. Л. 8.

[104] История датская, сочиненная г. Гольбергом... С. 128—129.

[105] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 60.

[106] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.)... С. 250.

[107] *Bergstedt A.* Öfver freden, som slöts i Werele den Augusti 1790. Strängnäs, 1790. S. 18.

[108] *Schröckh J. M.* Lefwernes beskrifning om Titus. Stockholm, 1771.

[109] Ibid. P. 24.

[110] Svenskt Biografiskt lexikon. Stockholm, 1973—75. Bd. 20. S. 22—25.

[111] *Ingman C.* Tankar vid Hans Kongl. Maj:ts återkomst til Sverige. Stockholm, 1771. S. 1.

[112] *Ingman C.* Den svenska verlds målaren. Satire. Stockholm, 1770. S. 1.

[113] *Ingman C.* Tankar vid Hans Kongl. Maj:ts återkomst til Sverige... S. 1.

[114] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии Тридцатилетней войны за веру. М., 1788. С. 246—247.

[115] *Keventer M.* Tal för Stadens äldste i Uppsala höge Namnsdagen. Uppsala, 1776. S. 3.

[116] *Nathorst J.* Tal, hållit på konungens födelsedag den 24 januarii 1789. Åbo, 1789. S. 5.

[117] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 22.

[118] Там же. С. 39.

[119] Записки Христины, королевы Шведской с примечаниями г. Д'Аламбера. СПб., 1774. С. 78.

[120] *Грот Я. К.* Екатерина II и Густав III. СПб., 1877. С. 2.

[121] Переписка Екатерины II и Густава III опубликована в книге: Katarina II och Gustaf III: en återfunnen brevväxling. Tolkning, inledning och kommentar av Gunnar von Proschwitz. Stockholm, 1998.

[122] Слава русских и горе шведов. СПб., 1792. С. 18.

[123] История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в Древнюю историю, продолженная до нынешних времен. М., 1788. С. 367.

[124] Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 68.

[125] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 38—39.

[126] Там же. С. 278.

[127] Записки Христины, королевы Шведской... С. 16.

[128] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 3—4.

[129] Eloge de Jean Baner, feldmaréchal général pendant la guerre de trente ans... Copenhague, 1787.

[130] *Ingman A.* Tal vid Tillfälle af förening och säkerhets aktens firande. Åbo, 1790. S. 15.

[131] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 246.

[132] Цит. по: *Гейсман П. А., Дубовской А. Н.* Граф Петр Иванович Панин. СПб., 1897. С. 59.

[133] Там же.

[134] Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова. СПб., 1841. С. 165.

[135] Речь на отъезд графа Панина из Синбирска. СПб., 1774. С. 5.

[136] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 94.

[137] Речь, говоренная графу Панину Синбирского дворянства Предводителем Похвисневым, мая 26 дня 1774 года в Синбирске // Речь на отъезд графа Панина из Синбирска... С. 1. В Швеции также интересовались историей пугачевского бунта: в 1786 г. была напечатана «Жизнь бунтовщика Емельяна Пугачева, с русского оригинала переведенная

на французский язык, а затем на шведский». Правда, во время войны 1788—1790 гг. на разгромленный Паниным пугачевский бунт в Швеции смотрели совсем не так, как в России: в русских полемических «Примечаниях и исторических объяснениях на объявление е. в. короля Шведскаго» (СПб., 1788) говорится: «Сочинитель Шведскаго объявления твердо помнит и самым неприятельским и ядовитым образом рассказывает разбойничью повесть случившегося в 1773 году Оренбургскаго бунта», тут же опровергается шведское заявление о масштабе восстания и панике в Москве: «впрочем, трепетали ль в Москве какие старушки от возмущения оренбургской черни, сие оставляется без испытания» (С. 14). Знали в Швеции и о деятельности Панина во время войны с турками: в Стокгольме в 1770 г. было издано «Письмо о завоевании Бендер».

[138] Svenskt litteraturlexikon. Lund, 1964. S. 379—380.

[139] История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 135.

[140] Svenskt litteraturlexikon... S. 379.

[141] Ibid.

[142] *Ingemar Alguin*. A history of Swedish literature. Uddevalla, 1989. P. 42.

[143] Размышления и нравоучительные правила господина графа Оксенстирна. СПб., 1771. С. 7.

[144] Johan Oxenstierns Betrachtelser i enslighethen. Stockholm, 1731.

[145] Svenskt litteraturlexikon... S. 379.

[146] Мнения нравоучительные на разные случаи с правилами и рассуждениями господина графа Оксенштирна. М., 1792. С. 216.

[147] *Катто-Каллевиль Ж.-П.* Всеобщее Швеции изображение. СПб., 1797. С. 345.

[148] Samling af Werser på Swenska. Stockholm, 1751—1753. S. 128.

[149] *Татищев В. Н.* История Российская... С. 266; 209.

[150] *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIX siècle. Paris, T. 11. P. 1615, Biographie Universelle (michaud) ancienne et moderne. Paris; Leipzig. T. XXXI. P. 561.

[151] *Hofberg H.* Svenskt biografiskt handlexikon. Stockholm, 1906; Svenskt litteraturlexikon... S. 379—380.

[152] История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 135. Атрибутировать текст бывает весьма сложно, и эта проблема часто встает перед исследователем. Так, в «Нравоучительные и полезные рассуждения, выбранные из разных авторов» (М., 1761, пер. Иван Приклонский) входит анонимная эпиграмма «Нет разных степеней благополучия», в которой сказано, что она принадлежит автору «подземного путешествия», т. е. «Подземного путешествия Нильса Клима», — Гольбергу (характерно, что русский перевод «Подземного путешествия» Гольберга вышел лишь через год после этого издания, в 1762 г.). В журнале «Полезное увеселение» была издана «Эпистола к большому алмазу» М. М. Хераскова, обозначенная как «подражание французскому». Французский оригинал этой эпистолы входит в изданный в 1753 г. в Амстердаме трехтомник «Epîtres diverses sur des sujets différens» голландского поэта Г. Л. Баара.

[153] Johan Oxenstierns Betrachtelser i enslighethen... S. 36.

[154] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 278.

[155] Размышления и нравоучительные правила господина графа Оксенстирна... С. 164.

[156] Там же. С. 44.

[157] Мнения нравоучительные на разные случаи... С. 162—163.

[158] Konung Gustaf den 3-djes Reflexioner. Stockholm, 1778. S. 6.

[159] Ibid. S. 8.

[160] Карла Линнеа рассуждения... о человекообразных. СПб., 1777. С. 38.

[161] Там же. С. 39.

[162] *Линней К.* Рассуждения... о употреблении коффеа. СПб., 1777. С. 25.

[163] *Линней К.* Водка в руках философа, врача и простолюдима. СПб., 1790. С. 20.

[164] Там же. С. 36. Единственным произведением Линнея на эту тему, не заинтересовавшим русского переводчика, было «Рассуждение о чае» (Стокгольм, 1745).

[165] Там же. С. 43—44.

[166] *Линней К.* Рассуждения... о употреблении коффеа. С. 6.

[167] *Линней К.* Водка в руках философа, врача и простолюдима. С. 36.

[168] *Линней К.* Рассуждения... о употреблении коффеа. С. 13—14.

[169] *Stolpe S.* Svenska folkets litteraturhistoria. Stockholm, 1974. S. 31—33.

[170] ОР Библиотеки университета Упсалы. U. 185: 53; U. 185: 56.

[171] ОР Библиотеки университета Упсалы. H. 159 a. Лл. 70—70 об.

[172] Там же. Л. 80 об. Глава записок Страленберга, содержащая его замечание о русских писателях, переведена не была, но аналогичный фрагмент записок Туманского в эту книгу включен: «Симеон Полоцкий написа книги Обет и Вечеря духовныи и бе учитель благочестивейшаго царевича государя Феодора Алексеевича. Димитрий Ростовский жития святых собра и наименова Минеи четь» (Л. 80 об.). Здесь же содержится и известный отзыв о Сильвестре Медведеве: «...старец Селиверст Медведев, прежде бывшей в Приказе Тайных дел Подъячей именем Семен, которой чернец великого ума и остроты ученой» (Л. 164).

[173] Там же. Л. 157.

[174] Там же. Л. 54 об. —55.

[175] Там же. Л. 56.

[176] Цит. по: *Татищев В. Н.* История Российская... С. 46.

[177] *Kenneth J. Knoespel.* The Edge of the Empire... C. 140—141.

[178] Цит. по: *Пекарский П.* Новые известия о Татищеве. СПб., 1864. С 18.

[179] Там же.

[180] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. XXXV.

[181] ОР РНБ. Эрм. № 296. Л. 4.

[182] ОР РНБ. Эрм. № 308. Л. 25 об.

[183] *Татищев В. Н.* История Российская... С. 266.

[184] Там же. С. 129.

[185] *Капнист В. В.* Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении // *Капнист В. В.* Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 176

[186] *Johannesson K.* I polstjärnans tecken. Studier i svensk barock. Uppsala, 1968. S. 261.

[187] Ibid.

[188] ОР РНБ. Эрм. № 309. Л. 7.

[189] *Тредиаковский В. К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773. С. 138.

[190] *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 208—209.

[191] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735. С. 111.

[192] *Беккариа Ч.* Рассуждение о преступлении и наказании. СПб., 1803. С. 113.

[193] Переводы с латинского и шведского языков. Случившиеся во времена императора Марка Аврелия римского и Каролуса XII Шведскаго. СПб., 1786. С. 159—168.

[194] Московский вестник. 1828. № 14. С. 215.

[195] Цит. по: *Тиандер К. Ф.* «Лабиринт» Баггесена и «Письма русского путешественника» Карамзина // *Тиандер К. Ф.* Датско-русские исследования. СПб., 1912. Вып. 1. С. 57.

[196] Цит. по: *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). С. 129.

[197] *Катто-Каллевиль Ж.-П.* Всеобщее Швеции изображение... С. 338, 339.

[198] Там же. С. 339.

[199] Там же. С. 344, 345.

[200] *Catto Calleville J.-P.* Essai d'un Histoire de la Poésie Suédoise // *Catto Calleville J.-P.* Bibliothèque suédoise. Stockholm, 1783. P. 87—99.

[201] Литературная газета. 1830. № 49. С. 103.

[202] Новая скандинавская поэзия // Галатея. 1829. С. 181.

[203] Литературная газета. 1830. № 49. С. 104.

[204] *Карху Э. Г.* Финляндская литература и Россия (1800—1850). Таллинн, 1963. С. 23—24.

[205] «Рассуждение о российском стихотворстве». Неизвестная статья М. М. Хераскова // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10.

[206] Berättelser af N. Karamsin. Göteborg, 1806.

[207] Zarsonen Fewei. En händelse i en residence stad. Af hennes majestät kejsarinnan af Ryssland. Översättning. Lund, 1799. Другое произведение Екатерины «Сказка о царевиче Хлоре» было опубликовано в России на немецком языке, правда, на шведский не переводилось; немецкий перевод «Февея» найти не удалось, хотя утверждать, что перевод на шведский сделан с русского, а не с намецкого языка, было бы преждевременно. Характерно, что, в отличие от шведского издания, в русском издании 1783 г. никаких указаний на авторство этой сказки не содержится.

[208] Tal, hållne för Kongl. Vetenskap Akademien den 3 januarii 1777 då Prins De Kourakin. Stockholm, 1777. S. 16—20.

[209] Översättning av hans Excellences Herr Riks-Rådets m.m. och Kongl. Academiens Präsidis Svar. S. 21—24.

[210] *Kenneth J. Knoespel.* The Edge of the Empire... P. 141.

[211] Letters to Erik Benzelius the Younger from learned foreigners. V. 2: 1723—1743. Göteborg, 1979. P. 294—295.

[212] *Линней К.* Рассуждение... об употребления коффеа. С. 11.

[213] *Комон де ла Форс Шарлотт де Роз.* Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, Короля Шведского. СПб., 1764. С. 5.

[214] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. XXXI.

[215] Там же.

[216] *Карин Ф.* Письмо к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова. М., 1778. С. 4.

[217] Samling af Werser på Swenska... S. 132.

[218] *De La Croix G.-F.* Dictionnaire historique portatif des femmes célèbres. Paris, 1769. T. 1. P. 161.

[219] Ibid. T. 2. P. 22.

[220] Еженедельник. М., 1792. С. 256.

[221] Там же. С. 125.

[222] Современник. СПб., 1842. Июль. С. 3.

[223] *Kronstrand E.* Underrättelse om Grekiska och i synnerhet Ryska Kyrkan, samt i Korthet om Bullan Inigenitus. Uppsala, 1767. S. 10.

[224] *Кожевников В. А.* Философия чувства и веры в ея отношениях к литературе и рационализму XVIII в. и к критической философии. М., 1897. С. 20.

[225] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 34.

[226] Там же. С. 28.

[227] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas. Uppsala, 2004. S. 15—28.

[228] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 34.

[229] Там же. С. 30, 33, 34.

[230] Там же. С. 33.

[231] Там же. С. 32.

[232] Våra Försök. Stockholm, 1754. V. 2.

[233] Svenska Parnassen för år 1785. Stockholm, 1785. S. 226.

[234] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 32.

[235] Там же. С. 17.

[236] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 357—360.

[237] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 20.

[238] Kärlekens ö genomrest och beskrefven Första Resan til Lycidas. Stockholm, 1754.

[239] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 30.

[240] История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Том I. Проза. СПб., 1995. С. 124; 139.

[241] *Рак В. Д.* Ф. А. Эмин и Вольтер // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 151.

[242] Katarina II och Gustaf III. En återfunnen brevväxling. Tolkning, inledning och kommentar av Gunnar von Proschwitz... S. 16.

[243] *Freden G.* Don Quijote en Suecia. Madrid, 1965. P. 7.

[244] *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир (Избранные труды). Л., 1985. С. 49.

[245] *Fraanje M.* The epistolary novel in Eighteenth-Century Russia. München. 2001. Bd. 41. S. 93—111.

[246] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735. С. 30.

[247] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 52—58.

[248] Современник. СПб., 1842. № 4. С. 46.

[249] Svenska Parnassen för år 1784. Stockholm, 1784. S. 73.

[250] *Сумароков А. П.* Избранные произведения Л., 1957. С. 125.

[251] *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. Л., 1935. Сб. 1. С. 112.

[252] *Levitt M. C.* Sumarokov and the Unified Poetry Book: Ody Torzhestvennyia and Elegii ljiubovnyja Through the Prism of Tradition. Russian Litterature (North Holland). Special Issue: Eighteenth Century Russian Litterature LII: I/II/III (1 July — 15 August — 1 October 2002).

[253] *Карин Ф.* Письмо к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова. М., 1778. С. 4. По А. П. Сумарокову, «российским Цицероном» является Феофан Прокопович (*Левит М.* К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 28).

[254] *Catto Calleville J.-P.* Essai d'un Histoire de la Poésie Suédoise // *Catto Calleville J.-P.* Bibliothèque suédoise... P. 95.

[255] *Bergklint O.* Tal om Skalde-Konsten... Uppsala, 1761. В отличие от текстов XVIII в., в работах по истории шведской поэзии, написанных во второй половине XIX в. (в том числе и известных в России) поэтический талант Шернъельма оценивался очень высоко. В «Истории скандинавской литературы» (М., 1894) В. Ф. Горна сказано, что «Шернъельм обращал свои взоры на греческих и римских поэтов и пел мастерски; его последователи пели, обращая свои взоры на него, но большая часть из них снизошла до простого рабского подражания и не дала ничего, кроме бездарных стихотворений на случай» (С. 250). Далин же как великий поэт не воспринимался: «в его таланте больше гибкости, чем силы... он скорее искусный подражатель, чем творческая поэтическая натура» (С. 258).

[256] Современник. 1842. № 4. С. 46.

[257] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха... С. 168.

[258] *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века... С. 112. Далин и Ломоносов — не просто современники, но практически ровесники (Далин — 1708—1763; Ломоносов — 1711—1767), не случайно в их одах нашли отражение одни и те же события, связанные с историей русско-шведских политических взаимоотношений.

Так, на русско-шведскую войну 1741—1743 гг. Ломоносов откликается в «Первых трофеях Иоанна Третьего чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 г.» и в «Оде на прибытие ее величества Ели-

заветы Петровны из Москвы в Санктпетербург». 1742); О. Далин — в «Оде на резню под Вильманстрандом» (1741) и в «Оде на мир между Швецией и Россией» (1743). Примечательно, что среди шведских панегирических стихотворений начала 40-х гг. лишь стихотворения Далина названы одами, другие авторы это жанровое наименование в название стихотворений, как правило, не включали (исключение составляют изданные в Швеции стихотворения на немецком языке). Хотя только военными одами Далин, как и Ломоносов, конечно, не ограничивается, например, в 1752 г. в Стокгольме была издана его «Ода на выздоровление нашей всемилостивейшей королевы».

Кроме того, говоря о Ломоносове и Далине, нельзя не отметить разносторонность их писательской деятельности: и Далину, и Ломоносову принадлежат работы по национальной истории. Правда, в отличие от Далина, чья «История Шведского государства», как уже отмечалось, переводилась в России в XVIII в., а в начале XIX в. была издана, «История России» Ломоносова на шведский язык не переводилась и в Швеции не издавалась (хотя в Швеции, в Упсале, в частности, хранится французский перевод этой работы, изданный в Париже в 1776 г.).

[259] Svenska män och kvinnor biografisk uppslagsbok. Stockholm, 1955. S. 215.

[260] *Lamm M. S.* Triewalds lif och diktning // Samlaren tidskrift utgifven af svenska litteratursällskaperts arbetsutskott. Uppsala, 1907. S. 158.

[261] Ibid. S. 172. О том, что Триевальд — «шведский Буало», говорится во всех современных исследованиях по истории шведской литературы, но если для некоторых авторов (например, Оке Ульмаркс (*Ohlmarks Å.* Rytm, klang bild rim. Svensk vers och versteknik från runmåstarna till Karlfeldt. Stockholm, 1970)) это неоспоримый факт, то для других правомерность подобных сопоставлений вызывает сомнение: например, в «Новой иллюстрированной шведской истории литературы» отмечается, что «в истории шведской литературы Триевальд проходил под, может быть, слишком завышенным именем "северного Буало"» (Ny illustrerad svensk litteraturhistoria. Andra delen. Stockholm, 1967. S. 83).

[262] Цит. по: *Lamn M. S.* Trievalds lif och diktning... S. 144.

[263] *Gezelius G.* Samuel Triewald, en svensk Boileau // Svenska Parnassen. 1784. S. 265—275.

[264] *Клейн Й.* Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 53.

[265] Там же.

[266] Там же. С. 51.

[267] О том, насколько Анакреон был популярен в Швеции в конце XVIII в., говорит тот факт, что среди стихотворений, опубликованных в «Шведском Парнасе», переводы его од явно доминируют; в сборнике сочинений поэта-густавианца Г. Адлерспарре (Adlersparre) («Опыт поэтического искусства». Упсала, 1784), кроме переводов Буало и Дора, встречаются анкреонтические оды, а в 80—90-х гг. издавались шведские переводы од Анакреона.

[268] *Byström O.* Kring «Fredmans epistlar». Stockholm, 1945. S. 65.

[269] *Bellman C. M.* Fredmans Epistlar. Stockholm, 1790. О творческих кон-

тактах Щельгрена и Бельмана см.: *Byström O.* Kring «Fredmans epistlar»... S. 64—65.

[270] *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1982. С. 9.

[271] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). С. 121.

[272] В Швеции пособия по русскому языку также выходили в течение XVIII в. Так, в Стокгольме в 1750 г. была издана «Российская грамматика» М. Гроенинга (Groening), где в разделе «Разговоры» предлагались тематические диалоги: «О утреннем посещении», «О надевании платья», «Между господином и портным», «О завтраке», «О говорении по-русски», «О погоде и времени», «О убрании каморки», «О шествовании», «О посещении больного», а также «Как любезно просить», «Как учтивость показать», «Как сожалеть, уповать и отчаять», «Как кому добра желать», «Как удивляться», «Как радость свою и удовольствие предъявить», «Как запрещать что».

[273] *Sylwan O.* Swenska pressens historia. Lund, 1896. S. 267.

[274] *Christopher Knöppel.* Samtal uti de Dödas Rike emellan Sal. afledne General — Adjutanten Wälborne Herr Georg Bernhard Panso och den fordom berömlige Poeten Herr Johan Runius. Stockholm, 1742. S. 2.

[275] В России же героями таких произведений становились Ломоносов и Кантемир. От лица Ломоносова из царства мертвых написан панегирик Екатерине II, а в «Собрание писем различных творцов, древних и новых» (СПб., б. г.) М. Н. Муравьева наряду с письмами Филиппа Македонского Аристотелю, Плиния к другу (из кн. VIII) и «г. Расина к другу» включена упоминавшаяся переписка Горация и А. Д. Кантемира («Ты открыл им [русским. — *М. Л.*] поприще писмен и останешься более известным тем, что ты был первый стихотворец своего народа, нежели тем, что ты представлял Величество его в Англии и Франции», — отвечает Гораций на комплименты Кантемира).

[276] *Windahl E. A.* En liten rimmares försök. Falun, 1788. S. 34.

[277] Ett bref Til Auctoren af thet svenska nitet. 1738. S. 1—4.

[278] Samuel Triewalds Läre-Spån uti Svenska skalde-konsten. Stockholm, 1756. S. 37.

[279] *Hesselius A.* Jerne-Tid förbytt i Gyllne-Tid. Uppsala, 1739. S. 4.

[280] Samling af Werser på Swenska... S. 120.

[281] Ibid. S. 121.

[282] *Sylwan O.* Swenska pressens historia... S. 267.

[283] *Левитт М.* К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 26.

[284] *Клейн И.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 252.

[285] «Рассуждения о российском стихотворстве». Неизвестная статья М. М. Хераскова... С. 292.

[286] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания (XVII—XVIII вв.). М., 2000. С. 68—89.

[287] *Горн Ф. В.* История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней... С. 249.

[288] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 113—134.
[289] *Byström O.* Kring «Fredmans epistlar». Stockholm, 1945. S. 113.
[290] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 109—113.
[291] *Bellman C. M.* Fredmans Epistlar... S. 50.
[292] Svenska Skalde — Konsten af Hr. Prof. Hof. Tredje Delen // Svenska Parnassen. 1784. S. 376. В самом журнале опубликованы стихотворения разных жанров, вполне соответствующие данному Хофом описанию. Среди них — «Стихотворное письмо к Глюцере» и дружеское письмо Ю. Г. Оксеншерны.
[293] Ibid. S. 372.
[294] Oförgripelige Anmerckningar öfver Swenska Skalde Konsten... S. 11.
[295] О русских трактатах XVIII в. по теории стиха см.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха М., 1984.
[296] Кроме этого стихотворения, под именем Аримаспус Сальштедт издал еще одно эпистолярное сочинение: «Письмо к NN о безграничной свободе торговли и кустарного труда» (Стокгольм, 1756). Под другим экзотическим псевдонимом, Амазантус, вышла его «Литературная гениальность» (1775).
[297] *Геродот.* История. М., 1993. С. 193.
[298] *Rudbeck O.* Atland, eller Manheim. Uppsala, 1675. S. 435.
[299] География Страбона в 17 книгах. М., 1879. С. 517—518.
[300] *Геродот.* История... С. 190.
[301] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 401.
[302] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702 (liv, lärdom, dröm i barockens) Sverige. Stockholm, 2003. S. 265.
[303] Ibid. S. 266.
[304] Ibid. S. 265—266.
[305] *Emanuel Swedenborg.* Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1985. S. 97—98.
[306] *Stolpe S.* Svenska folkets litteraturhistoria... S. 244.
[307] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 266.
[308] *Rudbeck O.* Atland eller Manheim. Uppsala, 1675. S. 755.
[309] *Stolpe S.* Svenska folkets litteraturhistoria... S. 245.
[310] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers, edited, with introduction, translation and commentary by Maria Berggren. Uppsala, 1994. S. 64—66.
[311] Цит. по: *Горн Ф. В.* История скандинавской литературы... С. 252.
[312] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 341.
[313] *Далин О.* История Шведского государства. СПб., 1805. Ч. I. С. XVI. Правда, как следует из изданной в Стокгольме в 1838 г. и пересказанной в «Современнике» (1842. № 4) книги «Заметки о России, написанные во время краткого пребывания в Петербурге и поездки в Москву», приверженцем теории Рудбека был Бьернер: «Один пастор в прошлом столетии написал книгу, где утверждал, что под именем острова Атлантиды, о котором упоминает Платон, надобно разуметь Палестину. Тотчас ученый Бьернер вошел к тогдашнему президенту Коллегии древностей графу

Густаву Бонде с прошением, в котором обвинял автора в бесстыдстве за то, что он хотел перенести Атлантиду в Палестину, тогда как ясно уже доказано, что Платон под этим именем разумел не что иное, как Скандинавию, что давно уже всеми учеными принято и служит к чести и славе отечества» (Современник. 1842. № 4. С. 48).

[314] В лейпцигском «Grosses universal lexicon» (1732), несомненно известном автору шведского стихотворения, сказано, что, согласно легенде, аримаспы проживали в Ингерманландии, Новгороде и Пскове, в Московии, а значит, с «историческими» аримаспами могли отождествляться и русские, и это обстоятельство могло стать причиной включения «Письма» Аримаспуса в указанный конволют 1741 г., составленный из шведских сочинений русской тематики и выполнявший пропагандистскую функцию перед началом русско-шведской войны 1741—1743 гг. Однако в стихотворении Сальштедта «русская» тема отсутствует как таковая.

[315] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 385. О Старкоттере говорится в «Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus V...» Юханнеса Магнуса (Johannes Magnus) (Там же).

[316] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 1.

[317] Рассуждение И. Е. Фишера о Гиперборейцах или о народе, за севером находящемся. Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С. 127. В этой статье приводятся рассказы древних авторов о гипербореях, например, «Помпоний Мела, Плиний и Солин пишут об них следующее: Гиперборейцы живут в земле плодоносной в чистом и здоровом воздухе, не зная никаких заразительных болезней; нет между ими зависти и раздоров, но всегда царствует правда; сего ради и живут щастливее, нежели другие народы. Они не знают никогда брани, но провождают жизнь свою в веселии и глубоком спокойстве; живут в рощах и дубровах без всяких коварств добродетельно; отправляют богослужение наедине и в собраниях; от древес плодоносных имеют ежедневную пищу; живут до глубокой старости, а естьли им жизнь наскучит, то прекращают оную великодушно с веселием; составляют пир, по окончании котораго, положа венок на голову, низвергаются в морскую пучину» (С. 133).

[318] Аристей Проконессийский, автор эпической поэмы «Эпос об аримаспах» (*Геродот.* История... С. 191).

[319] Там же. С. 123—124.

[320] Цит. по.: *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 432.

[321] Там же. С. 431.

[322] Сочинения св. Димитрия. М., 1849. Ч. 4. С. 7.

[323] ОР РГБ. Ф.68. № 468 Л. 139.

[324] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 58—68.

[325] *Лызлов А.* Скифская история. М., 1990. С. 8.

[326] *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 1. С. 414.

[327] *Митрополит Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших

в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995. С.335

[328] *Проскурина В.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 9—56.

[329] *Капнист В. В.* Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении... С. 176.

[330] Там же. С. 563.

[331] *Сазонова Л. И.* Переводная художественная проза в России 30—60х гг. XVIII в. // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982; *Она же.* Переводной роман в России XVIII века как ars amandi // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 127—140.

[332] *Комон де ла Форс Шарлотт де Роз.* Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, Короля Шведского... С. 5.

[333] Стихи Густава Вазы в русском тексте 1764 г. переведены 6-стопным ямбом с ритмическими перебоями и напоминают неравносложные стихотворные вставки в авантюрные повести Петровской эпохи («Любовь, прошу подай мне оружия свои. // Я сердцу одному желаю дать удар. // Пусть возчувствует оно жестокости твои. // Толико, сколько я днесь чувствую твой жар»). В шведском издании «Густава Вазы» это стихотворение написано правильным 4-стопным хореем.

[334] *Геллерт Ф. Х.* Жизнь графини Шведской Г***. Тамбов, 1792. С. 67.

[335] Там же. С. 28.

[336] В русских панегириках первой четверти XVIII в. «шведским полонянникам» было уделено столько внимания, что подчас их упоминание кажется неуместным. Так, в «Преславном торжестве свободителя Ливонии» Иосифа Туробойского говорится, что Петр изображен «на прекрасном коне, львиною кожею в знамение мужества вместо чепрака одеяном, седящую; под конем же множество пленников убиенных лежащих» (М., 1704. С. 45). Иногда же в панегирических текстах описываются некоторые бюрократические процедуры, связанные с освобождением пленных: «Россиа между двоима масличными древами, держащая ветвь масличную, кругом же по странам пленников в шведских одеждах свобождаемых, на них оковы и колодки гениуси разбивают. А иным дают пашпорты, под ними написание Pax et libertas captivis Petri Letissima Dona. Мир и свобода пленником, сия суть Петровы вожделеннейшия дары» (Описании триумфальных ворот в Москве по случаю мира со Швецией. РГАДА. Ф. 17. № 149. Л. 7 об.).

К этой теме возвращались на протяжении всего столетия. В «Кратком описании славных и достойных дел» (СПб., 1788) Крекшина Карл, обращаясь к Петру, признается: «пленные войска твои содержал с осужденными на смерть в тяжких заключениях, не давал им ни провианту, ни мундиру и никакова питомства и несколько пленных твоих ругательно палками побивать велел до смерти, а у прочих у рук и ног повелел отрубать пальцы и продавал бусурманам на каторги» (С. 85). Схожие заявления делает и шведский граф: «Они с нами весьма жестоко поступают, не внимая нашим стенаниям, а оправдывают свои поступки тем, что и наш Король угнетает военнопленных Россиян» (*Геллерт Ф. Х.* Жизнь

графини Шведской Г***... С. 8). Как отмечалось выше, в 1799 г. в Лунде был издан шведский перевод сказки Екатерины II о царевиче Февее, где обычай мучить пленных врагов в отместку за их жестокость по отношению к своим пленным всячески осуждается и не находит оправдания (Zarsonen Fewei. En händelse i en residence stad. Af hennes majestät kejsarinnan af Ryssland. Översättning... S. 32).

[337] Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарския книги, сочинения Абулгачи-Баядур-Хана. СПб., 1768. С. 3. Эта книга была переведена В. К. Тредиаковским в 1730 г., русский перевод сделан с лейденского издания 1726 г. на французском языке, на шведском языке это сочинение не издавалось (*Staffan Rosen*. Conquerors of Knowledge: Swedish Prisoners of War in Siberia and Central Asia 1709—1734 // In Search of an Order. Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason / Edited by Ulla Birgegård and Irina Sandomirskaja. Sodertorn Academic Studies. № 19. 2004). Бывший пленный П. Шенстрем передал этот памятник в упсальскую библиотеку (*Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). С. 137), в свою очередь Ф. Страленберг писал, что Татищев «охотно согласился взять в Петербург для перевода имеющийся у меня труд Абулгази и обещал проверить его текст» (*Татищев В. Н.* История Российская... С. 8). В русском издании встречаются доказательства шведского участия в исследовании этого текста: «...имя Король, которое *употребляется ныне в Российском языке, есть весьма* новое и имеет свое начало в ссорах, каковы Россия по временам имела от двух веков с Шведской короною» (С. 389).

[338] *Шарыпкин Д. М.* Русская литература в скандинавских странах... С. 204.

[339] Щит веры. Саратов, 1913. Кн. 14—15.

[340] *Emanuel Swedenborg*. Camena Borea, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1988. S. 70—76.

[341] Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. М., 1774. С. 124—125.

[342] *Вульпиус Х. А.* Карл XII при Бендерах. СПб., 1810. С. 94.

[343] Там же. С. 111.

[344] Там же. С. 81.

[345] Там же. С. 31.

[346] Там же. С. 12.

[347] Там же. С. 53.

[348] Там же. С. 81.

[349] *Babo Fr. J.* Peter den Store, eller Strelitzerne. Stockholm, 1799. S. 9.

[350] Ibid. S. 39.

[351] Ibid. S. 89.

[352] Ibid. S. 83, 105.

[353] Theater — stycken af Konung Gustaf III. Stockholm, 1826.

[354] *Kronstrand E.* Underrättelse om Grekiska och i synnerhet Ryska Kyrkan... S. 28.

[355] Theater — stycken af Konung Gustaf III... S. 247.

[356] *Озеров В.* Сочинения. СПб., 1816. С. 64.

[357] В России также бытовали истории о Петре, неузнанном своими подданными. Например, в «Рассказах Нартова о Петре Великом» приводится анекдот о том, как во время Персидского похода Петр «ходил... по лагерю... и охотно желал слышать сам, что о сем походе начальники и подчиненные говорят» (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 51).

[358] *Babo Fr. J.* Peter den Store... S. 9.

[359] *Геллерт Ф. Х.* Жизнь графини Шведской Г***... Т. 2. С. 8.

[360] *Вульпиус Х. А.* Карл XII при Бендерах... С. 94.

[361] Московский вестник. 1828. № 14. С. 222.

[362] *Геллерт Ф. Х.* Жизнь графини Шведской Г***... С. 47, 51.

[363] Московский вестник. 1828. № 14. С. 234. По-видимому, здесь использована библейская аллюзия, ср. с выпадом Евфимия Чудовского против Сильвестра Медведева: «...изостряше язык свой, яко змеин, по псалмопевцу, под устнами же его яд аспидов, полн горести и льсти, злоковарен бо сый от юностна возраста...» (Сатира XI—XVII вв. М., 1987. С. 107).

[364] Там же. С. 215.

[365] В России же панегирики шведским королям не создавались и не переводились даже во время политического сближения стран. Правда, в начале XVII в. из русской среды исходили «речи», содержащие этикетные, но при этом явно панегирические обращения к шведским монархам; так, речь новгородцев по поводу избрания на русский престол Карла-Филиппа начиналась словами: «Государь наш пресветлейший и благородный Великий Князь Карл Филипп Карлович» (*Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла-Филиппа на Русский престол (1611—1616). Юрьев, 1913. С. 55), но панегирики из таких воззваний не вырастали.

[366] *Nordenflycht H. Ch.* Til hans kejserliga höghet Paul Petrowitz, storfurste af Ryssland. Stockholm, 1760. S. 6.

[367] Правда, в одном из печатных экземпляров стихотворения на смерть русской императрицы содержится рукописная приписка, из которой следует, что автором этого стихотворения является упоминавшийся нами в разделе, посвященном эпистолярной шведской поэзии, автор «Речи о Поэтическом искусстве» О. Бергклинт (Bergklint; 1733—1805). Однако это единственная попытка атрибутировать ему стихотворение на смерть Елизаветы; во всех немногочисленных шведских источниках, в которых упоминается это произведение, его автором назван Брелин. Кроме того, как показывают приведенные примеры, неизвестный шведский исследователь, атрибутировавший анонимные шведские тексты, как правило, ошибался.

[368] Vid hennes Kejserliga Maj:t ryska kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga Dödfal. Stockholm, 1762. S. 2.

[369] *Dalin O.* Ode öfver freden emellan Swerige och Rusland. Stockholm, 1743. S. 3.

[370] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland den 17 julii 1788. Stockholm, 1788. S. 2.

[371] Vid... kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga Dödfal. S. 2.

[372] Ibid.

[373] Разговор между Петром Великим, императором Всероссийским и Карлом XII, королем Шведским, о славе победителей, сочиненный госп. Ваттелем, советником его свт. Курф. Саксонского. СПб., 1778. С. 10.

[374] РГАДА. Ф. 96/3. № 65. Л. 13.

[375] Kämpa-visa om Kåningen å herr Päder. 1701. В свою очередь в русской поэзии присутствует мотив покорения гордой девицы-города, например, в стихотворении «Увестителное о будущей победе» («Венец победы». Львов, 1708) говорится: «Гордая Рига тебе ожидает // И на приход твой гранаты збирает. // Тебе штурм без гармати, // Может верный Ригу взяти».

[376] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers, edited with introduction, translation and commentary by Maria Berggren. Uppsala, 1994. S. 172.

[377] Ibid. S. 184.

[378] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 914—919.

[379] Достаточно часто в панегириках правящим в Швеции или России монархам назывались их родители, независимо от того, кто из них управлял государством. Так, в оде Эклунда (Ekelund) «на высокие именины» Густава III говорится, что «Он — сын Адольфа и Ловизы» (*Ekelund J.* Carlshamns underdåniga fägnads betydelse då hans Kongl. Maj:ts... höga Namns-dag inföll. Carlscrona, 1776. S. 8). В свою очередь во «Всеподданнейшем поздравлении для Восшествия на Всероссийский престол... и высокий день рождения Ея Величества» (1741) Юнкера говорится: «Желает кто Петра смотрить, // Или Екатерину чтить // И их доброт плениться цвету, // Возрит пусть на Елизавету». Правда, в России правили оба родителя императрицы Елизаветы Петровны: «Ты ж толиких Дщерь героев и Монархов славных света, // Обоим Им подражая, обоих живи их лета» («Воскликновение к Ея Императорскому Величеству», напечатанное в «Описании фейэрверка и иллуминации, которые при торжествовании заключеннаго между Ея Императорским величеством Самодержицею Всероссийскою и Короною Шведскою вечного мира 15 сентября 1743». СПб., 1743. Л. 14).

[380] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers... S. 178.

[381] Ibid. S. 212.

[382] ОР Библиотеки университета Упсалы. Н. 405. Л. 35.

[383] Vid... kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga Dödfal. S. 2.

[384] *Windahl E. A.* Skalde-digt öfver Friden. Örebro, 1790. S. 2.

[385] *De La Croix G.-F.* Dictionnaire historique portatif des femmes célèbres... P. 21. В то же время в русских текстах панегирист мог называть монарха только по отчеству тогда, когда требовалось подчеркнуть сходство звучания отчества российского царя и имени великого героя прошлого: «Алексеевич Александра превосходит» (Хвала на славы пространного одоления М., 1709. Л. 11 об.). Этот прием использовался и в отношении других персонажей русской истории, например Меншикова: «Даниил Пророк уста затыкаше // Львом: Данилович Князь Львы погоняше» (Венец победы. Львов, 1708).

[386] *Феофилакт Лопатинский*. Служба благодарственная Богу в Троице святой о славной и великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом 12 и воинством его, сделанной под Полтавою. М., 1709. Л. 30— 31 об.; 38—38 об.

[387] Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 231.

[388] Поздравительные стихи Петру Великому // Русский архив. 1910. III. Авг. С. 155.

[389] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 61. Точно так же в русских текстах, в том числе и принадлежащих самому Петру, встречается «неприличная» игра слов. Например, в опубликованное в книге «Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу гр. Б. П. Шереметеву» (М., 1774) «Рассуждение о турецкой войне» включено следующее распоряжение Петра: «...ежели ныне да отвратит Бог сие, всем регулярным трупам быть у Киева между двух крепостей» (С. 112). Данный случай — обычный для Петровской эпохи пример замены русского слова европейским. Вместе с тем, современники Петра слова «войско» и «труп» различали очень четко; например, в манифесте «О Малой России» сказано: «Мужественно на транжемент неприятельской наступая, оной взяли и войска Шведскаго две тысячи человек в оном найденнаго, трупом положили... и тако все то войско разрушено» (ЧОИДР. М., 1847. № 9. С. 45).

[390] Katarina II och Gustaf III. En återfunnen brevväxling... S. 7.

[391] Цит. по: *Лебедев П.* Опыт разработки новейшей русской истории по неопубликованным источникам. СПб., 1863. С. 306.

[392] Там же. С. 265.

[393] Там же. С. 306.

[394] *Грот Я. К.* Екатерина II и Густав III. СПб., 1877. С. 2.

[395] *Козельский Ф.* Песнопение ея императорскому величеству... Екатерине II на победоносное ея оружие на севере и юге, на суше и на море. СПб., 1788. С. 8.

[396] Fyra aldeles Nya Krigs-Wisor. Falun, 1789. D. 2—3.

[397] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 4.

[398] Inpromtu, wid Hans Kongl. Höghet Hertig Carls ankomst til Norrköpings Stad. Stockholm, 1788. S. 4.

[399] *Lindebäck J.* Tal på hans höghet hertig Carl höga namnsdag... Stockholm, 1791. S. 7. «Вооруженными орлами» русская армия названа также в «Предупреждении Старкоттеру» Ю. Холмберга (*Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 3). В русской одической поэзии XVIII в. образ победоносного российского орла встречается постоянно, один из многочисленных примеров — «Ода на славнейшие победы, одержанные российской армиею в 1770 г.» (М., 1771) Ив. Верещагина:

Но презирая стены, грады
Российский дерзостный орел
Чрез рвы, чрез огнь и чрез ограды
С стремлением на них летел,
Густые мраки раздирая
И жарким гневом весь пылая,
Полетом делал в вздухе свист.

Или значительно более талантливая «Ода Российскому храброму во-

инству при объявлении войны противу Оттоманской Порты» (М., 1769) М. М. Хераскова:

Покинув Россы мирный храм,
К чему твоя их дерзость нудит
Подобно вьющимся орлам,
Которых вранов крик возбудит...
Летите, Росские орлы
Карать рушителей спокойства,
Во всех странах гремят хвалы
И слухи вашего геройства.

[400] *Петров В. П.* Приключения Густава III... С. 1.

[401] *Успенский Б. А.* К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1994. Т. II. С. 285.

[402] Басни Эзопа / Пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1993. С. 119.

[403] Бабрий // Античная басня / Пер. с греч. и лат. М. Л. Гаспарова. М., 1991. С. 399.

[404] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986. С. 89.

[405] *Васильев В. Н.* Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII в.). Л., 1960. С. 38—39.

[406] Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 263.

[407] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии. М., 1704. Л. 39.

[408] Точно так же, по Феофану, в Риме во время Второй Пунической войны Ганнибал «исперва велик и страшен показася» (*Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 29); однако в предназначенном для массового зрителя виде эта идея не требовала подтверждения историческими аналогиями и приобретала сниженно-площадное воплощение.

[409] РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 201 об.

[410] Цит. по: *Кузьмин А. И.* Военная тема в литературе Петровского времени... С. 170.

[411] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1138.

[412] Образ пугающего зверей Льва был хорошо известен в России из «естествословных» источников. При этом в русских сочинениях на шведскую тему времен Северной войны приводились самые различные истории о львах; так, в «Царском пути» Ивана Максимовича сказано: «Повествуют естествословцы предивную левскую силу: гладом изможденный, хотя себе без труда лов прияти, многу часть общедши в непроходной пустыне, испускает глас, им же звери, тамо обретающиеся, аки мертвии от ужаса припадают и себе доброхотне в снедь несыту льву предлагают» (Цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература. СПб., 1862. Т. 2. С. 203—204). Однако этот мотив не нашел отражения в шведской поэзии.

[413] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 79.

[414] Några enfaldiga Rijm-Rader // РО Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1063—1064.

[415] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1019.

[416] Tal till minne af Konung Carl XII, hållit i Lund 100 år efter Dess död af J. J. Palm. Stockholm, 1819. S. 22.

[417] При этом подсчеты, в русских глазах демонстрирующие высокомерие шведов, а для шведов являющиеся объективной реальностью, во время Северной войны производились постоянно. Например, в письме А. Я. Хилкова о размене пленных говорится: «...все их генералы и офицеры за то сердитуют, что они офицеров с крестьяны рускими равно поставили. А прежде говорили, что за одного швецкого офицера надобно три русских на розмену» (РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3. Ед. хр. 10. № 4. Л. 651 об.).

Во время русско-шведской войны 1741—1743 гг. шведские авторы продолжали считать, сколько на одного шведского солдата приходится русских, однако пропорция 1 : 10 не встречается ни в одном сочинении этого времени, ни в официальных шведских реляциях, ни в стихотворениях следовавших за этими реляциями шведских авторов (например, в стихотворениях, посвященных сражению при Вильманстранде, говорится, что на одного шведа приходилось 8 или 5 русских, на 15 сотен — 16 тысяч и т. п.).

Подобные подсчеты являются характерной чертой шведских сочинений, выходивших на протяжении всего XVIII в. Шведские авторы победословий 1788—1790 гг. продолжали настаивать на многократном численном преимуществе русских, правда, количество врагов, приходящихся на одного шведа, в отличие от текстов начала столетия, сократилось вдвое. Например, в «Четырех совершенно новых военных песнях» (Фалун, 1789) говорится: «позволь им утешаться, что их сила велика // И не знать шведского монарха, // Который их накажет, один против пяти отваживается идти. // Несчастные русские, что же вы получите» (Fyra aldeles Nya Krigs — Wisor... D. 4).

В свою очередь в русских панегириках XVIII в. о количестве участников сражений говорится значительно реже, и называемые русскими авторами цифры кажутся не столь поразительными, как в шведских сочинениях. Так, в рукописном стихотворении «В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в 28 сентября 1708 года» сказано: «Сей Монарх тамо присутствовал, с неустрашенной храбростию будучи вождем всем своим в опасности, и гнавший три дни за Левенгауптом, которой хотя имел превосхождение числа людей, однако ж побежден был (он имел 16 000, а его царское величество токмо 10 000)» (РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 3).

При этом, говоря о шведской гордости и силе, русские панегиристы на многочисленность врагов хоть и крайне редко, но указывали: в «Торжественных вратах» (М., 1703) шведы сравниваются с сыновьями Ниобы, «яже и множеством и крепостью сынов своих ратных людей гордящаяся, множайших и честнейших в сей брани» (Торжественные врата... Л. 4). В русских панегириках начала 40-х гг. XVIII в. количество гордых и «насмешливых» шведов, как правило, не называлось.

Во время последней в XVIII в. русско-шведской войны 1788—1790 гг. о количестве неприятелей русские авторы говорили только в связи с их потерями, например, в «Прологе на случай победы, приобретенной над

шведами 1789 года июня 22 дня» (СПб., 1790) Н. Эмона сказано: «Остатки флота Готв в Свеаборг заключает, // И тамо с ужасом беды свои считает. // Пять тысяч воинства героев вождь взял в плен // И тысячи врагов низверг во прах и тлен» (*Эмон Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня. СПб., 1790. С. 232).

[418] Poetiska blommor på Helikon hämtade. Uppsala, 1732. S. 12.

[419] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 1.

[420] Ibid. S. 1—10. Эта рифма встречается в шведских панегириках 20х гг. XVIII в., например, в стихотворении В. Крузе: «С Давидом он [Карл. — *М. Л.*] сражался против Львов и Медведей, // Он превосходил быстрых Орлов» (цит. по: *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner. Lund, 1951. S. 91). Правда, здесь Медведь не обозначает ни Швецию, ни Россию.

[421] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 369, 394.

[422] *Helander H.* Olof Hermelin, Ad Carolum XII, Svecorum Regem, de continuando adversus foedifragos bello // Kungl. Humanistiska Vetenskaps — Samfundet i Uppsala. Uppsala, 1990. S. 72.

[423] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 914—919.

[424] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden... S. 370—371.

[425] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 194.

[426] Seger-Sång öfwer den makalösa undsättningen af Narva Stad... // ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 981.

[427] *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 30—35.

[428] Ibid. S. 113. В шведской и русской поэзии некоторые звери всегда ассоциировались с врагом: «О, Герои! Вашими трудами отвергнуты требования московских тигров» («Ода шведской армии». Стокгольм, 1788) К. Г. Нордфорсса (Nordforss); «Не испугает твое мужество штурм Леопардов» (ода «На мир с императрицей России». Лунд, 1743) М. Абелина (Abelin), или русское аллегорическое изображение времен Северной войны «Властолюбия неправедного»: «верхняя одежда — кожа барсовая, знаменующая звериную свирепость сердца друговредительную» (цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... С. 97). В России в этот список кошачих включается и обозначающий Швецию Лев: «Орлы, как вы еще веселой глас послали? // Подкрались Тигры к вам, внезапно Львы напали» («Венчанная надежда Российския империи». 1742 г. Г. Юнкера, пер. Ломоносова).

[429] Записки Юста Юлия. М., 1900. С. 116—117; 134.

[430] Цит. по: *Emanuel Swedenborg.* Ludus Heliconius and other Latin poems, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1995. S. 157.

[431] Hwar Redlig Swensks Tankar öfver Krigs Kungiörelsen emot Czaren af Ryssland. Stockholm, 1741. S. 1.

[432] Поездка в Швецию в 1839 году Ивана Головина. СПб., 1840. С.

59.

433 Записки Желябужского с 1682 по 2 июня 1709. СПб., 1840. С. 82—83.

434 *Goeding A.* Korta Betrachtelser öfver de till den Allmäna Tacksahelse Dagens... vår Allernådigste Konung Carl den XII emot sina arga tro-och samvetlösa Fiender Ryssarna... 1701.

435 Sannfärdig berättelse om the Ryska fångars ankomst til Stockholm. Stockholm, 1702. S. 2.

436 *Гавриил Бужинский.* Ключ дому Давидову, на рамо богохранимой державе российской от триипостасного победителя данный... М., 1722. Л. 13 об.

437 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута, егда Российским гребным флотом пленен Шведский Шаутбейнахт с Фрегатом и немалым числом других судов. СПб., 1720. 10—11 об.

438 Там же. Л. 10 об.

439 *Витберг Ф.* Мнения иностранцев-современников о Великой Северной войне // Русская старина. 1893. Т. 79. Авг. С. 270. Действительно, на протяжении всего XVIII века европейские авторы писали о победах маленьких шведских отрядов над огромными русскими армиями (эти сведения проникали также в переводившиеся в России книги), например, в «Дневнике» И. Г. Корба сказано, что «граф Яков де-ля Гарди, генерал Шведской службы, в 1611 году с 8000 разбил 200000 московитов» (Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 202), а в «Краткой истории королевской шведской фамилии... с присовокуплением некоторых замечаний» — «о войне с Россиею, начинавшейся в государствование короля Эрика, можем только сказать то, что Генерал Николай Акезон в 1573 году пошел с войском, состоявшим из 700 шведов якобы против 16000 Россиян, одержал над ними у Лоде в Лифляндии победу» (С. 13); здесь «замечания» свелись к тому, что противники шведов названы не московитами, а россиянами, и что русский переводчик усомнился в такой многочисленности русского войска — «якобы против 16000».

440 Там же. С. 271.

441 *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... С. 408—410.

442 *Витберг Ф.* Мнения иностранцев-современников о Великой Северной войне... С. 271.

443 ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 386, 387, 387a.

444 Там же. S. 950.

445 Там же. S. 957.

446 *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 25—26.

447 *Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen. Stockholm, 1788. S. 2, 3.

448 *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 306.

449 Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII. М., 1789. С. 39.

450 Там же. С. 17.

451 В елизаветинское царствование о Полтавской битве вспоминали и в связи с русско-шведской войной 1741—1743 гг., при этом русские

панегиристы, как правило, отмечали, что год рождения императрицы совпал с Полтавской победой: «Подлинно Благочестивейшая Отечества Мати, внятен тогда был слух оружия Христолюбиваго Родителя Твоего в победоносном и всерадостном году рождения Твоего, аще и всем повсюду слухом, то наипаче свейскому народу и видом, и слухом внятен был» (*Платон Петрункович*. Слово... Проповеданное в викториальный день восприятия высокославнейшим Монархом Петром Великим победы под Полтавою... Л. 11 об.).

[452] Цит. по: *Шляпкин И. А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 285—286. Кроме того, существует рассказ о Нарвской битве самого Карла XII (РГАДА. Ф. 20. № 1); автор этой записки «к баталии не успел и однако ж король... о всем деле как было сначала и до окончания указывал» (Л. 1). А чуть ниже он жалуется, что «шведы в небытность мою из Ревеля канцелярию мою совсем взяли» (Л. 3).

[453] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 387a.

[454] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 406.

[455] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1140.

[456] Tal till minne af Konung Carl XII, hållit i Lund 100 år efter Dess död af J. J. Palm... S. 38.

[457] *Rudbeck O.* Ou Aloe. Uppsala, 1711. S. 1—4.

[458] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1144.

[459] Там же. N. 49, fd. 14.

[460] Там же. Palmsk. 15. S. 1125.

[461] Там же. S. 1134.

[462] Там же. S. 1125.

[463] *Перетц В. Н.* Очерки по истории поэтического стиля в России (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.). СПб., 1907. Вып. 5. С. 3; *Шарыпкин Д. М.* Шведская тема в русской литературе Петровской поры // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 60.

[464] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1135.

[465] Там же. Palmsk. 386. S. 949.

[466] Записки Желябужского с 1682 по 2 июня 1709... Приложение.

[467] *Бакланова Н. А.* Вирши — панегирик Петровского времени // ТОДРЛ. М.; Л. 1953. Т. IX. С. 407.

[468] Поздравительные стихи Петру Великому // Русский архив... С. 155.

[469] *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных Пресветлейшего и Августейшего Державнейшего и Непобедимейшего Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца в кратце списана стихами поетыцкими. Амстердам, 1700. С. 32.

[470] Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на векопомное прославление. Чернигов, 1710. Л. 38.

[471] Там же. С. 37—38.

[472] В «Славе торжеств и знамен победных...» того же И. Копиевского говорится не только о распространении власти российского царя «до

конец земленых», но и о наполнении монархом своих земель людьми: «Тезей всю землю свою людми наполняя...» (С. 14).

[473] Изъявление фейерверка. М., 1709—10. № 5.

[474] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers... S. 174—176.

[475] Ibid. S. 82.

[476] Ibid.

[477] Ibid. S. 84.

[478] ОР Библиотеки университета Упсалы. Н. 159 а. Л. 32 об.

[479] *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л. 1961. С. 127.

[480] *Иоасаф* (*Заболоцкий*). Слово о действии мужества в день Александра Невского. 1775. Л. 2 об.

[481] *Феофан Прокопович*. Сочинения... С. 126.

[482] Там же. С. 127.

[483] Там же. С. 119.

[484] Правда, раньше, в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной», Феофан, напротив, подчеркивал силу России, против которой выступила Швеция: «не безсилием бо православное сие царство толико разширися, яко вся западныя государства противу величествия его суть, яко реки противо безмернаго океана» (*Феофан Прокопович*. Сочинения... С. 24). Вероятно, чтобы говорить о слабости начала столетия, должна была появиться некоторая «историческая дистанция», 9 лет для подобных заявлений было недостаточно. Точно так же о силе российского царя говорится и в других посленарвских изданиях Копиевского, например, в «Святцах, или Календаре» (Амстердам, 1702): русский царь «...всея северныя страны Повелитель... и иных многих государств и земель восточных и западных и северных очоч и дедич и наследник». По мнению Копиевского, будущие успехи Петра имели крепкую основу. В свою очередь шведские авторы начала столетия писали о многочисленности русского войска, которая не спасла его от поражения от шведов. Например, с заявлением Копиевского, что Петр «наполняет государства свои людьми», коррелирует следующий фрагмент из «Истории походов Карла» (Стокгольм, 1741) Дрюандера: «эта великая Победа принудила русских снова оставить земли, которые они наводнили» (С. 16).

[485] РГАДА. Ф. 18. № 171.

[486] *Emanuel Swedenborg*. Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum... S. 148.

[487] Samuel Älf's collection. Diocesan Library of Linköping. XV. 171 ff.

[488] РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 2.

[489] *Галеневский И*. Ода на всерадостнейшее торжество высочайшаго восшествия на престол Елизаветы Петровны 1751 г. ноября 25 // РГАДА. Ф. 17. № 171. Л. 22.

[490] *Иосиф Туробойский*. Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 19.

[491] Там же. Л. 39.

[492] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 905.

[493] Торжественная врата, входящая в храм безсмертныя славы непо-

бедимому имени. М., 1703. Л. 4.

494 *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 64—65.

495 Торжественная врата... Л. 7 об.

496 Хвала на славы пространного одоления от всепресветлейшаго и державнейшаго великаго государя царя и монарха Петра Алексеевича над шведами у Полтавы июня в 27 день 1709. Жертвенно поднесено его царскому величеству при триумфальном приходе в Москву декабря в 21 день // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1, оп. 2. Ч. 2. № 53. Л. 10 об.

497 *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 25.

498 *Goeding A.* Panegyricus illustrissimo excellntissimoque domino comiti, Carolo Piper... Uppsala, 1703. S. 2.

499 *Emanuel Swedenborg.* Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum... S. 56.

500 *Вертоградский Н. И.* Нарвский триумфальный щит. Из нарвской художественной старины. СПб., 1908. С. 5.

501 *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 483.

502 *Goeding A.* Panegyricus illustrissimo... S. 2.

503 *Rudbeck O.* Sorge — Qwäde öfwer den Stormägtigste Konung Karl XII... Uppsala, 1719. S. 6.

504 *Стефан Яворский.* Риторическая рука. СПб., 1878. № 17.

505 ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 14. S. 471.

506 *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III. М., 1996. С. 231—232.

507 *Феофан Прокопович.* Слово похвалное о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими иулия 17 полученной. СПб., 1720. Л. 4.

508 ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 1019.

509 *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная... Лл. 30—31 об.; 38—38 об.

510 ПЛДР. XVII век. Кн. 3. Т. 12. М., 1994. С. 331.

511 ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 950.

512 *Rudbeck O.* Sorge — Qwäde öfwer den Stormägtigste Konung Karl XII... S. 13.

513 ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 982.

514 *Dalin O.* Ode öfver Slaktningen wid Wilmanstrand. Stockholm, 1741. S. 6.

515 Bön emoth Christenhetenes Fiende Turcken och hans tyranniske Anhang. Stockholm, 1683. S. 2.

516 *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 329, 370.

517 Врата Триумфальныя в царствующем граде Москве на вход Царскаго Священнейшаго Величества Императора Всероссийскаго, Отца Отечествия Петра Великаго с торжеством оконченной войны благополучным миром между Империею Российскою и Короною Шведскою. М., 1721. Л. 7 об.

518 *Козельский Ф.* Песнопение Ея Императорскому Величеству пресветлейшей, державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине II на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море. СПб., 1788. С. 6.

[519] Там же. С. 7.

[520] *Крузиус Х.* Описание обоих триумфальных ворот, поставленных в честь державнейшей великой государыни императрицы Елизаветы Петровны по восприятии в Москве короны, Швецию победившей, всю Финляндию державе своей покорившей и торжественно в Санктпетербург возвратившейся... СПб., 1742. С. 13.

[521] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 14. S. 470.

[522] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1010.

[523] Записки Желябужского... С. 108.

[524] Там же. С. 223.

[525] *Гавриил Бужинский.* Ключ дому Давидова... Л. 15.

[526] Там же.

[527] Слово о богодарованном мире в день обрезания Господня 22 января 1722 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Оп. 2. Ч. 2. № 53. Л. 290.

[528] *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о баталии Полтавской. СПб., 1717. Л. 6.

[529] *Carlsson C.* Försök til swänske skald-konstens uphielpande. Stockholm, 1738. T. 2. Avd. 1. S. 53.

[530] Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 11 об.

[531] Д. Шарыпкин, обративший внимание на это обстоятельство, опубликовал стихотворный панегирик Елизавете «Воскликновение к Ея императорскому величеству», содержащий характерное двустишие: «И в какое кратко время возвратила нас к покою, // Что им длилось лет чрез двадцать, то зрим в два года в тобою» (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 75.).

[532] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 54.

[533] Ludus Heliconius... S. 25.

[534] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 46.

[535] РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 244.

[536] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 19.

[537] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 27. Точно так же в России осуждается и «доброй» не признается любая шведская хитрость. В «Примечании и историческом объяснении на объявление его величества короля Шведского, изданном в Гелзингфорсе в 21 день июня 1788 г.» приводится послужившая поводом к последней в XVIII в. русско-шведской войне так называемая «шведская сказка»: 24 шведских солдата переоделись казаками и сожгли дом некой вдовы (надо понимать, что внимание акцентируется не на масштабах причиненного ущерба, а на самой этой акции; точно так же в «Журнале, или Поденной записке» сказано, что «в 4 день получена ведомость от него же Генерала Майора Князя Голицына, что помянутые Англинский и Шведский флоты 2 числа, высадя своих людей на Нарген остров, сожгли избу да баню» (Ч. 2. Отд. I. СПб., 1772. С. 132). В России эта «хитрость» осуждается как провокация.

[538] *Carlsson C.* Försök til swänske skald-konstens uphielpande... T. 2. Avd. 1. S. 53.

[539] Торжественная врата входящая в храм безсмертныя славы... Л. 12.

[540] Hervarar saga på gammal götska med notis. Upsalae, 1671. S. 6.

[541] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 326, 345, 450.

[542] *Kenneth J.* Knoespel. The Edge of the Empire: Rudbeck and Lomonosov and the Historiography of the North... P. 132.

[543] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 303.

[544] Ibid. S. 383.

[545] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 14. S. 451.

[546] Там же. 15. S. 977.

[547] *Emanuel Swedenborg.* Camena Borea... S. 72.

[548] *Dryander J.* Kort uttåg af Konung Carl then XII historia. Stockholm, 1709. S. 142.

[549] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 304.

[550] *Carlsson C.* Försök til swänske skald-konstens uphielpande... 1737. T. 1. Avd. 3. S. 19.

[551] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 98.

[552] «Протестантские писатели часто видели в "судьях Израильских" прототипы шведских королей-воинов... В произведениях многих авторов Густав Адольф и Карл XII играют роль Гедеона» (*Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 408).

[553] *Goeding A.* Korta Betrachtelser öfver de till den Allmäna Tacksahelse Dagens... vår Allernådigste Konung Carl den XII emot sina arga tro-och samvetlösa Fiender Ryssarna... S. 1.

[554] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 1019.

[555] Там же. 15. S. 907.

[556] Там же. 15. S. 1073.

[557] Там же. 387. S. 1195.

[558] *Rudbeck O.* Sorge — Qwäde öfwer den Stormägtigste Konung Karl XII... S. 25.

[559] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 2 об.

[560] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 34.

[561] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 2 об.

[562] *Одесский М. П.* Очерки исторической поэтики русской драмы. Эпоха Петра I. М., 1999. С. 139.

[563] Вирши о взятии Азова в 1696 году // ТОДРЛ. М.; Л. 1958. Т. XIV. С. 432.

[564] Краткая всеобщая история господина Ла Кроца, пересмотренная и умноженная разными примечаниями от господина Формея, переведенная с французского языка на российский с прибавлением вкратце Российской, Шведской, Датской и Голштинской историй и умноженная хронологическим повторением. СПб., 1766. С. 44.

[565] Краткая история королевской шведской фамилии, именуемой Густавов... С. 51.

[566] *Крузиус X.* Описание обоих триумфальных ворот... С. 3.

[567] Описание фейерверка и иллуминации, которые при торжествовании заключеннаго между Ея Императорским Величеством Самодержицею всероссийскою и Короною Шведскою вечного мира 15 сентября 1743. СПб., 1743. Л. 13—13 об.

[568] *Höpken A. J.* En wäns bref ifrån Danzig til sin wän i Konigsberg angående action wid Wilmanstrand. Stockholm, 1741. S. 3.

[569] *Busser J. B.* Den Namnkunniga Ryska Käjsarinnan Elisabeths historia. Uppsala, 1771. S. 25.

[570] Ibid. S. 26.

[571] В отличие от военных стихотворных панегириков времен Северной войны, в начале 40-х гг. XVIII в. русские поэты, как и их шведские коллеги, создают силлабо-тонические оды: стихотворения Ломоносова, Леенберга и некоторые оды Далина написаны 4-стопным ямбом; «Ода на мир между Россией и Швецией» Далина и анонимное русское «Воскликновение к Ея императорскому величеству» — 4-стопным хореем (*Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха... С. 168).

[572] Hwar Redlig Swensks Tankar öfver Krigs Kungiörelsen emot Czaren af Ryssland. Stockholm, 1741. S. 1—7.

[573] *Leenberg A. D.* The hemmawarande Swenska(r)s Fägnesamma påminnelse af theras Bröders i Finland then 23 aug. 1741 under Högwälborne Herr Barons och Gen. Majorens Carl Henric Wrangels Hjeltemodiga anförande wid Wilmanstrand bewista tapperhet. Stockholm, 1741. S. 2.

[574] *Hesselius A.* Den gamla Starkotters utlåtelse öfwer Actionen med Ryssen wid Willmanstrand... S. 5.

[575] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 8.

[576] *Leenberg A. D.* The hemmawarande Swenskas Fägnesamma påminnelse... S. 3.

[577] Til Magistraten och Borgerskapet i Åbo. Stockholm, 1788. S. 2.

[578] *Dalin O.* Ode öfwer slaktningen wid Willmanstrand... S. 1.

[579] *Hesselius A.* Den gamla Starkotters utlåtelse öfwer Actionen med Ryssen wid Willmanstrand... S. 8.

[580] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle... S. 8.

[581] *Dalin O.* Ode öfwer slaktningen wid Willmanstrand... S. 2.

[582] Ibid. S. 3.

[583] Ibid. S. 8.

[584] *Ekeberg A. G.* Öfver Freden emellan Swerige och Ryssland. Uppsala, 1791. S. 9.

[585] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 79. Этот мотив проник в русское сатирическое стихотворство времени русско-шведской войны 1788—1790 гг: «Прошу тебя, Густав, всех Готов пожалеть, // Во аде их уже куда не знают деть» («Послание из царства мертвых» — «Беседующий гражданин». 1789. Ч. 3. С. 370—371), или «Уж Стиксовы брега мундирами оделись, // Синеют все поля, долины зажелтелись» (Там же. С. 368).

[586] *Abelin M.* Öfver Freden med Kejsarinnan af Ryssland. Lund, 1743. S. 4.

17 — 9799

В свою очередь в России тяжесть шведского меча лишь подчеркивала слабость его обладателя: «А ты продерский Готф и смелый, // Тыль в Росские опять пределы // От Россов крыться прибежал? // Велик твой меч, но сам ты мал» (*Козельский Ф.* Песнопение Ея императорскому величеству... на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море... С. 8).

[587] *Dalin O.* Ode öfver Freden emellan Swerige och Rysland... S. 1.

[588] *Törngren A.* Afgrunds wrede, blixt och dunder, himlens mildhet, nåd och under, eftersinnat: wid hans Kongl. Höghet, hertig Adolph Fredrichs ankomst til Swerige... Stockholm, 1743. S. 4.

[589] Bihang til Wärfning-Patentet Rörande et Nytt Parti utan namn af den välmenande Eremiten. Cederholm, 1769. S. 3.

[590] *Херасков М. М.* Епистола на день Высокоторжественного Коронования Ея Императорского Величества... Екатерины Алексеевны... СПб., 1763. В шведской панегирической поэзии «революция», совершенная Густавом III, оценивается так же, как приход к власти Екатерины — в русской. Так, в одном из многочисленных шведских панегириков 1776 г., посвященных именинам Густава III, стихотворении Ю. Эклунда (Ekelund) говорится, что в Швеции «вновь оживает наша истинная государственная честь, // Ибо великий Король взял государственный скипетр в руку» (*Ekelund J.* Carlshamns underdåniga fägnads betydelse då hans Kongl. Maj:ts... höga Namns-dag inföll. Carlscrona, 1776. S. 4). В панегирической речи М. Чевентера (Keventer) говорится о «болезнях, которые поразили тело государства» и от которых Швецию избавляет пришедший к власти Густав III (*Keventer M.* Tal för Stadens äldste i Uppsala höge Namnsdag. Uppsala, 1776. S. 8), а в том же стихотворении Эклунда сказано, что «сейчас начинает Манхейм выходить из своей спячки» (знаменитая книга О. Рудбека называется «Атлантика, или Манхейм»). В России же об этом событии могли узнать из издания лекций И. Г. Рейхеля, прочитанных им в Москве в 1773 г., «История о знатнейших европейских государствах» (М., 1788), где в параграфе 13, кроме прочего, говорится: «После венчания его столь увеличилась вражда между Сенаторами, Государственными чинами и Королем, что Густав III 19 августа захватил Сенаторов, Аристократическое начальство утеснил, королевскую власть распространил и Государственных чинов принудил утвердить присягою новую форму правления, состоящую из 57 статей» (С. 393).

При этом авторы шведских панегириков Густаву и русских — Екатерине говорят о видимых улучшениях, произошедших сразу же после вступления на трон нового монарха: «С того времени, как Ея Императорское Величество престол Российский принять соизволила, мы час от часу видим действием самым плоды трудов Ея Величества собственных, отечеству нашему полезнейшее» (Прибавление к № 61 «Санктпетербургских ведомостей», 30 июля 1762 г.).

[591] ОР РГБ. Ф. 2. № 64. Л. 24 об.

[592] *Симон Тодорский.* Слово в день рождения Елизаветы Петровны. М., 1747. Л. 10 об.

[593] *Феофан Прокопович.* Слово о мире со Швецией. СПб., 1723. Л. 6.

[594] Примечания и историческое объяснение на объявление его величества короля Швецкого... С. 13.

[595] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня. СПб., 1790. С. 130.

[596] Точно так же в «Мнениях» Ю. Г. Оксеншерны отмечается, «что желание наполнять брюхо служит больше знаком нашего несовершенства, нежели доброго вкуса разумного человека» (Мнения нравоучительные... С. 174).

[597] Нравоучительныя и полезныя рассуждения, выбранные из разных авторов. М., 1761. С. 17.

[598] О мудром попечительстве древних шведов для пресечения расширяющиеся роскоши // Ежемесячные сочинения. 1764. С. 240.

[599] О борьбе шведских монархов с этим пороком хорошо знали в Европе: в диалоге Г. Мабли «О законодательстве, или Принципы законов» (Амстердам, 1776) говорится о презрении шведов к богатству и их добродетельной бедности (*Мабли Г.* Избранные произведения. М.; Л., MCML. С. 39—71). В России также создавались нравоучительные сочинения на эту тему: в напечатанной в «Беседующем гражданине» (1789. Ч. 1) статье «Придорожная гостиница, или Нечаянная беседа» говорится, что «роскошь есть первый шаг к падению блистающего богатством и вознесеннаго славою Государства» и что она «в разнеженных чувствах гражданина усыпляет сыновнюю его горячность к отечеству и усердие к общему благу» (С. 7). Правда, в отличие от Швеции, где в 1794 г. вышел королевский указ «Об уменьшении роскоши», в России появление подобных запретительных законов не приветствовалось; по мнению русских авторов, «законы, прекращающие роскошь, чем подробнее, тем более теряют своего величия и почтения, которое должны вдыхать, тем более подвержены посмеянию и пересуживанию, а напоследок послужат к уверткам» («О роскоши» // Беседующий гражданин. Ч. 3. С. 335) и «надобно, чтобы оные непосредственно паче внушали, нежели приписывали простоту и скромность» (Там же. С. 337).

[600] Примечания и историческое объяснение на объявление его величества короля Швецкого... С. 61.

[601] Rysk berättelse om sjöslaget den julii 1789 och öfversatt på Swenska med anmärkningar. Stockholm, 1789. S. 1.

[602] Anecdoter ifrån Finland. Stockholm, 1789. S. 2.

[603] *Odel A.* De makalöse Högstsalige Konungarnas Konung Gustaf Adolf och Konung Carl den Tolftes Rop... Stockholm, 1741. S. 1.

[604] Hwar Redlig Swensks Tankar öfver Krigs Kungiörelsen emot Czaren af Ryssland... S. 5.

[605] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 3.

[606] Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. С. 190.

[607] Новые ежемесячные сочинения. 1788. Дек. С. 65.

[608] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 4.

[609] *Ekeberg A. G.* Öfver Freden emellan Swerige och Ryssland... S. 11.

[610] «Ода, посрамленный герцог Зюдерманландский, или Преславное отражение шведского флота, учиненное адмиралом Чичаговым 1790 года маия 2 числа». Использованная в этом стихотворении рифма «шведы» — «победы» является рифмой-мифологемой (термин А. А. Илюши-

на). В русской поэзии существует набор рифм, закрепленных за словами «швед», «шведы», «Швеция». В текстах Петровского времени рифмы «России — Свии» (Торжественные врата...), «свийский — российский», «российску — свийску», «российский — свецийский» (Преславное торжество...) создают антитезу Россия — Швеция.

К 40-м гг. XVIII в. постоянной рифмой становится: «шведы — победы». «От Нарвской обуяв сомнительной победы // Шатались мыслями и войск походом Шведы» («Петр Великий» Ломоносова), указанный фрагмент «Оды, посрамленный герцог Зюдерманландский», или: «Сыны любимые победы, Сквозь дым окопов рвутся шведы» (в «Полтаве» А. С. Пушкина).

Другая рифма-мифологема: «шведа — соседа», либо нейтральна, и слово «сосед» никакими пейоративными эпитетами не сопровождается («Лишь сказали нам под Шведа, // В нас сердечки закипели. // Лишь найтить бы нам соседа, // Мы тотчас бы завертели» — «Поход под Шведа» (СПб., 1790) И. А. Кокошкина), либо составляет часть инвективного высказывания («Се тот, что доблественно сражался днесь со Шведом, // Со вероломным сим и дерзостным соседом» — «Стихи на кончину адмирала Грейга» — Новые ежемесячные сочинения. 1788. Дек. С. 64). В шведской поэзии подобные рифмы встречаются крайне редко, а постоянных рифм к слову Ryssland нет вообще: насмешливое «moscoviter — iezuiter» Руниуса, трагическое «moscoviter — i gräset biter» («пасть в сражении») у О. Рудбека или «Ryssland — hand» в «Narva Triumphans» единичны (в последнем случае идет речь о пленных русских, снявших шляпы и держащих их в руках).

[611] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами... С. 230.

[612] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 4.

[613] *Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen... S. 2, 3.

[614] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 2.

[615] *Bellman C. M.* Embarqueringen på Kongl. Skeppsholmen den 23 Junii 1788. Stockholm, 1788.

[616] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей... С. 116.

[617] Краткая всеобщая история господина Ла Кроца. СПб., 1766. С. 3.

[618] Там же. С. 1. В русской литературе второй половины XVIII в. произведения, повествующие о «забавных и баснотворных переменах» иностранцев, пользовались большой популярностью, например, были изданы «Приключения девицы Мак Реа. Истинная американская повесть» (М., 1788), события которой происходят во время войны в Америке, и влюбленные герои которой принадлежат к враждующим партиям, или «Приключения англичанина Едуарда Вальсона» (Тамбов, 1790).

[619] *Рейхель И. Г.* История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в Древнюю историю, продолженную до нынешних времен. М., 1788. С. 389.

[620] История или описание жизни Карла XII, короля Шведского. СПб., 1777. С. 93.

[621] *Вольтер.* История Карла XII, короля Шведского. М., 1803. С. 10—11.

[622] *Аллец П. О.* Краткое описание жизни и славных дел Петра Великого, первого императора всероссийского. СПб., 1788. С. 29.

[623] *Kleming G. E.* Konung Alexander: en medeltids dikt: från latinet vänd i svenska rim omkring år 1380 // Samlingar utgivna av Svenska fornskriftssällskapet. Serie 1. Svenska skrifter, 23: 25: 39. Stockholm, 1855—1862.

[624] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 950.

[625] В стихотворении «Его Королевскому Высочеству... Карлу XII» (Стокгольм, 1698) О. Вексиониуса (Wexionius) Карлу предлагается быть «в мире Соломоном, в войне — Александром» (Palmsk. 15. S. 868). Правда, первая аналогия в европейской литературе не прижилась (хотя в шведской панегирической поэзии и получила некоторое распространение: в 1688 г. было издано "Seculum Solomonum" М. Ю. Вольфа (Wolf; Palmsk. 15. S. 900), где Карл сравнивался с Марсом и с Соломоном, в панегирике Карлу 1714 г. сказано, что он «украшен большим блаженством, чем царь Соломон» (Palmsk. 15. S. 1134), а в «Печальной эпической песни» (Упсала, 1719) О. Рудбека упоминаются мудрый Соломон и храбрый Давид (С. 9).

[626] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 949.

[627] *Rudbeck O.* Sorge-Qwäde... S. 5.

[628] Сочинение шведа Ларса Юхана Эренмальма о состоянии России при Петре I // Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 224.

[629] *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 21.

[630] Ibid.

[631] Kort uttåg af Konung Carl then XII historia. Stockholm, 1709. S. 142.

[632] *Васильев В. Н.* Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII в.)... С. 38.

[633] Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу гр. Б. П. Шереметеву. М., 1774. С. 124.

[634] Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII. М., 1789. С. 46.

[635] *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 71.

[636] Письмо барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швецким. СПб., 1788. С. 7.

[637] Там же. С. 18.

[638] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 54.

[639] *Беляев О.* Дух Петра Великого, императора Всероссийского, и соперника его Карла XII, короля Швеции. СПб., 1798. С. 57.

[640] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 387. S. 1134. Правда, с персами русское войско сопоставлялось еще до начала Северной войны. Так, в дневнике Корба об устройстве русской армии сказано: «Чего желал Харидем в лагере Дария, того и доселе еще нельзя найти среди московитов, а именно, крепкаго строя опытных и закаленных солдат...» (*Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию... С. 208).

[641] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 307.

[642] Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей, по примеру Плутархову, сочиненное Лудовиком Голбергом. СПб., 1766. С. 3.

[643] Там же. С. 159. Характерно, что перевод статьи о Петре в книге отсутствует, зато имеется сноска: «Сей государь сравнивается с российским императором Петром Великим; но понеже дела сего славного монарха не токмо у Россиян, но и у чужестранцов находятся еще в свежей памяти, а сверх того от сочинителя не везде исправно описаны, того ради его история здесь выпускается» (С. 203).

[644] *Emanuel Swedenborg*. Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander... S. 135.

[645] Olof Rudbecks sonens Nora Samolad. Uppsala, 1701. S. 4.

[646] *Emanuel Swedenborg*. Ludus Heliconius and other Latin poems, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander... S. 183.

[647] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 957.

[648] *Windahl E. A.* En liten rimmares försök... S. 8.

[649] Точно также в стихотворении Ю. Эклунда «на высокие именины» Густава III сказано, что «он пришел, он увидел, он победил», правда не врагов, а «гордое покорившееся окружение» (*Ekelund J.* Carlshamns underdåniga fägnads betydelse då hans Kongl. Maj:ts... höga Namns-dag inföll. Carlscrona, 1776. S. 8). При этом шведский панегирист «развивал» этот афоризм: «Он хочет, он может, он знает, как одолеть все несчастья» (Ibid.).

[650] Цит. по: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 37.

[651] Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 68.

[652] Записки Христины, королевы Шведской... С. 19.

[653] Жизнь и военные подвиги шведского наследного принца Понтекорво, бывшего французского генерала Бернадота. М., 1813. С. 37.

[654] Там же. С. 53.

[655] Цит. по: *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 324.

[656] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 381.

[657] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 802.

[658] *Bergstedt A.* Öfver freden, som slöts i Werele den 14 augusti 1790. Strängnäs, 1790. S. 18.

[659] *Гольберг Л.* История разных героинь и других славных жен. СПб., 1767. С. 137.

[660] Записки Христины, королевы Шведской... С. 116.

[661] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 187.

[662] *Беранже Л.* Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов. М., 1790. С. 259.

[663] Там же. С. 38.

[664] Там же. С. 43.

[665] Там же. С. 46.

[666] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 176.

[667] Там же. С. 167.

[668] Записки Христины, королевы Шведской... С. 79.

[669] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 172.

[670] Там же. С. 169.

[671] Там же. С. 138, 143.

[672] Записки Христины, королевы Шведской... С. 114.

[673] Там же. С. 68.

[674] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 161.

[675] Там же. С. 168.

[676] На приглашение шведской королевы поселиться в Швеции Декарт отвечает: «Человеку, рожденному в Туренских садах, уединившемуся в такую землю, где хотя меньше было меда в самом деле, но может быть больше млека, нежели в обетованной Израилитянам земле, не можно решиться скоро оную покинуть и идти обитать в земле медведей посреди вертепов и льдов» (Записки Христины, королевы Шведской... С. 39), в Швеции же он якобы переиначил свое знаменитое изречение «Cogito ergo sum» в «Мерзну, следовательно существую».

Надо отметить, что это не единственный случай, когда житель южных стран боится шведского климата и поэтому не спешит принимать приглашение шведского монарха; так, сопровождавший Карла XII после Полтавы грек Серафим свой разговор с королем на эту тему пересказывает следующим образом: «Король шведский через канцлера Милярса спрашивал меня, хочу ли я с ним ехать в Швецию? Я отвечал прямо: не хочу. Король удивился и спросил: так ли отвечают королям? И сказал я так: "... вы знаете, что ваш климат диаметрально противоположен нашему, и мы не можем стерпеть холода вашего климата"» (*Есипов Г. В.* Люди старого века... С. 392).

[677] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 365.

[678] *Комон де ла Форс Шарлотт де Роз.* Геройский дух, или любовные прохлады Густава Вазы, короля Шведского. СПб., 1764. С. 25.

[679] Там же.

[680] *Катто-Каллевиль Ж.-П.* Всеобщее Швеции изображение. СПб., 1797. С. 328.

[681] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 188.

[682] Там же. С. 167.

[683] Там же. С.189.

[684] Там же. С. 58.

[685] Underdånigt tal på... Konung Gustaf III Höga födelsedag. Stockholm, 1779. S. 8.

[686] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей... С. 238.

[687] Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля Шведского. № 1. Известие о происшедшем против Короля в ночи с 16 на 17 число 1792 года убийственном умысле... СПб., 1792. С. 3.

[688] Там же. С. 12. Кроме того, в России был издан переведенный с немецкого «Разговор в царстве мертвых несчастного Лудовика XVI с императором Леопольдом II и Густавом III, королем шведским» (М., 1793), главным героем которого является французский король.

[689] Там же. С. 3.

[690] *Busser J. B.* Den Namnkunniga Ryska Käjsarinnan Elisabeths historia. Uppsala, 1771. S. 84. В книге Д'Аламбера та же привычка королевы Христины подчеркивается, но никак не объясняется («...переодевшись в мужское платье, была в нем большую часть пути» — Записки Христины, королевы Шведской... С. 67), о ее внешнем сходстве с мужчинами Д'Аламбер говорит особо: «Она прибыла наконец в Фонтенебло и, удивляясь учтивости двора, спрашивала, для чего тамошние женщины казались с такою ревностию целовать ея; не потому ли, говорила она, что я похожа на мущину» (Там же. С.74); в «Историческом словаре знаменитых женщин» Лекруа в статье о Христине приводит отзыв о ней мадемуазель Монпенсье, где, в частности, говорится: «она мне показалась прелестным маленьким мальчиком» (*De La Croix G.-F.* Dictionnaire historique portatif des femmes célèbres... P. 46).

[691] Ibid. S. 82.

[692] Ibid.

[693] Anecdoter utur Kejsarinnan Catharina II och Kejsaren Paul I jämte hans Familles Privat — lefnad. Stockholm, 1798. S. 27. Большинство «историй» русских императриц были изданы в Швеции в начале XIX в.: в 1809 г. в Стокгольме появился перевод французской книги Й. Х. Кастера (Castera) «История российской императрицы Екатерины II» (второе издание вышло в 1810 г.), а в 1811 г. в Стокгольме же — книга К. Эльмена (Elmen) «Жизнь российской императрицы Екатерины I».

[694] Märkwärdiga och nöjsamma Siberiska anecdoter. Westerås, 1790. S. 218.

[695] Samtal emellan en Swensk och Rysk officerare angående den i werlden bekante Ryska stats-ministren Prins Menjikoffs hastiga Uphöijelse af Czar Petter den I same oförmodelige Tall och nedstörtande af Czar Petter den II. Stockholm, 1734. S. 54.

[696] *Juringius P.* Lefvernes beskrifning om gref Burchard Christoffer v. Munnich Kejserlig Rysk Fältmarskalk, känd för sina falttåg emot Danssig och Turkarna, som deltagande i de senare Revolutionerna uti Russland och sin långwariga Fångenskap uti Siberien. Han dog 1767. Stockholm, 1771. S. 2.

[697] Ibid.

[698] *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы. СПб., 1908.

[699] Дорожная география, содержащая описание о всех в свете государствах, их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстояниях их от Парижа и о ведущих к сему городу дорогах как морем, так и сухим путем. М., 1765. С. 111.

[700] Там же. С. 113. При описании обоих народов французский автор отмечает их склонность к употреблению крепких напитков. Книги на эту тему издавались как в России (например, перевод работы Линнея

«Водка в руках философа, врача и простолюдима», названный русским переводчиком «сочинением прелюбопытным и для всякого полезным»), так и в Швеции, где, например, в 1741 г. вышла книга Й. Х. Преусса (Preuss) «Два разных разговора». Первый «разговор» начинается с вопроса: «Народ не может жить без водки?» и утвердительного ответа («особенно старики, которые иногда нуждаются в глотке водки для поддержания сил»).

[701] Там же. С. 46.

[702] История датская, сочиненная г. Гольбергом. СПб., 1765—1766. С. 144.

[703] *Гольберг Л.* История разных героинь и других славных жен. СПб., 1767. С. 45.

[704] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую. СПб., 1785. С. 93.

[705] Там же. С. 127. Ср. с идеей «географического детерменизма» в «О духе законов» Монтескье, где говорится о «скандинавском духе свободы»; известно, что Малле был последователем Монтескье (*Blanck A.* Den nordiska renässansen i sjuttonhundratalets litteratur. En undersöning av den "götiska" poesiens allmäna och inhemska förutsättningar. Stockholm, 1911. S. 41).

[706] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 38.

[707] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 352—353.

[708] *Emanuel Swedenborg.* Ludus Heliconius and other Latin poems... S. 84.

[709] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 352—353.

[710] Правда, датско-шведские военные конфликты нашли отражение в русской драматургии начала XVIII в.: в «Гистории о великомочном рыцаре Гендрике, курфирсте, и о преизящной Меленде, дочере Людвига, курфирста бранденбургского» «функции курфюрста бранденбургского выполняет... король датский, а князя аронского — король шведский» (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 67).

[711] Лудовика Голберга сокращение Универсальной истории. СПб., 1766. С. 249.

[712] Там же. С. 259.

[713] Olof Rudbecks sonens Nora Samolad... S. 2.

[714] *Далин О.* История Шведского государства. СПб., 1805—1807. Ч. 1—4.

[715] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня... С. 195.

[716] *Козельский Ф.* Песнопение Ея Императорскому Величеству... на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море... С. 6.

[717] Цит. по: *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 366.

[718] *Lindebäck J.* Tal på hans höghet hertig Carl höga namnsdag... Stockholm, 1791. S. 7.

[719] *Emanuel Swedenborg.* Ludus Heliconius and other Latin poems... S. 180.

[720] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 387. S. 1475.

[721] Там же. 15. S. 1136.

[722] Там же. 15. S. 1125.

[723] Там же. 386. S. 791. Этот распространенный в европейской поэзии образ встречается также в произведениях С. Колумбуса (Columbus), Г. Дальшерны (Dahlstierna), Ю. Упмарка (Upmarck), А. Стобаеуса (Stobaeus), Ю. Линдера (Linder), А. Руделиуса (Rydelius), Х. Пилиуса (Pylius), Ю. Штайнмеера (Steinmejer) (*Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 391—394).

[724] Underdånigt tal på... Gustaf III Höga födelsedag. Stockholm, 1779. S. 8.

[725] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 373.

[726] Торжество мира православного. М., 1703. Л. 3.

[727] Записки Желябужского... Приложение.

[728] *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных... С. 12.

[729] Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на векопомное прославление. Чернигов, 1710. Л. 31—31 об.

[730] Там же. Л. 31 об.

[731] Там же. Л. 19.

[732] Там же. Л. 15.

[733] Записки Желябужского... С. 190. Надо отметить, что Желябужский именует врагов-иноверцев иначе, нежели большинство русских авторов: например, турок он предпочитает называть «погаными» или «поганцами», а не «бусурманами»: «а те, поганыя, вышли в вылазку» С. 56. Правда, у Феофана Прокоповича в посвященной неудачному Прутскому походу «За Могилою Рябою» сказано, что «Не судил Бог христианства // освободить от поганства, // еще не дал збить поганства».

[734] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 55. В России басурманами могли именовать не только иностранцев: в статье «Стрелецкие сотники и головы при Иване IV» кроме Ивана Пятова, сына Желябовского, прозвище Баран, Паука Сатковского и Лютого Векетова, отмечены «Басурман да Игумен Леонтьевы, дети Беловы (Бедовы)» (ЧОИДР. 1910. Кн. 4. С. 15): считается, что скрывая свое настоящее крестное имя и принимая прозвище, человек спасается от наговоров и порчи (*Лихачев Н.* Любопытные прозвища // Библиограф. 1893. № 2—3. С. 157—158).

[735] Записки Желябужского... Приложение.

[736] *Birgegård U.* Protestantismens irrläror i en ortodox trosbekännaras ögon // Explorare necesse est: Hyllningsskrift till Barbro Nillson. Stockholm, 2002. S. 43.

[737] *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных... С. 28.

[738] *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная... о великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом XII и воинством его, сделанной под Полтавой. М., 1709. Л. 1 об.

[739] Краткое описание Славных и Достопамятных дел императора Петра Великого... С. 85.

[740] Победа над Турцией изображалась русскими панегиристами как «повержение» лунных рогов под ноги российского монарха (не случайно в русских стихотворениях, посвященных победам над Турцией, широко использовалась рифма: «роги» — «под ноги»). При этом слово «рог» в

значении «мощь», «сила» в отношении Турции не употреблялось, хотя сама антитеза: рог христианский — рог (в отношении Турции — роги) иноверческий в антитурецких текстах присутствует: «Роги лунныя долу повергше безчетно, // Вознесе рог христианск — знамение крестно» (в «Виршах о взятии Азова»).

741 *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года... С. 230.

742 Краткая история королевской шведской фамилии, именуемой Густавов... С. 8—9. В шведской литературе обвинение в приверженности тирании традиционно адресовывалось русским.

О деспотической Московии, представляющей угрозу для свободной Швеции, говорится в «Правдивом описании» 1700 г., в латинской эпиграмме «на царя Московского» («Czarus Moscua cui subest Tyranno»), или в «Военных стихах и пожелании счастья на... Победу над вероломными врагами в Лифляндской стороне» (1701 г.), где отмечается, что русские пришли «в наши пределы с убийством и тиранией» («Krigs-Skalder... öfver... Seger emot des trolösa Fiender å den lifländska Sijdan» // ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1016). В военной речи 1790 г. А. Линдблада (Lindblad) сказано, в частности, что «...те же цепи, которые во все времена угнетали жителей России.., теперь куются для свободных детей Швеции» (*Lindblad A.* Tal hållet på Ekesjö Rådhus den 3 apr. 1790. Stockholm, 1790. S. 3), а в оде Нордфорсса — «...если ты горишь любовью к своему Королю и Отечеству и имеешь мужество и стыдишься рабских пут, иди и разбей готовящиеся тебе оковы» (*Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen. Stockholm, 1788. S. 1). И даже в посвященном заключению мира между Россией и Швецией в 1790 г. «Стихотворение на мир» (Еребро, 1790) Е. А. Виндаля, говорится: «Орел... мог вырвать Скипетр Вазы, // Побережье могло быть опустошенным, города сожженными // И Швеция оказаться в вечном рабстве» (*Windahl E. A.* Skalde-digt öfver Friden. Örebro, 1790. S. 6). Правда, как следует из «Нескольких простых стихов», русские, «в натуре которых рубить, колоть, которые жаждут крови, // Должны, растерзанные, бежать, или умереть, или стать рабами шведов» (ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1064), но в большинстве шведских текстов поработить другие народы хотят соседи Швеции, и не только Россия. Так, в стихотворной «Выписке из некоторых замечаний об Орнесе», включенной в «Опыт скромного стихотворца» Виндаля и посвященной Густаву Вазе, говорится: «Едва ли на нашем Шведском Троне Христерн — Тиран, творя несправедливости и насилия, свое государство мог основать... и бесстрашный герой идет, чтобы вырвать Скипетр из рук Тирана» (*Windahl E. A.* En liten rimmares försök. Falun, 1788. S. 6; характерно, что в упоминавшемся собрании биографий героев мировой истории Гъервелла 6-я книга имеет название «Христерн II Тиран»).

743 Двор царя турскаго, сочинение ксенза Симона Старовольского, так называемый «вольный перевод» с сокращениями, изменениями и дополнениями противу подлинника на Славяноросcийское наречие с Польскаго издания 1649 года сделанный в 1678 г. во время приготов-

ления к войне с турками для Царя Феодора Алексеевича // Памятники древней письменности. СПб., 1883. Т. 42. С. 77—78.

[744] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года... С. 193.

[745] Там же. С. 230.

[746] Мысли королевы Христины о турках. М., 1828. С. 5—6.

[747] Там же. С. 95.

[748] *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»: synen på Ryssland i Sverige 1595—1621 och andra studier kring den svenska Rysslandsbilden från tidigare stormaktstid. Uppsala, 1974. S. 22.

[749] *Werwing J.* Öfver Mascaraden som hölls på det Kongl. Palais febr. 1700 // Carlsson C. Försök til swänske skald-konstens uphielpande. Stockholm, 1738. T. 2. Afd. 2. S. 20.

[750] *Nordforss C. G.* Ode til Swenska Armeen... S. 5.

[751] *Ekeberg A. G.* Öfver Freden emellan Sverige och Ryssland... S. 1.

[752] Vid hennes Kejserliga Maj:t ryska kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga dödfal. Stockholm, 1762. S. 1.

[753] ОР РНБ. Эрм. № 326. Л. 1.

[754] *Hesselius A.* Den gamla Starkotters utlåtelse... S. 2.

[755] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1133.

[756] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 5.

[757] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 7—8.

[758] *Windahl E. A.* Skalde-Digt öfver Friden... S. 5.

[759] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 114.

[760] Русский Архив. 1872. Кн. 7—8. С. 1450.

[761] Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 8 об.

[762] Труды Имп. русск. военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 1. С. 254.

[763] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 44.

[764] Воинские артикулы... Карола XI... // ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215. Л. 121 об.

[765] Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 12 об.

[766] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 115.

[767] *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных... С. 19.

[768] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 115.

[769] *Пуфендорф С.* Введение в гисторию Европейскую. СПб., 1718. С. 455.

[770] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 24.

[771] Там же. С. 114. О твердости железа говорится также в русских заговорах XVII в.: «Железо, Камение и Древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрешен и разрушен и яко тимпан во веки веков. Амин» (Служебник и соборный свиток. М., 1667. Л. 6).

[772] Библия. М., 1663. Л. 106.

[773] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня... С. 195.

[774] ПЛДР. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 266. В «Естественной исто-

рии ископаемых тел» Кая Плиния Секунда говорится, что «литая медь только плавится, а под молотом хрупкая», но «после золота и серебра медь наибольшее имеет достоинство по ея употреблению, а Коринфская предпочитается даже серебру и почти самому золоту. Уважается она также по употреблению на плату воинам. От сего происходят выражения Aera militus — плата воинам». Правда, в России это сочинение было издано лишь в 1819 г. (С. 10).

[775] Цит. по: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 75.

[776] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 86.

[777] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 62.

[778] *Кантемир А. Д.* Сатиры. СПб., 1762. С. 136.

[779] *Карин Ф.* Нравоучительные мнения, взятые из свойств Марии Владимировны графини Салтыковой. М., 1770. С. 7.

[780] Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 12 об.

[781] Цит. по: *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 153.

[782] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 84.

[783] *Bellman C. M.* Embarqueringen på Kongl. Skeppsholmen. Stockholm, 1788. S. 1.

[784] Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. С. 368.

[785] Ввиду того что мундиры солдат различных европейских армий отличались в первую очередь цветом, подобные «хитрости» были распространены, и не только во время войны. Так, в «Записках» Е. Р. Дашковой приводится хорошо известная история о том, как, возмущенная изображенным на висевшей в немецкой гостиннице картине поражением русских от немцев, она «поручила... купить синей, зеленой, красной и белой масляной краски, и после ужина они оба и я, хорошо заперев дверь, перекрасили мундиры на картинах, так что пруссаки, мнимые победители, превратились в русских, а побежденные войска в пруссаков» (*Дашкова Е.* Записки 1743—1810. Калининград, 2001. С. 132). При этом в русских текстах называются цвета лишь одной армии — шведской.

[786] РГАДА. Ф. 17. № 149. Л. 7.

[787] История Выборгского герба. Viipuri 2000. vbg.ru.

[788] *Гавриил Бужинский.* Слово благодарственное о победе под Полтавою. СПб., 1720. С. 9.

[789] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 26. В свою очередь в «Augur Apollo» Стобаеуса и в предисловии к «Nora samolad» Рудбека-сына говорится о цветущем состоянии и богатстве современной Швеции как результате мудрой политики шведских монархов.

[790] Новая Скандинавская литература. Галатея. 1829. С. 117. В «Истории о знатнейших европейских государствах» (М., 1788) И. Г. Рейхеля указывается причина столь сильного обеднения Швеции: «Карл X привел Швецию в слабость непрестанными войнами, Карл XI разорил ея возвращением королевских имений и ложною монетою, а Карл XII привел ея в крайнюю бедность своим упорством и безрассудною охотою к войне» (С. 389).

[791] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 353—357.

[792] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию... С. 207.

[793] Рассуждения Фридриха II, короля Прусскаго о свойстве и воинских дарованиях Карла XII... С. 17.

[794] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию... С. 211.

[795] *Павел Пясецкий*. Московско-польская война. Памятники древней письменности. СПб., 1887. Т. 68. С. 10.

[796] *Helander H.* Olof Hermelin, Ad Carolum XII... S. 68.

[797] *Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen. Stockholm, 1788. S. 1.

[798] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers... S. 190.

[799] *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»: synen på Ryssland i Sverige 1595—1621... S. 22.

[800] Ibid. S. 22. См. также: *Ермасов Е. В.* Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI — первой половины XVIII в. // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 16.

[801] «Контроверсия» (полемическое сочинение XVII в.) // Памятники древней письменности. СПб., 1888. Т. 74. С. 15.

[802] Цит. по: *Козубский Е.* Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII веке // ЖМНП. 1878. № 5. С. 3.

[803] Цит. по: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 46.

[804] *Феофан Прокопович*. Слово на день Святого Благовернаго князя Александра Невского. СПб., 1720. Л. 6 об. Скандинавскую древность так оценивают только французские авторы; например, в «Густаве Вазе» Комона де ла Форса сказано, что «в северной стране... небрежением писателей великие и знаменитые дела погребены в забвение» (*Комон де ла Форс*. Геройский дух, или Любовные прохлады... С. 355). В Швеции же, как показывает пример «Рассуждений» Густава III, своим прошлым гордились и варварским его не признавали.

[805] Речь на Ништадтский мир... СПб., 1721. С. 3.

[806] Hembygdens vän. Stockholm, 1769. S. 2.

[807] Konung Gustaf den 3-djes Réflexioner. Stockholm, 1778. S. 8.

[808] *Румянцов П. П.* Из прошлого русской православной церкви в Стокгольме. Берлин, 1910. С. 173.

[809] Там же. С. 172. Правда, во время обострения русско-шведских политических отношений причиной переодевания находящихся в Стокгольме русских священников в европейское платье становится недоброжелательное отношение к ним со стороны шведов: «Такожде по указу вашего святейшества велено нам в бытность нашу в Швеции носить верхнее и нижнее платье долгое, а именно рясы и полукафтанье, которое мы нижайше несколько времени и носили, а ныне за великим от швецкаго народа поруганием и бросанием вслед идущих нас камней и прочих безчинств, а наипаче кощунных употреблений божественнаго нашего пения, к тому же скаредных соромных русских браней по многократным нашим жалобам имел господин посланник предосторожность и, убегая пьяных задирательных ссор и несогласий принудил нас употреблять немецкое платье и хотел о том писать в Кабинет его Императорского Величества, ибо невозможно нам никак выйти в святую церковь, а квартиры

наши от церкви в дальном стали разстоянии» (Доношение Священному Синоду 29 января 1741 г. // Там же. С. 178).

[810] Там же. С. 338.

[811] РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3, № 1. Л. 414.

[812] *Almquist H.* Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700—1709. Karolinska förbundets årsbok. Stockholm, 1942. S. 73—75.

[813] Ibid. S. 75.

[814] Ibid.

[815] Ibid. S. 77.

[816] Цит. по: *Шрек Г. П.* Кровь в верованиях и суевериях человечества. СПб., 1995. С. 40.

[817] В русских текстах начала XVIII в. о кровопийстве не говорится ничего, хотя рассказы о символическом пролитии крови встречаются: в «Записках Желябужского» о казни Циклера рассказывается, что «в то время к казни из могилы выкопан мертвой боярин Иван Михайлович Милославский и привезен в Преображенское на свиньях, и гроб его поставлен был у плах изменничьих, и как голову им секли, и руду точили в гроб на него» (С. 112). Смысла этого действия Желябужский, по видимому, не понимает, однако тот же эпизод встречается в «Записках» Туманского и сопровождается комментарием: «...на вечную его Милославского кровопролития бывшаго память оные скаредные части его закопаны и умножаемою воровскою кровию и доныне обливаются по Псаломскому слову Мужа кровей имети гнушается Господь» (ОР Университета библиотеки Упсалы. Н. 159 а. Л. 179). Этот фрагмент читается в примечаниях к «Запискам Желябужского» (С. 227).

[818] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 178.

[819] Ibid. S. 212.

[820] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1064.

[821] *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная Богу... о великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом 12... Л. 4.

[822] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 214. По словам Карла XII, «лучшее зрелище было, когда русские взбежали на мост, и мост под ними проломился: точно фараон поглощен был Чермным морем» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 625).

[823] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 38.

[824] РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 3. В «Руке риторической» Стефана Яворского «изображение» иллюстрируется следующим примером: «Стоят семо и овамо полки устроены, един кииждо огнем дышет, очеса искры испускают, скрежещут зубы, ярится лице, мечи блистают, железных ядер грады шумят, рыкающих пушек гремят громы, лиется кровь, лежат трупи: между сих неизвестными летает победа крилами» (*Стефан Яворский.* Риторическая рука... С. 68).

[825] Ревность православия. М., 1704. Л. 6 об.

[826] Во второй половине столетия слово варвар, сохраняя пейоративную окраску, могло обозначать также «естественного человека». В переведенной Г. Р. Державиным с немецкого «Ироиде, или Письме Вивлиды

к Кавну» (Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов прозаических и стихотворных. Ч. 2. СПб., 1772) о жизни «варваров» говорится: «Для чего, любезный Кавн, мы не в тех местах, где дикий смертный не знает употребления разума, где, располагая все по своему желанию своим слабым сердцем, одной природы простым преследует законам; там нет преступления, где всякое желание законно... и сей спокойный народ, кажущийся в наших глазах столь странным, которым глупая и тщеславная гордость дает имя Варваров, щастливым своим стремлением достоин лучшего имени и во сто раз меньше Варвар и больше человеколюбив, нежели мы» (С. 44).

[827] Zarsonen Fewei. En händelse i en residence stad. Af hennes majestät kejsarinnan af Ryssland. Översättning... S. 32.

[828] *Berling C.* Strödde Underrättelser rörande Ryska Nationen ledande till en närmare kännedom af Ryska Nationalkarakteren. Lund, 1803. S. 1.

[829] Ibid. S. 4—5.

[830] Современник. СПб., 1842. № 4. С. 43.

[831] Там же. С. 44.